

ПРИЗВАНИЕ

КАК НАЙТИ ТО,
ДЛЯ ЧЕГО ВЫ СОЗДАНЫ,
И ЖИТЬ В СВОЕЙ СТИХИИ

СЭР КЕН РОБИНСОН
ПРИ УЧАСТИИ
ЛУ АРОНИКИ

Annotation

Призвание – это встреча способностей и страсти. Проще говоря, когда «дело, которое очень нравится» и «дело, которое отлично получается» совпадают. Но это слово, увы, вызывает раздражение у большинства из нас, не в последнюю очередь благодаря усилиям образовательной системы. Мы многое теряем. «Выбери себе дело по душе, и тебе ни дня не придется работать» – учил Конфуций. Обретение призвания – источник ощущения полноты жизни и душевной гармонии, а также залог продуктивной и эффективной работы, то есть ценнейший актив не только для вас, но и для ваших близких, вашего работодателя, ваших клиентов. Автор – ведущий эксперт в области творческого мышления, образования и инноваций – приводит доказательства из жизни и рассказывает, как это сделать.

Книга адресована всем, кто хотел бы ощутить счастье самореализации.

Кен Робинсон при участии Лу Ароники

Призвание. Как найти то, для чего вы созданы, и жить в своей стихии

Предисловие

Несколько лет назад я услышал чудесную историю, которую очень люблю рассказывать. Одна учительница начальных классов проводила урок рисования в группе шестилетних детей. В конце класса сидела маленькая девочка, которая обычно не радовала учителей внимательностью и прилежанием. Но это не относилось к урокам рисования. На протяжении двадцати минут девочка самозабвенно рисовала, закрыв от всех свой лист бумаги. Заинтригованная учительница не выдержала и спросила, что же она рисует. Девочка, не поднимая глаз, ответила: «Я рисую Бога». Удивленная, учительница сказала: «Но ведь никто не знает, как выглядит Бог».

Девочка ответила: «Через минуту узнают».

Мне очень нравится эта история. Она напоминает нам, что маленькие дети обладают поразительной уверенностью в своих представлениях. Большинство из нас, становясь взрослыми людьми, теряет эту уверенность. Спросите у первоклассников, кто из них верит в свои творческие способности, – и в ответ взметнется лес рук. Задайте такой же вопрос группе старшеклассников – и будете поражены малочисленностью «творчески уверенных в себе» подростков. Я искренне считаю, что все мы от рождения обладаем огромными природными способностями, но теряем многие из них в ходе интенсивного общения с окружающим миром. Парадоксально, но факт: одной из основных причин этого процесса является образование. В результате большинство из нас даже не догадывается о своих истинных талантах и возможностях, а следовательно, не представляет, каких высот может достичь.

Иначе говоря, люди не знают, кто они такие на самом деле.

Я много путешествую и работаю с людьми из самых разных стран. Я работаю с образовательными учреждениями, корпорациями и некоммерческими организациями. Везде я встречаю студентов, которые пытаются определить свое будущее и не знают, с чего начать. Я встречаю обеспокоенных родителей, которые пытаются им помочь, но вместо этого часто мешают детям реализовать свои истинные таланты, настаивая на традиционных и проторенных путях обретения успеха. Я встречаю работодателей, которые пытаются понять и лучше использовать разнообразные таланты своих сотрудников. В какой-то момент я потерял счет людям, которые не понимали по-настоящему, каковы их индивидуальные таланты и истинные интересы. То, чем они занимаются сейчас, не доставляет им удовольствия, однако эти люди не имеют ни малейшего представления о том, что действительно может сделать их счастливыми.

С другой стороны, я неоднократно встречал людей, которые очень успешны во всех сферах жизни, страстно увлечены своим делом и не могут представить себя в иной роли. Я верю, что их истории содержат в себе важный урок для всех нас. Они дают нам знание о природе человеческих способностей и важности их реализации. Выступая на самых разных мероприятиях по всему миру, я окончательно убедился, что именно реальные истории реальных людей, а не сухая статистика и мнение высокопоставленных экспертов, убеждают нас в необходимости изменить мнение о себе, о том, как мы строим свою жизнь, как воспитываем своих детей и управляем своими организациями.

В этой книге содержится множество историй о творческих исканиях очень разных людей. Со многими из них были проведены интервью специально для моей книги. Эти люди рассказывают, как впервые открыли в себе уникальные таланты и как смогли преуспеть в жизни, занимаясь любимым делом. Особое впечатление на меня произвело то, что часто они шли к этому необычными путями, полными крутых поворотов, виражей и сюрпризов. Часто люди, с которыми я проводил интервью в процессе создания книги, говорили, что наша беседа позволила им по-новому оценить свои идеи и жизненный опыт, которые они раньше никогда и ни с кем не обсуждали подобным образом. Пережить момент признания. Ощутить развитие своих талантов. Почувствовать поддержку или противодействие семьи, друзей и учителей. То, что помогало им двигаться вперед вопреки многочисленным препятствиям.

Истории этих людей не сказки. Все они ведут сложную жизнь, полную вызовов и трудных задач. Их путь к себе не был легким и безмятежным. Все они испытывают и триумфы, и падения. Никто из них не живет «совершенной» жизнью. Но всех этих людей объединяет одно – моменты, когда они испытывают удивительное чувство своего совершенства.

Именно поэтому я считаю, что их истории и опыт так важны для вас – настоящих героев моей книги.

Создавая ее, я стремился предложить вам более широко взглянуть на способности и творческий потенциал человека и на те преимущества, которые дает каждому из нас четкое понимание своих талантов и предпочтений. Эта книга посвящена вопросам, имеющим фундаментальное значение в жизни каждого человека и – следовательно – окружающих его детей, друзей, учеников... Для обсуждения этих вопросов и обозначения сферы, в которой гармонично сливаются наши увлечения и достижения, я буду использовать термин своя стихия. Я верю в необходимость для каждого из нас найти свою стихию не только потому, что это повысит степень нашей удовлетворенности жизнью, но и потому, что по мере эволюции мира само будущее наших сообществ и институтов будет зависеть от этого.

Мир сегодня меняется быстрее, чем когда-либо в истории. Мы понимаем, что для вступления в новую эпоху нужна абсолютно другая парадигма человеческих способностей. Нам необходимо выработать новый взгляд на важность развития человеческих талантов и понять, что талант проявляется по-разному. Необходимо создавать такую среду – в школах, на рабочих местах и в государственных учреждениях, – где каждого человека поощряли бы развивать свой творческий потенциал. Необходимо обеспечить уверенность каждого человека в том, что у него есть возможность и способности заниматься тем, чем он должен заниматься для того, чтобы открыть свое призвание.

Эта книга представляет собой гимн невероятному разнообразию человеческих талантов и предпочтений, гимн нашему необычайному потенциалу роста и развития. Она дает понимание того, в каких условиях человеческие таланты расцветают, а в каких гибнут. А еще эта книга о том, как нам научиться концентрироваться на настоящем и единственно возможным способом подготовиться к неизвестному будущему.

Для того чтобы наилучшим образом реализовать себя и помочь в этом друг другу, нам необходимо срочно пересмотреть свою точку зрения на человеческие способности. Нам необходимо принять свою стихию.

Глава 1

Моим сестрам и братьям – Этель Лене, Киту, Дереку, Иэну, Джону и Нейлу; нашим необыкновенным маме и папе, Этель и Джиму; моему сыну Джеймсу, моей дочери Кейт и моей спутнице жизни Терри. Эта книга посвящается всем вам. Вашим многочисленным талантам. Той бесконечной любви и радости, которые мы дарим друг другу. Ведь именно рядом с вами – любимыми и любящими – я действительно нахожусь в своей стихии.

СВОЯ СТИХИЯ

Джиллиан было всего семь лет, однако ее будущее уже оказалось под угрозой. Ее успеваемость в школе была просто отвратительной. Джиллиан с опозданием выполняла задания, ее почерк был ужасен, а результаты контрольных – удручающие. Кроме того, девочка отвлекала от занятий весь класс: то шумно ерзала на месте, то глядела в окно, вынуждая учителя прерывать урок, чтобы вновь привлечь ее внимание, то мешала своими выходками сидящим вокруг нее детям. Джиллиан все это не особенно волновало – она привыкла, что взрослые делают ей замечания, и действительно не считала себя трудным ребенком, – однако учителя были обеспокоены. Ситуация достигла апогея, когда руководство школы написало письмо ее родителям.

Учителя считали, что у Джиллиан проблемы с обучаемостью и что, возможно, для нее будет лучше перейти в школу для детей с ограниченными возможностями. Все это происходило в начале 1930-х годов. Я думаю, сегодня бы сочли, что у нее синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ),^[1] и посадили бы ее на психотропные препараты. Однако в те времена этого термина еще не придумали. На СДВГ нельзя было сослаться при любой возможности.

Родители Джиллиан, получив письмо из школы, очень обеспокоились и немедленно начали действовать. Мать Джиллиан одела дочь в лучшее платье и туфли, собрала ее волосы в аккуратные хвостики и привела к психологу, опасаясь самого худшего.

Джиллиан рассказала мне, что помнит, как ее пригласили в большую комнату, обитую дубовыми панелями, где на полках стояли книги в кожаных переплетах. В комнате возле большого письменного стола стоял представительный мужчина в твидовом пиджаке. Он провел Джиллиан в дальний конец комнаты и усадил на огромный кожаный диван. Ноги Джиллиан не доставали до пола, окружающая обстановка настораживала. Она нервничала по поводу того, какое впечатление произведет, поэтому села на руки, чтобы не ерзать.

Психолог вернулся к своему столу и в течение последующих двадцати минут расспрашивал мать Джиллиан о трудностях дочери в школе и о проблемах, причиной которых, по словам учителей, являлась девочка. Не задавая ни одного вопроса самой Джиллиан, он все время внимательно наблюдал за ней. Из-за этого Джиллиан испытывала крайнюю неловкость и смущение. Даже в столь нежном возрасте она понимала, что этот человек сыграет значительную роль в ее жизни. Она знала, что означало посещать специальную школу, и не хотела иметь с этой школой ничего общего. Она действительно не считала, что имеет какие-то реальные проблемы, но, кажется, все вокруг думали наоборот. Судя по тому, как ее мать отвечала на вопросы, возможно, что даже *она* так считала.

«Кто знает, может, они и правы», – размышляла Джиллиан, сидя на диване.

Наконец мать Джиллиан и психолог закончили разговаривать. Мужчина поднялся из-за стола, подошел к дивану и сел рядом с девочкой.

– Джиллиан, ты вела себя очень терпеливо, спасибо тебе за это, – сказал он. – Но потерпи еще немного. Сейчас мне нужно поговорить с твоей мамой наедине. Мы выйдем на несколько минут. Не беспокойся, это совсем ненадолго.

Джиллиан с опаской кивнула, и двое взрослых оставили ее в комнате одну. Однако, выходя, психолог, перегнувшись через стол, неожиданно включил радио.

Как только они вышли из комнаты в коридор, доктор сказал матери Джиллиан:

– Постойте здесь минутку и посмотрите, чем она занимается.

В стене находилось окно, через которое можно было видеть, что происходит в комнате. Взрослые стояли так, что Джиллиан не могла их видеть. Почти сразу же девочка вскочила на ноги и начала двигаться по комнате в такт музыке. Двое взрослых несколько минут молча наблюдали за девочкой, пораженные ее естественной, почти первобытной грацией.

Наконец психолог повернулся к матери Джиллиан и сказал: «Знаете, миссис Линн, Джиллиан не больна. Она танцовщица. Отведите ее в школу танцев».

Я спросил Джиллиан, что произошло потом. Она ответила, что мать последовала совету психиатра.

– Я не могу передать, как это было чудесно, – рассказала она мне. – Я входила в комнату, полную таких же людей, как я. Людей, которые не могли долго сидеть на месте. *Людей, которым для того, чтобы мыслить, необходимо было двигаться.*

Она начала раз в неделю ходить в школу танцев и каждый день тренировалась дома. В конце концов она поступила в Королевскую балетную школу в Лондоне. Затем Джиллиан присоединилась к Королевской балетной труппе, стала солисткой и объехала с выступлениями весь мир. Когда этот этап ее карьеры завершился, молодая женщина создала собственную студию мюзикла и поставила ряд весьма успешных шоу в Лондоне и Нью-Йорке. Затем она познакомилась с сэром Эндрю Ллойдом Уэббером, в сотрудничестве с которым были созданы знаменитые мюзиклы «Кошки» и «Призрак оперы», получившие фантастическое признание и имевшие колоссальный успех.

Маленькая Джиллиан, девочка, чье будущее было под угрозой, приобрела мировую известность как Джиллиан Линн – одна из знаменитейших хореографов нашего времени, подарившая удовольствие миллионам людей и заработавшая миллионы долларов. Это произошло потому, что кто-то глубоко заглянул в ее глаза. Кто-то чуткий и внимательный, кто уже видел раньше таких детей и умел читать знаки скрытого таланта. Кто-то другой мог вынудить ее принимать лекарства и велеть, чтобы она успокоилась.

Но Джиллиан не была проблемным ребенком. Не было нужды отправлять ее в специальную школу.

Ей всего лишь нужно было помочь стать той, кем она была на самом деле.

В отличие от Джиллиан Мэтт всегда хорошо учился в школе, получал приличные оценки и справлялся со всеми важными контрольными работами. Однако ему было смертельно скучно. Чтобы как-то развлечься, он начал рисовать во время уроков.

«Я мог рисовать постоянно, – рассказал он мне. – И достиг таких успехов в этом, что мог рисовать, не глядя на рисунок, а учителя думали, что я их слушаю».

Уроки рисования стали для него возможностью целиком отдаться своей страсти. «Мы раскрашивали картинки в книжках-раскрасках, и я был просто не в состоянии тупо закрашивать внутри контуров. Мне хотелось выйти за них! Границы мешали и сковывали воображение».

Увлечение перешло на совершенно новый уровень, когда Мэтт стал старшеклассником. «На уроке рисования остальные просто отсиживались, учитель скучал, а принадлежности для рисования лежали в стороне – никто их не использовал. Поэтому я вдохновенно делал столько рисунков, сколько мог – до тридцати за урок! Было что-то волнующее в том, чтобы из ничего создавать что-то. Но однажды учителя спохватились, что я использую слишком много бумаги, и остановили меня.

По мере того как мое мастерство росло, становилось все интересней: «О, это действительно отдаленно напоминает то, на что должно быть похоже». Но затем я понял, что мои рисунки технически не становятся заметно лучше, поэтому сосредоточился на историях и шутках. Это казалось мне более занимательным».

Мэтт Гроунинг, всемирно известный создатель «Симпсонов», нашел истинный источник вдохновения

в работах других художников, чьим рисункам не доставало технического мастерства, но они могли сочетать свой самобытный художественный стиль с сочинением оригинальных историй. «Меня обнадеживало то, что были люди, не умевшие рисовать, но успешно зарабатывавшие на жизнь, такие как Джеймс Тербер, например. Джон Леннон также был для меня очень важным человеком. В книгах «Пишу как пишется»^[2] и «Испанец в колесе»^[3] полно его собственных, действительно убогих рисунков, однако там много и веселых стихотворений в прозе, и безумных историй. На каком-то этапе я пытался подражать Джону Леннону. Также большое влияние на меня оказал Роберт Крамб^[4]».

Учителя и родители юного Мэтта – даже его отец, который был художником-мультипликатором и режиссером, – пытались побудить мальчика посвятить свою жизнь чему-нибудь другому. Они предлагали ему поступить в колледж и получить более солидную профессию. В действительности Мэтту встретился лишь один учитель, который по-настоящему вдохновил его на выбор жизненного пути. «Учительница, преподававшая у меня в первом классе, сохранила рисунки, сделанные мной на уроках. Она действительно хранила их много лет. Я был невероятно тронут, вы же понимаете, что у нее за эти годы были сотни учеников. Ее зовут Элизабет Гувер. Я назвал в ее честь одного из персонажей «Симпсонов»».

Неодобрение старших Мэтта не обескураживало, потому что в глубине души он знал, что его по-настоящему вдохновляет.

«Когда мы, будучи детьми, сочиняли истории, играли маленькими фигурками динозавров и подобными игрушками, я знал, что собираюсь заниматься этим всю оставшуюся жизнь. Я видел взрослых с портфелями, идущих в свои офисы, и думал: «Я так не смогу. А вот это единственное, чем я действительно хочу заниматься». Вокруг меня были другие дети, которые чувствовали то же, что и я, но постепенно у них это ушло, они стали серьезнее. А мне всегда хотелось играть и рассказывать истории.

Я понимал, что от меня ждут движения по запланированным жизненным этапам: сначала школа, затем колледж, получение диплома, торжественный выпуск и – наконец – успешное обретение хорошей работы. Я знал, что это не для меня. Я знал, что собираюсь рисовать мультики всю жизнь.

Я нашел друзей, у которых в школе были те же интересы. Мы проводили вместе свободное время, рисовали комиксы, а затем приносили их в школу и показывали друг другу. Шло время, мы стали старше и амбициознее и начали снимать видеоролики. Это было здорово. Это служило частичной компенсацией за то, что в обществе мы чувствовали себя очень неуютно. Вместо того чтобы оставаться дома в выходные дни, мы уходили и снимали видеоролики. Вместо того чтобы ходить на футбольные матчи в пятницу вечером, мы шли в местный университет и смотрели фильмы в стиле «андеграунд».

Я принял решение, что буду жить своим умом. И кстати, не особенно надеялся, что это сработает. Я представлял свою более-менее удачную жизнь примерно так: днем дрянная работенка, которую я ненавижу. Может, надо будет катать туда-сюда шины на каком-нибудь шинном складе. Но в перерывах... Это будет только мое время. Я буду рисовать свои мультики».

Однако все обернулось совершенно иначе. Мэтт переехал в Лос-Анджелес, где со временем опубликовал серию комиксов «Жизнь в аду» в L.A. Weekly и постепенно начал создавать себе имя. Это привело к тому, что он получил от Fox Broadcasting Company^[5] предложение по созданию короткометражных анимационных фрагментов для «Шоу Трейси Ульман». Выполняя эту работу для Fox, он спонтанно и неожиданно для самого себя придумал «Симпсонов». Шоу переросло в получасовую программу, и Fox передавала ее каждое воскресенье на протяжении девятнадцати лет. Кроме того, на основе передачи появились фильмы, книги комиксов, игрушки и бесчисленное количество других сувениров. Иными словами, возникла целая империя поп-культуры.

Однако ничего этого не произошло бы, послушай Мэтт Гроунинг тех, кто твердил ему, что он должен

сделать «настоящую» карьеру.

* * *

Однако многие успешные люди все-таки любили школу, и далеко не все они плохо учились. Пол был еще старшекласником и имел очень хорошие отметки, когда впервые оказался в лекционном зале Чикагского университета. Тогда он и понятия не имел, что этот университет был одним из ведущих учебных заведений мира в области изучения экономики. Придя сюда, он знал только то, что университет расположен рядом с его домом. Несколько минут спустя Пол словно «заново родился», как он впоследствии выразился в своей статье. «В этот день лекция была посвящена теории Мальтуса^[6] о том, что человечество будет размножаться подобно кроликам до тех пор, пока плотность населения на акр земли не уменьшит заработки до уровня прожиточного минимума. При этом возросший коэффициент смертности станет равен коэффициенту рождаемости. Эти дифференциальные уравнения были настолько просты для понимания, что я ошибочно заподозрил, будто упускаю из виду какой-то подвох».

С этого момента начался путь Пола Самуэльсона как ученого-экономиста. Именно этот путь, который Пол описывает как «настоящее удовольствие», привел его к должностям профессора Массачусетского технологического института и президента Международной экономической ассоциации. Пол написал сотни статей и несколько книг (включая учебник по экономической теории, ставший бестселлером на все времена). Он оказал значительное влияние на государственную политику и в 1970 году стал первым американцем, получившим Нобелевскую премию по экономике.

Сейчас Пол вспоминает: «Я был не по годам развитым подростком, и мне всегда хорошо давалось решение логических задач и тестов на коэффициент интеллекта. Поэтому, если экономика была создана для меня, то можно сказать, что и я был создан для экономики. Никогда не стоит недооценивать в жизни ребенка ту работу, которую он сам воспринимает как приятную игру. Именно это жизненно важное открытие превращает обычных людей, которые могли бы никогда не реализовать свой потенциал, в счастливых триумфаторов».

Три истории, одна идея

Джиллиан Линн, Мэтт Гроунинг и Пол Самуэльсон – это три разных человека с тремя различными историями. А объединяет их одна, несомненно важная идея: каждый из них добился высоких достижений и рекордного уровня личной удовлетворенности, открыв в себе природный талант, совпадающий с главным жизненным интересом. Я называю подобные случаи «историями прозрения», поскольку в них обычно присутствует некое откровение, разделяющее мир на «до» и «после». Именно такие прозрения коренным образом изменили жизнь этих людей, указали им путь и цель, помогли добиться успеха так, как не могло бы помочь ничто другое.

Эти и другие люди, о которых рассказывается в моей книге, нашли себе дело, которое подходит для них наилучшим образом. Они нашли свою стихию – сферу, в которой то, что мы любим делать, и то, что у нас хорошо получается, сливаются воедино. Своя стихия – это другое обозначение нашего потенциала. Он по-разному проявляется в каждом человеке, однако составные компоненты стихии универсальны.

Линн, Гроунинг и Самуэльсон многого достигли в жизни. И они не единственные, кому это удалось. Они вовремя поняли, что конкретно им нравится делать, – и действительно занимаются этим. Они нашли свое призвание. Но, к сожалению, мой жизненный опыт подсказывает, что большинству людей это все-таки не удается.

Каждому из нас крайне важно найти свое призвание как для собственного благополучия и успеха, так и для процветания своей страны, для эффективности всей образовательной системы.

Я искренне верю, что обретение призвания позволяет достичь впечатляющих успехов и получить колоссальное удовлетворение. Я не утверждаю, что в каждом из нас живет танцор, художник-мультипликатор или нобелевский лауреат в области экономики. У каждого из нас свои таланты и интересы, но результат от их реализации одинаков – радость, признание, гармония и удовлетворенность. Осознание этой идеи меняет все. Обретение своего призвания является лучшим и, возможно, единственным залогом нашего подлинного и стабильного успеха.

Пребывание в своей стихии зависит от выявления наших индивидуальных талантов и пристрастий. Почему люди этого не понимают и не видят? Возможно, одна из основных причин такой «слепоты» заключается в том, что у большинства людей весьма невысокое представление о своих природных способностях. Это проявляется в нескольких «ограничениях».

Первое ограничение обусловлено нашим представлением о наборе своих способностей. Все мы от рождения обладаем огромной силой воображения, интеллекта, чувств, интуиции, духовности, а также физического и чувственного восприятия. Как правило, мы используем лишь небольшую часть этих щедрых даров, а некоторые не используем вовсе. Многие люди не нашли свое призвание, потому что не осознают собственных возможностей.

Второе ограничение связано с нашим представлением о том, каким образом все эти возможности связаны между собой в единое целое. Как правило, мы полагаем, что наш разум, тело, чувства и взаимоотношения с другими людьми независимы друг от друга, как отдельные системы. Многие люди не нашли свое призвание, так как не поняли сути своей поистине гармоничной натуры.

Третье ограничение заключается в нашем представлении о том, до какой степени мы используем свой потенциал для роста и развития. Люди, как правило, считают, что жизнь развивается линейным путем, наши способности уменьшаются с возрастом и упущенные возможности никогда не представятся вновь. Многие люди не нашли свое призвание, поскольку не чувствуют реальности данного нам природой

постоянного потенциала обновления.

Такое ограниченное представление о своих способностях со временем может усугубляться под воздействием окружения, культуры или собственных внутренних ожиданий. Однако главным фактором для каждого из нас является образование.

Нет «универсальному» подходу

Некоторые блестящие творческие люди, которых я знаю, в школе имели плохую успеваемость. Многие из них не понимали по-настоящему, что они могут делать и кто они такие на самом деле, пока не окончили школу и не «восстановились» после полученного образования.

Я родился в Англии, в Ливерпуле, и в 1960-х годах учился в Ливерпульском колледже. В другом конце города находился Ливерпульский институт. Одним из его студентов был Пол Маккартни.

Во время учебы в Ливерпульском институте Пол почти все время слонялся без дела. Усердные домашние занятия он заменил рок-музыкой и уроками игры на гитаре. Таким был его сознательный выбор. Позже, когда на школьном празднике в другой части города он встретил Джона Леннона, этот выбор стал решающим в его судьбе. Вскоре к ним присоединились Джордж Харрисон и Ринго Старр. Родилась группа под названием The Beatles. Все мы знаем, что это была прекрасная идея.

К середине 1980-х годов и Ливерпульский колледж, и Ливерпульский институт были закрыты. Здания долгое время пустовали, но впоследствии были восстановлены. Девелоперы превратили мою бывшую школу в роскошные апартаменты, что означало значительные изменения, поскольку колледж был далек от роскоши, когда я там учился. Ливерпульский институт сегодня стал Ливерпульским институтом исполнительского искусства (Liverpool Institute for Performing Arts, LIPA) – одним из ведущих европейских центров профессионального образования в области искусства. Его главным спонсором является сэр Пол Маккартни. Старые, пыльные некогда классные комнаты, где он проводил свои юные годы, витая в облаках, сегодня полны студентов со всех уголков мира, занимающихся как раз тем, о чем он мечтал. Сегодня здесь сочиняют музыку и мечтают о сцене.

Я тоже внес свой вклад в развитие LIPA на его раннем этапе, и на десятом юбилее института мне было присвоено звание кавалера Ордена школы. Я вернулся в Ливерпуль, чтобы на ежегодной церемонии вручения дипломов получить награду из рук сэра Пола. В своей речи перед студентами-выпускниками я озвучил некоторые идеи, изложенные в этой книге, говоря о необходимости искать свои таланты и предпочтения, о том, что образование не помогает в этом людям, а напротив – часто оказывает противоположное действие.

Сэр Пол также выступал в тот день и в своей речи прямо ответил на мои слова. Он рассказал, что всегда любил музыку, но ему никогда не нравились уроки музыки в школе. Учителя считали, что могут привить детям любовь к музыке, заставляя их слушать потрескивающие записи классических произведений. Но Пол находил это занятие таким же скучным, как и все остальное в своей школе.

Он рассказал, что на протяжении всех лет обучения никто не замечал в нем музыкального таланта. Пол даже хотел поступить в хор Ливерпульского кафедрального собора, однако его не приняли на том основании, что он недостаточно хорошо поет. Неужели? Насколько же хорош был этот хор? Насколько вообще может быть хорош хор? По иронии судьбы именно этот хор, отказавший юному Маккартни, впоследствии исполнил две его классические композиции.

Пол Маккартни далеко не единственный, чьи таланты в школе остались незамеченными. Элвиса Пресли, например, не приняли в школьный хоровой кружок. Мальчику сказали, что его голос нарушит звучание всего хора, который должен придерживаться определенных стандартов.

Несколько лет назад я выступал на многочисленных мероприятиях, посвященных теме творческих способностей, вместе с Джоном Клизом из «Монти Пайтона». Я спросил тогда у Джона о его образовании и с удивлением узнал, что он очень хорошо учился в школе, но не проявлял особых комедийных талантов,

которые затем сыграли ключевую роль в его жизни. Он утверждал, что с детского сада и до учебы в Кембридже никто не мог даже заподозрить в нем какого-либо чувства юмора. Однако с тех пор многие признали за Джоном наличие блестящего комедийного дара.

Будь это отдельные примеры, не было бы смысла их упоминать. Однако это не так. Известна масса случаев, когда отпетые двоечники становились звездами мирового уровня. Вместе с тем мы знаем многих людей, которые хорошо учились в школе, преуспели в жизни и высоко ценят нынешнюю систему образования. Но сколько детей покидают школьные стены неуверенными, разочаровавшимися в себе, убежденными в своей никчемности и серости? Они не знают, куда им двигаться дальше. Ведь то, что они умеют и любят делать, в школе зачастую не ценится и принимается с сочувственным сожалением.

Большую часть своей жизни я работал в системе образования и связанных с ней сферах деятельности и не верю, что в таком положении дел виновны отдельные учителя. Безусловно, некоторым из них следовало бы заниматься чем-то другим и держаться от детских мозгов как можно дальше. Но талантливых и чутких педагогов все-таки больше.

Многие из нас могут вспомнить учителей, которые вдохновили нас и изменили нашу жизнь. Эти учителя открыли наши таланты, но добились этого фактически вопреки установкам государственной образовательной системы, которая страдает от массы серьезных проблем без каких-либо перспектив к исцелению. Это верно практически для всей системы образования.

Когда мы с семьей перебрались из Англии в Америку, двое наших детей, Джеймс и Кейт, пошли учиться в старшие классы уже в Лос-Анджелесе. В некоторых отношениях американская система образования значительно отличалась от знакомой нам британской. Например, детям пришлось изучать несколько совершенно новых для них предметов. В частности, в Британии не преподается история США. Мы замалчиваем ее. Наша политика направлена на отвлечение внимания от этого прискорбного эпизода. Мы прибыли в США за четыре дня до Дня независимости и имели возможность наблюдать, как американцы бурно отмечают изгнание британцев из страны.^[7] Сейчас мы живем в Америке уже несколько лет и знаем, чего ожидать, поэтому стараемся проводить День независимости дома, рассматривая за закрытыми дверями и задернутыми шторами старые фотографии королевы.

Но во многих отношениях американская образовательная система очень близка той, что существует в Великобритании и во многих других странах мира. Особенно выделяются три характерные черты. Прежде всего – акцент на развитии определенных академических навыков. Я понимаю, что эти навыки очень важны. Но школьная система чаще всего озабочена развитием навыков критического анализа и рассуждения, как правило, связанных со словами и цифрами. Как бы ни были важны эти навыки, человеческий интеллект – это нечто большее и всеобъемлющее. Я подробно остановлюсь на этом в следующей главе.

Вторая отличительная черта заключается в иерархичности предметов. Пальма первенства традиционно отдается математике, естествознанию и владению языком. Гуманитарные науки явно не в почете. Низшее положение занимает искусство. Здесь существует своя иерархия: музыка и живопись обычно имеют более высокий статус, нежели театральное и танцевальное искусство. В действительности все большее число школ полностью избавляется от предметов, связанных с искусством. В крупной средней школе сегодня может быть лишь один учитель изящных искусств, а в начальных классах отводится критически мало времени даже на простое рисование.

Третьей характерной чертой является растущая зависимость учеников от жестко регламентированных методов оценки. Повсюду дети подвергаются интенсивному давлению, их побуждают показывать все лучшие результаты при выполнении узкого набора стандартизированных тестов.

Почему школьные системы образования таковы? Это объясняется культурными и историческими причинами. Об этом я хотел бы поговорить более подробно в одной из последующих глав. Здесь же я хочу обратить внимание на то, что большинство систем массового образования начали функционировать сравнительно недавно – в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Эти системы были призваны отвечать экономическим интересам времени расцвета промышленной революции в Европе и Америке. Математика, естествознание и владение языками были очень важны для трудоустройства в промышленно развитых странах. Другим значимым фактором, оказавшим влияние на образование, была академическая культура университетов, как правило, отвергавшая любую деятельность, для занятия которой необходимы были сердце, тело, чувства и развитый интеллект.

В результате школьная система образования повсеместно внушает нам очень узкие взгляды на человеческий потенциал и переоценивает определенные специфические таланты и способности, пренебрегая не менее важными для жизнеспособности нашего общества гранями личности. Такой иерархичный унифицированный подход к образованию способствует изоляции и отверженности тех детей, которым обучение по такой системе дается нелегко.

Сделать уроки танцев ежедневной обязательной частью своей программы подобно математике – на это обычные школы и школьные системы идут крайне редко и неохотно. Однако известно, что многие ученики вовлекаются в процесс обучения лишь тогда, когда задействованы их моторика, движения. Например, Джиллиан Линн рассказала мне, что ее успеваемость по *всем* предметам существенно улучшилась, когда она открыла для себя танцы. Она принадлежала к числу тех людей, которым нужно двигаться, чтобы думать. К сожалению, далеко не каждому ребенку – особенно сегодня – выпадает шанс встретить такого чуткого человека, как психолог, который разгадал талант маленькой Джиллиан. Чаще всего случается как раз наоборот: когда дети слишком много вертятся и ерзают, им дают лекарства и требуют, чтобы они успокоились.

Существующие системы подачи школьного материала также накладывают серьезные ограничения на то, как учителя учат, а ученики учатся. Академические навыки очень важны, однако не меньшее значение имеют и другие способы мышления. Например, людям со зрительным типом восприятия, так называемым визуалам, может нравиться определенная тема или предмет, однако они не поймут материал, который будет представлен учителем лишь одним невизуализированным способом. И тем не менее наша образовательная система все больше подталкивает учителей к универсальным методам преподавания. Чтобы понять смысл рассказанных здесь историй прозрения и создать свои собственные, нам необходимо радикально пересмотреть свои взгляды на интеллект и многогранность личности.

Такие подходы к образованию сдерживают развитие целого ряда наиболее важных способностей, которые сегодня необходимы молодым людям, чтобы найти свое место в мире двадцать первого века, где требования все выше, а ритм все быстрее. Это способности к творческому мышлению. В наших системах образования высоко ценится знание единственного правильного ответа на вопрос. Существующие образовательные программы поддерживают такую установку. К примеру, в США действует тщательно разработанная федеральная программа по повышению эффективности американских общеобразовательных школ под названием «Ни одного отстающего ребенка». Казалось бы, благая цель. Но программа имеет жесткую установку на то, чтобы знания и ответы детей в разных регионах страны строго соответствовали установленному стандарту. Единообразие ответов и стандартизация «правильности» лишают творческих детей возможности понять и развить свои способности, отвергают творческий подход, загоняют ребенка в тупик одиночества и отверженности.

Все дети начинают обучение в школе, обладая живым воображением, изобретательным умом и готовностью принимать на себя риск за свои мысли. Когда моему сыну было четыре года, в его

дошкольном учреждении поставили рождественский спектакль. Во время шоу был один замечательный момент, когда три маленьких мальчика вышли на сцену в роли трех волхвов, неся свои дары: золото, ладан и мирру. Второй мальчик, по всей видимости, разнервничался и перепутал слова. Третьему мальчику нужно было импровизированно сыграть роль, которую он не учил и не слишком обращал на нее внимание на репетициях. В конце концов ему было всего четыре года! Первый мальчик сказал: «Я принес Тебе золото». Второй сказал: «Я принес Тебе мирру».

Третий мальчик сказал: «Это прислал Фрэнк».[\[8\]](#)

Как вы думаете, кто такой Фрэнк? Тринадцатый апостол? Или имеется в виду потерянная Книга Фрэнка?

Меня подкупило в этой ситуации, что маленькие дети не боятся совершать ошибки. Если они не уверены в том, как быть в той или иной ситуации, они просто рискнут попробовать какой-либо вариант и посмотрят, что будет дальше. Я не хочу этим утверждением поставить знак равенства между ошибкой и творческим мышлением. Иногда ошибка – это всего лишь ошибка. Верно лишь то, что, если вы не готовы ошибаться, вы никогда не придумаете ничего оригинального.

Но именно здесь кроется главный недостаток интерпретации некоторыми политическими деятелями идеи «возвращения к основам» для повышения стандартов образования. Они воспринимают «возвращение к основам» как способ укрепить итоги промышленной революции – эпохи иерархичности предметов. Они, по всей видимости, верят в то, что если «кормить» наших детей по официально предписанному «меню», состоящему из чтения, письма и арифметики, то мы будем более конкурентоспособны на мировой арене и лучше подготовлены к будущему.

Фатальной ошибкой такого образа мыслей является то, что в этом случае серьезно недооцениваются человеческие способности. Мы придаем непомерное значение стандартизированным тестам, сокращаем финансирование «творческих» программ, которые считаем «неважными», а затем удивляемся, почему у наших детей наблюдается недостаток воображения и вдохновения. Так существующая образовательная система искореняет творческие способности наших детей.

Большинству детей никогда в полной мере не удастся постичь свои способности и интересы. Те из них, кто «мыслит иначе» – и здесь мы, возможно, говорим о подавляющем большинстве школьников, – могут чувствовать отчуждение вообще от всей культуры и системы образования. Именно поэтому многие из успешных людей не слишком хорошо учились в школе. Предполагается, что цель системы образования – развить наши природные способности и дать нам возможность найти свое место в мире. Вместо этого она сдерживает развитие индивидуальных талантов и способностей слишком многих студентов и убивает их мотивацию к обучению. Это показалось бы смешным, если бы не было столь грустно и опасно.

Причина выбора таких методов обучения заключается в том, что политики, по всей видимости, считают их единственно правильными как для достижения экономического роста и конкурентоспособности своих стран, так и для того, чтобы учащиеся впоследствии могли найти работу. Однако в действительности в двадцать первом веке получение работы и конкурентоспособность полностью зависят как раз от тех самых качеств, которые школьные системы всячески подавляют, а эта книга приветствует и поддерживает. Компании всего мира утверждают, что им необходимы люди, способные к независимому и творческому мышлению. Однако мнение бизнеса не единственный довод. В первую очередь речь идет о том, чтобы человек мог жить полноценной творческой жизнью, видя цель и смысл как в работе, какой бы она ни была, так и вне ее рамок.

Идея возвращения к основам не ошибочна сама по себе. Я тоже верю в необходимость вернуть наших детей к основам. Но для этого придется пройти весь путь назад, пересмотреть взгляды на природу

человеческих способностей и базовые цели образования.

В нашей истории был период безраздельного господства парового двигателя, мощного, эффективного, имевшего небывалую доселе производительность. Со временем, однако, он перестал удовлетворять растущие потребности людей, и на смену ему пришел двигатель внутреннего сгорания. Во многих отношениях существующая система образования подобна паровому двигателю – и в ней довольно быстро заканчивается пар.

Эта проблема косности мышления сопутствует нам и по окончании обучения. С устаревшими оценочными стереотипами, присущими образованию, мы вновь сталкиваемся в государственных учреждениях и частных организациях, и этот цикл повторяется снова и снова. Все в корпоративном мире знают, как легко человеку присваивается ярлык на раннем этапе карьеры. Когда это происходит, становится крайне сложно в полной мере проявить свои другие – возможно, более глубокие – таланты. Если в корпоративном мире вас отнесли к «финансовому типу», вам будет непросто поучаствовать в «творческой» части бизнеса. Решить эту проблему можно, демонстрируя иное мышление и поведение и в своей работе, и в повседневной жизни. Это очень важно прежде всего для самого человека.

Темп изменений

Дети, которые пошли в школу в этом году, начнут выходить на пенсию в далеких 2060-х годах. Никто из нас не имеет ни малейшего представления о том, каким будет мир через десять лет, не говоря уже о шестидесятих годах двадцать первого века. В оценке и прогностике изменений ученые выделяют два важнейших фактора – технологический и демографический.

Технологии – особенно цифровые – развиваются темпами, непостижимыми для большинства людей. Это тоже вносит свой вклад в процесс, определяемый некоторыми экспертами как крупнейший в истории конфликт поколений со времен эпохи рок-н-ролла. Мы – люди, которым сегодня за тридцать, – родились до начала цифровой революции. Мы научились использовать все эти цифровые диковинки – ноутбуки, фотоаппараты, карманные персональные компьютеры, Интернет – уже будучи взрослыми, и это стало чем-то сродни изучению иностранного языка. Большинство из нас неплохо в этом разбирается, а некоторых можно даже назвать экспертами. Мы отправляем электронные письма, работаем в PowerPoint, бродим по Интернету и чувствуем, что находимся в курсе самых передовых технологий. Однако по сравнению с большинством людей моложе тридцати мы лишь неумелые новички. Они родились в эпоху цифровой революции. Для них язык цифровых технологий – родной.

Когда мой сын, Джеймс, будучи школьником, выполнял домашнее задание, у него на мониторе всегда было открыто пять или шесть окон, Instant Messenger постоянно всплывал, мобильный телефон все время звонил, а сам он невозмутимо загружал очередной музыкальный файл и смотрел телевизор через плечо. Я не знаю, делал ли он при этом домашнюю работу вообще, однако, видя, как он управлял целой технологической империей, я не слишком беспокоился.

А сегодняшние малыши, которые растут в окружении еще более сложных технических средств, уже разбираются в них лучше, чем ровесники моего сына. И эта революция еще не окончена. На самом деле она едва началась.

Некоторые предполагают, что в ближайшем будущем возможности компьютеров станут равны способностям человеческого мозга. Каково это будет, когда вы станете давать своему компьютеру команду, а он будет спрашивать у вас, уверены ли вы в своем решении? В не столь отдаленном будущем мы, возможно, увидим слияние информационных систем с человеческим сознанием. Если вы уже задумывались о том громадном влиянии, которое в последние двадцать лет сравнительно простые цифровые технологии оказали на нашу работу, повседневную жизнь и мировую экономику, – можете представить себе, какие изменения ждут нас в дальнейшем. Не беспокойтесь, что не можете их предвидеть – этого не может никто.

Добавьте к этому влияние роста населения. За последние тридцать лет население мира удвоилось с трех до шести миллиардов. К середине века оно может приблизиться к девяти миллиардам. Это огромное количество людей будет использовать технологии, которым еще предстоит быть изобретенными. Использовать их будут такими способами, которых мы пока не можем себе представить. А применять их станут для выполнения работ, которых, возможно, пока не существует даже в наших фантазиях.

Уже сегодня воздействие этих культурных и технологических факторов вызывает глубокие изменения в мировой экономике и делает нашу повседневную жизнь все более сложной и разнообразной. Мы живем в эпоху беспрецедентных глобальных изменений. Мы можем выявить определенные тренды будущего развития, однако точные прогнозы практически невозможны.

В 1970-х годах для меня знаковым явлением стала книга Элвина Тоффлера «Шок будущего», в которой автор рассуждает о революционном воздействии социальных и технологических изменений.

Одним из неожиданных и приятных преимуществ нашей жизни в Лос-Анджелесе стало то, что мы с моей женой Терри подружились с Элвином и его женой Хайди. Однажды во время совместного ужина мы спросили, разделяют ли они наши взгляды на то, что перемены, которые сегодня потрясают мир, не имеют исторических прецедентов. Элвин и Хайди были солидарны с нами в том, что ни один период истории не может сравниться по масштабам, скорости, сложности перемен и вызовов с сегодняшним днем.

Разве мог кто-нибудь с точностью предсказать в конце 1990-х годов, каким будет политический климат в мире через десять лет, какое огромное значение будет иметь Интернет, какой степени достигнет глобализация торговли и какими совершенно новыми способами наши дети будут общаться друг с другом? Некоторые из нас могли предвидеть разве что один-два пункта из вышеперечисленного – и то в общих чертах. Немногие способны к подобному предвидению. Однако эти перемены в корне изменили наш образ жизни.

Темп изменений продолжает ускоряться. И неизвестно, что будет дальше.

Да, мы понимаем, что есть определенные тенденции и тренды, ведущие мир к тому, что Китай, Россия, Индия и Бразилия станут в скором будущем играть доминирующую роль в мировой экономике. Мы знаем, что население продолжит расти беспрецедентными темпами. Мы знаем, что развивающиеся технологии разрушат все наши представления о реальности и поразительно быстро найдут применение в наших домах и офисах.

Эта комбинация известных нам факторов приводит к неизбежному и парадоксальному выводу: мы не знаем, как выглядит наше будущее.

Единственный способ подготовиться к достойной встрече с ним – это использовать все свои возможности и свой потенциал, что поможет нам достичь максимально возможной гибкости и эффективности.

Многие из людей, о которых рассказывается в этой книге, занимались тем, к чему их влекло, не просто из-за потенциального дохода. Они делали это, поскольку не представляли себя в иной стихии. Они рано поняли, для какого дела созданы, и вложили многое в достижение мастерства в своей профессии. Если завтра мир перевернется с ног на голову, они найдут способ приспособиться к этим изменениям. Они найдут способ продолжить заниматься делом, которое позволяет им жить в своей стихии, поскольку имеют врожденное понимание ценности своего таланта в любых условиях.

Многие люди отвергают занятие любимым делом из финансовых соображений, сознательно выбирая нелюбимые, но доходные сферы деятельности. Однако работа, которая сегодня «позволяет вам оплачивать счета», легко может утратить свое значение в следующем десятилетии. Если вы никогда не учились мыслить творчески и познавать свои истинные способности, что вы будете делать тогда?

Если говорить более конкретно, что будут делать наши дети, если мы продолжим готовить их к жизни, используя старую модель образования, которая затрудняет процесс поиска и творчества? Весьма вероятно, что наши дети попробуют свои силы в разное время в разных делах и сферах, а не только в различных организациях. Многие из них, несомненно, будут заниматься работой, которую мы пока еще и представить себе не можем. Следовательно, мы просто обязаны поощрять наших детей к исследованию максимально возможного количества путей, для того чтобы они могли открыть свой талант и выбрать свой единственно верный путь.

Если мы хотим достойно встретить изменения, которые готовит нам будущее, мы должны уже сегодня кардинально изменить свои взгляды на человеческий потенциал и на то, как нерационально мы его используем.

Словом, каждый из нас должен найти призвание, чтобы жить в своей стихии.

Что такое Призвание?

Призвание – это точка соприкосновения природных способностей и личных предпочтений. Точка гармонии интеллекта и таланта. Вы увидите, что людей, о которых говорится в этой книге, объединяет одно: они занимаются тем, что им нравится, и при этом находятся в полной гармонии с собой. Они обнаружили, что в своей стихии для них даже время течет по-другому.

Обретение призвания позволяет этим людям выйти за рамки банальных представлений о наслаждении и счастье. Мы говорим не просто о приятном времяпрепровождении, закатах солнца или вечеринках. Когда человек находится в своей стихии, он осознает себя гармоничной личностью, имеет фундаментальные ценности и цели. В своей стихии человек удивительно ясно понимает, кем является на самом деле и каково его истинное предназначение в жизни.

Вот почему многие из людей, о которых рассказывается в этой книге, описывают нахождение своей стихии как про зрение.

Как обнаружить призвание в себе и в других? Четкой формулы не существует. стихия у каждого своя. Более того, мы не ограничены одним призванием. Благодаря щедрости человеческого потенциала мы значительно богаче, и поэтому некоторые люди могут иметь истинный талант сразу в нескольких сферах, чувствовать одинаковую страсть к нескольким делам одновременно. А кто-то может быть всецело поглощен одной-единственной идеей, которая приносит ему колоссальное удовлетворение. Не существует никаких правил на этот счет, но мы в состоянии выделить и сформулировать основные элементы призвания, предназначенные для понимания того, что необходимо искать и что делать.

Призвание имеет два главных признака – *способность* и *страсть* к какому-либо делу. Когда они осознаны, на первый план выходят условия, делающие возможной и гармоничной жизнь человека в своей стихии, – *отношение* и *возможность*. И в этом случае рассуждение строится приблизительно по такой схеме: у меня это есть – я это люблю – я этого хочу – где это найти.

У меня это есть

Способность – это естественное условие для занятия чем-либо. Это интуитивное природное чувство, знание, понимание. У Джиллиан Линн была природная способность к танцу, у Мэтта Гроунинга – к рассказыванию историй, у Пола Самуэльсона – к экономике и математике. Наши способности очень индивидуальны. Человек может быть талантлив в какой-либо деятельности в целом, например в математике, спорте, поэзии или политической теории. А может обладать специфическим, более узким талантом. К примеру, не к любой музыке в целом, а лишь к джазу или к рэпу. И так далее... Не любые духовые инструменты, а только флейта. Не естествознание в целом, а лишь биохимия. Не гоночный трек или игра на поле, а прыжки в длину.

В этой книге вы прочтете о людях, обладающих глубокими природными способностями к самым различным вещам. У них хорошо получается не все, а что-то конкретное. У Пола Самуэльсона, например, от природы хорошие способности к математике. А у других нет.

Я отношусь к этим «другим». В школе мне всегда не особенно хорошо давалась математика, и я был очень рад, что она осталась позади, когда я окончил учебу. Однако у меня появились свои дети – и математика снова возникла в моей жизни, подобно чудовищу из кинофильма, которое вы так опрометчиво считали поверженным и уничтоженным. Одна из опасностей, подстерегающих родителей, заключается в том, что им приходится помогать детям делать уроки. Вы можете некоторое время блефовать, но в глубине души знаете, что день расплаты приближается.

До двенадцати лет моя дочь Кейт думала, что я знаю все. Мне очень нравилось поощрять и поддерживать это впечатление. Маленькая дочь частенько просила меня помочь с английским или математикой. Я с уверенной улыбкой отрывался от своих дел, обнимал ее за плечи и говорил что-то вроде: «Ну что ж, давай посмотрим», притворяясь, что тоже испытываю сложности, чтобы ей было не так обидно, что у нее не получается. Кейт с обожанием и восхищением смотрела на меня, когда я, подобно роботу-математику, щелкал как орешки задачи по таблице умножения и простые примеры на вычитание.

Однажды, когда дочери было четырнадцать, она вернулась домой с листом, исписанным квадратными уравнениями, и я почувствовал, как покрываюсь знакомым холодным потом. На этом этапе я ввел метод обучения путем открытия. Я сказал: «Кейт, мне нет смысла говорить тебе ответы. Так ты ничему не научишься. Тебе необходимо найти решение самой. Я пока пойду выпью джина с тоником. И кстати, даже когда ты это сделаешь, тебе нет смысла показывать мне ответы. Именно для этого и нужны учителя».

На следующей неделе она принесла и торжественно вручила мне комикс, найденный в журнале. Комикс рассказывал об отце, который помогал своей дочери с домашней работой. На первом рисунке он наклонился через ее плечо и спросил: «Что тебе нужно сделать?» Девочка ответила: «Мне нужно найти наименьшее общее кратное». Отец сказал: «Его все еще ищут? Его пытались найти, еще когда я учился в школе». Как же я его понимал! Но увы, знаний и способностей это не прибавляло.

Однако для некоторых людей математика так же прекрасна и увлекательна, как для других музыка и поэзия. Поэтому выявление и развитие наших способностей играют исключительно важную роль в постижении своего истинного «Я». Мы не знаем, кем можем стать, до тех пор, пока не поймем, что умеем делать.

Я люблю это

Обретение призвания – это не только вопрос естественных способностей. Я знаю многих людей, у которых от природы хорошие способности к какому-либо делу, однако они не чувствуют в нем своего жизненного призвания. Для его обретения требуется нечто большее – страсть. Страсть к какому-либо делу и становится индикатором истинного призвания, дарит человеку глубокое удовлетворение и бесконечную радость.

Мой брат Иэн – музыкант. Он играет на барабанах, пианино и бас-гитаре. Несколько лет назад он выступал в составе группы в Ливерпуле, и в его команде работал чрезвычайно талантливый клавишник по имени Чарльз. После одного из их вечерних концертов я признался Чарльзу, что мне чрезвычайно понравилась его сегодняшняя игра. Затем я добавил, что хотел бы так же хорошо играть на клавишных инструментах. «Нет, вы бы этого не хотели», – ответил он. Я был обескуражен и настаивал на том, что действительно хотел бы этого. «Нет, – ответил он. – Вы имеете в виду, что вам нравится идея игры на клавишных. Вы бы уже давно играли, если бы имели настоящее желание». Чарльз рассказал, как репетировал каждый день по три-четыре часа помимо выступлений, чтобы достичь такого высокого уровня мастерства. Он занимался этим с семи лет.

Внезапно умение играть на клавишных так же хорошо, как Чарльз, уже не показалось мне столь привлекательным. Я спросил его, как он достиг такого уровня самодисциплины. Он ответил: «Я это люблю». Чарльз просто не мог представить себя занимающимся чем-либо другим.

Я хочу этого

Отношение – это наше личное восприятие самих себя и своих обстоятельств, наш взгляд на вещи, наша предрасположенность к чему-либо и наша эмоциональная точка зрения. На это субъективное отношение оказывают влияние многие факторы, включая основные черты нашего характера, личностные особенности, чувство собственной значимости, восприятие окружающих людей и их ожидания в отношении нас. Любопытным индикатором нашего отношения является то, как мы воспринимаем роль удачи в своей жизни.

Люди, которым нравится то, чем они занимаются, часто называют себя везучими. Люди, полагающие, что не преуспели в жизни, считают себя невезучими. Случай играет определенную роль в жизни каждого из нас. Но удача – это не случайность. Люди, достигшие серьезных высот, никогда не полагались на слепой случай; их всегда отличали упорство, вера в себя, оптимизм, амбициозность и стремление получать удовлетворение от жизни. То, как мы воспринимаем свои жизненные обстоятельства, как создаем и используем дарованные нам возможности, во многом зависит от того, чего мы ожидаем от самих себя.

Где это найти?

Не имея нужных возможностей, мы можем никогда не узнать правду о своих способностях или о том, насколько далеко они могут нас завести. Вы не найдете обездчиков диких мустангов в Антарктиде или ловцов жемчуга в Сахаре. Способности могут и не проявляться до тех пор, пока не создадутся подходящие возможности для их реализации.

Конечно, при таких обстоятельствах есть шанс так никогда и не отыскать свое истинное призвание. Многое зависит от подаренных нам возможностей, от возможностей, которые мы сами создаем, и от того, как мы используем все предоставленные нам шансы.

Пребывание в своей стихии часто означает связь с другими людьми, разделяющими ту же страсть и тот же горячий интерес к совместному делу. На практике это означает активный поиск возможностей и единомышленников для исследования своих способностей в различных областях.

Часто нам необходимы другие люди для признания наших подлинных талантов. Да и мы сами можем помочь окружающим обнаружить свое призвание.

Далее в этой книге мы детально исследуем основные элементы призвания. Мы проанализируем общие черты, которыми обладают люди, нашедшие свою стихию, рассмотрим условия, помогающие им приблизиться к этому идеалу, и выявим факторы, затрудняющие поиск призвания. Вы узнаете о людях, отыскавших свой путь, и о тех, кто движется неверной дорогой.

При создании этой книги я ставил перед собой цель раскрыть то, что вы, возможно, уже чувствовали интуитивно. Вдохновить вас на поиск своего призвания и на помощь другим в его обретении. Я надеюсь, что книга поможет вам по-новому взглянуть на собственный потенциал и способности окружающих вас людей.

Глава 2

Мыслите иначе

Мик Флитвуд – один из наиболее выдающихся и известных рок-барабанщиков мира. Его группа, Fleetwood Mac, продала 10 миллионов копий своих записей, а рок-критики считают ее альбомы Fleetwood Mac и Rumours настоящими шедеврами. Однако когда Мик Флитвуд учился в школе, его оценки позволяли предположить, что ему недостает интеллекта.

«Я был полным нулем в учебе, и никто не мог понять почему, – рассказал мне Мик. – В школе у меня были проблемы с обучаемостью, они никуда не исчезли и по сей день. Я совершенно не понимаю математику. Вообще. Мне бы пришлось нелегко, если бы сейчас понадобилось рассказать алфавит в обратном порядке. Хорошо еще, если я правильно расскажу его в обычной последовательности. Если бы кто-нибудь спросил меня: «Какая буква идет перед вот этой?», я бы покрылся холодным потом».

Мик учился в школе-интернате в Англии, и этот опыт глубоко разочаровал его. «У меня были отличные друзья, но я не был счастлив. Я чувствовал, что из меня выжимают все соки. Я страдал. Я понятия не имел, чем мне заняться в жизни, поскольку во всем, что было связано с учебой, терпел полную неудачу, и у меня не было других жизненных ориентиров».

К счастью для Мика (и для всех, кто позже покупал его альбомы или посещал концерты), в его семье не привыкли ограничиваться рамками учебы и результатами школьных контрольных. Его отец был летчиком-истребителем в Королевских ВВС, однако затем оставил службу, следуя подлинной страсти к писательской деятельности. Чтобы осуществить свою мечту, он с семьей на три года переехал жить на баржу, что стояла на реке Темзе в графстве Кент. Сестра Мика, Салли, уехала в Лондон, чтобы стать скульптором. Его вторая сестра, Сьюзен, выбрала театральную карьеру. В семье Флитвуда все понимали, что успеха можно добиться в различных сферах деятельности, а плохая успеваемость по математике или неспособность рассказать алфавит в обратном порядке едва ли свидетельствуют о том, что человек ничего не достигнет в жизни.

А Мик умел играть на барабанах. «Игра на пианино, возможно, внушает больше уважения и создает иллюзию творческой деятельности, – говорит он. – Я же лишь хотел подолбить как следует по барабану или по диванным подушкам. Это, конечно, не высшая форма творчества. Все так могут, в этом нет ничего интеллектуального. Но я начал заниматься «стучанием» всерьез – и это оказалось судьбоносным решением».

Для Мика прозрение – момент, когда «стучание» стало движущей силой его жизни, – наступило, когда он еще мальчиком приехал к своей сестре в Лондон и, по его воспоминаниям, «пошел в одно местечко в Челси, где играли на пианино. Там были люди, исполнявшие, как я теперь знаю, Майлза Дэвиса и курившие сигареты «Житан». Я наблюдал за ними и чувствовал, что передо мной открывается другой мир, и его атмосфера затягивала меня. Мне было очень комфортно. Меня ничто не ограничивало. Это была моя мечта.

Когда я вернулся в школу, передо мной стояли эти образы, и я стремился вырваться из привычного мира. Я даже не знал, смогу ли играть с этими людьми, но этот образ помогал не погрязнуть в трясине кошмарной учебы. По натуре я был очень старательным, однако невероятно несчастным, поскольку все в школе указывало на мою полную бесполезность по установленным меркам и стандартам».

Успеваемость Мика продолжала удручать его учителей. Они знали, что мальчик был способным, но

его оценки говорили об обратном. Учителя махнули на него рукой. Это вызывало огромное разочарование в душе мальчика. Но мечта стать барабанщиком крепла. Наконец, будучи подростком, он почувствовал, что с него хватит.

«Однажды я вышел из школы и сел на землю под большим деревом. Я не религиозен, но тогда я со слезами на глазах просил Бога, чтобы он забрал меня из этого места. Я хотел быть в Лондоне, играть в джазовом клубе. Я был крайне наивен и смешон, но твердо решил для себя, что стану барабанщиком».

Родители Мика поняли, что школа – неподходящее место для человека с таким типом интеллекта, которым обладал Мик. В шестнадцать лет он сообщил им о своем решении оставить школу. Мудрые родители купили ему билет на поезд до Лондона, снабдили сына всем необходимым для игры на барабанах и позволили ему заниматься тем, что так давно манило и влекло мальчика.

За этим последовал ряд удивительных удач, которых могло бы никогда не произойти, если бы Мик остался в школе. Однажды, когда он играл на барабанах в гараже, в его дверь постучал сосед, клавишник Питер Барденс. Мик подумал, что Барденс пришел, чтобы попросить его играть потише, но вместо этого музыкант предложил устроить совместный концерт в местном молодежном клубе. Это помогло Мику в начале 1960-х годов попасть в самую гущу музыкальной жизни Лондона. «Когда я был ребенком, я не знал, что такое ощущение успеха. Теперь же я начинал потихоньку понимать, что я сам и мое дело – это не так уж плохо».

Его друг Питер Грин предложил ему занять место барабанщика в группе John Mayall's Bluesbreakers, в которую в разное время входили Эрик Клэптон, Джек Брюс из Cream и Мик Тейлор из Rolling Stones. Затем Мик вместе с Грином и другим бывшим музыкантом Bluesbreakers, Джоном Макви, создал свою команду Fleetwood Mac. А дальше началась история мультиплатиновых альбомов и заполненных до отказа стадионов. Однако даже сейчас, несмотря на то что Мик стал одним из знаменитейших барабанщиков мира, он анализирует свой талант через призму печального школьного опыта.

«В моем стиле отсутствует математическая четкость. Я окаменею на месте, если кто-то скажет: «Ты знаешь, сколько будет четыре разделить на восемь?» Музыканты, с которыми я работаю, знают, что я совсем как ребенок. Они могут сказать: «Ты знаешь, там, в припеве, во втором такте...», на что я отвечу: «Нет, не знаю...», потому что я действительно не знаю, где в песне припев. Если вы сыграете песню, я не смогу выделить и узнать его, потому что слушаю слова».

Для Мика Флитвуда уход из школы и бегство от тестов, которые оценивали лишь малую часть его интеллекта, открыли путь к чрезвычайно успешной карьере. «Мои родители видели, что таланты этого маленького забавного создания – их сына – были уж точно не академическими». Все сложилось успешно, поскольку Мик с детства чувствовал: у него определенно есть огромные способности к чему-то, что никогда не смогли бы выявить никакие учителя, оценки и контрольные работы. Обретение Миком своего призвания произошло потому, что он отказался признать, что был «бесполезен, согласно существующим меркам и стандартам».

Принимаем как аксиому

Одним из ключевых принципов, важных для обретения человеком своей стихии, является необходимость подвергнуть сомнению то, что мы обычно принимаем как аксиому относительно своих способностей и способностей других людей. Это не так легко, как кажется. Самым проблемным становится выявление тех вещей, которые мы принимаем как аксиому, не зная, чем они являются на самом деле. Мы привыкли считать эти аксиомы фундаментом оценки личности, своеобразными базовыми предпосылками, которые никогда не подвергаем сомнению, поскольку воспринимаем как неотъемлемую часть нашей жизни. Как воздух. Или силу тяжести. Или Опру Уинфри.

Хорошим примером того, что многие люди принимают как аксиому, является количество человеческих чувств. Выступая перед слушателями, я иногда прошу их выполнить элементарное упражнение для иллюстрации этой мысли. Я спрашиваю, сколькими чувствами, по их мнению, они обладают. Большинство людей убеждены, что имеют в своем распоряжении пять чувств – вкус, обоняние, осязание, зрение и слух. Некоторые признают еще шестое чувство – интуицию. И к этому списку уже вряд ли что-то можно добавить.

Однако есть несомненная разница между первыми пятью чувствами и шестым. «Первая пятерка» имеет физиологическую природу: нос для обоняния, глаза для зрения, уши для слуха и так далее. Если повредить или подвергнуть опасности орган – чувство может пострадать. При этом никому не известно, что именно служит *источником* интуиции. Это некое загадочное чувство, которым, как предполагается, в большей степени одарены женщины. Итак, обычной установкой подавляющего большинства людей, с которыми я общался на протяжении ряда лет, является то, что у нас есть пять «ощутимых» чувств и одно «загадочное».

В связи с этим мне вспоминается увлекательная книга «Culture and the Senses» («Культура и чувства»), написанная антропологом Кэтрин Линн Джертс. В ней автор пишет о своей работе с людьми народности анло эве из восточной Ганы. Откровенно говоря, я испытываю некоторое сочувствие к существующим в наши дни обособленным этническим группам. Кажется, будто ученые постоянно отслеживают их, а среднестатистическая семья любого племени включает в себя троих детей и антрополога, который сидит рядом и расспрашивает, что они едят на завтрак. И все же исследование Джертс оказалось довольно информативным для нас, поскольку выявило одну особенность – народность анло эве обладает уникальным в нашем понимании взглядом на природу чувств.

Во-первых, им никогда не приходило в голову считать свои чувства. Сама эта идея кажется им абсурдной. Кроме того, когда Джертс перечислила им классические пять чувств, которые мы считаем аксиомой, анло эве спросили *еще об одном*. О *главном*. Они говорили не о «загадочном» чувстве и не о чем-то рудиментарном, что сохранилось исключительно у этого племени, но было утрачено другими народами. Они говорили о чувстве, которое есть у всех нас и которое является основополагающим для нашего существования в мире. Они говорили о чувстве равновесия.

Жидкость и кости внутреннего уха, как известно, отвечают за наше чувство равновесия. Стоит лишь вспомнить о том, какое влияние оказывает на нашу жизнь нарушение равновесия – из-за болезни или под воздействием алкоголя, – чтобы понять, насколько важную роль оно играет в нашей повседневной жизни. Однако большинству людей никогда не приходило в голову включать его в свой список чувств исключительно потому, что хрестоматийные «пять чувств» давно стали для нас аксиомой. Разве что можно допустить существование еще одного, «загадочного»...

Но я убежден, что одним из главных врагов творчества и развития является превозносимый нами

здравый смысл. Драматург Бертольд Брехт был убежден: как только мы начинаем считать что-либо самым очевидным на свете, это означает, что мы оставили всякие попытки понять его.

Если вы в процессе чтения не догадались сразу, что еще *одно* чувство – это равновесие, не расстраивайтесь: большинство моих собеседников тоже не нашли верный ответ. Этот пример и является яркой иллюстрацией того, как разрушаются наши представления об аксиомах.

Подавляющее большинство психологов считают, что помимо пяти общеизвестных чувств мы обладаем еще четырьмя. Первое – чувство температуры (термоцепция), отличающееся от чувства осязания. Нам не всегда нужно дотрагиваться до чего-либо, чтобы ощутить тепло или холод. Для нас это одно из ключевых чувств, ведь люди могут выжить лишь в довольно узком температурном диапазоне. Термоцепция, кстати, является одной из причин, по которым мы носим одежду.

Второе чувство – боль (ноцицепция). Ученые сегодня согласны с тем, что это совершенно особая сенсорная система. Судя по всему, существуют и другие индикаторы определения боли, ощущаемой нашим телом. Особо необходимо отметить и так называемое вестибулярное чувство (эквистрицепцию), которое отвечает за наше равновесие и ускорение. И наконец, нельзя обойти вниманием кинестетическое чувство (проприоцепцию), позволяющее понимать, каким образом наше тело и конечности располагаются в пространстве по отношению друг к другу. Оно крайне важно для способности человека двигаться, а значит – жить.

Все упомянутые чувства бесценны для нашего мироощущения и способности существовать в окружающем мире. Но я настаиваю, что гамма человеческих чувств значительно шире!

Например, некоторые люди подвержены явлению, известному как синестезия, когда чувства смешиваются или частично накладываются друг на друга, в результате чего рождается способность видеть звуки и слышать цвета. С точки зрения стандартной логики такие случаи являются аномалиями, бросающими вызов здравому смыслу. Они же демонстрируют истинную силу влияния чувств на наше миропонимание. Тем не менее многие из нас даже не задумываются об их существовании и живут, руководствуясь стереотипами.

В этом отношении показательна судьба Барта. Он был совершенно обычным ребенком и рос в Мортон Гроув (штат Иллинойс). Однако в шесть лет у мальчика начали проявляться экстраординарные способности. Оказалось, что он может ходить на руках почти так же хорошо, как и на ногах. Это было не слишком изящно, но рождало много улыбок и вызывало одобрение семьи. На домашних вечеринках и семейных праздниках люди поощряли Барта исполнить свой фирменный трюк. Без дальнейших уговоров – ведь он и сам получал немалое удовольствие как от своего трюка, так и от всеобщего внимания – Барт вставал на руки, подпрыгивал вверх и гордо расхаживал взад-вперед вверх ногами. С возрастом он натренировался до такой степени, что мог на руках спускаться и подниматься по лестнице.

Все это, разумеется, не имело большого практического значения. В конце концов, способность ходить на руках была явно не тем умением, которое могло помочь учебе или успешной карьере. Однако этот талант действительно снискал мальчику значительную популярность – ведь так интересно иметь среди знакомых человека, который может ходить по лестнице вверх ногами.

Когда Барту исполнилось десять лет, школьный учитель физкультуры с одобрения матери привел ребенка в местный гимнастический центр. Барт вошел туда – и его глаза полезли на лоб от изумления. Он никогда в жизни не видел ничего более поразительного. Там были канаты, параллельные брусья, трапеции, лестницы, батуты, барьеры – всевозможные спортивные снаряды, по которым он мог карабкаться и на которых он мог прыгать и раскачиваться. Маленький Барт словно оказался одновременно в мастерской Санта-Клауса и в Диснейленде. Это было идеальным местом для него. В этот момент его

жизнь перевернулась. Вдруг оказалось, что его прирожденные способности могли пригодиться еще для чего-то, кроме развлечения себя и других.

Восемь лет спустя, проведя бесчисленные часы за прыжками, растяжками и поднятием тяжестей, Барт Коннер уже представлял Соединенные Штаты Америки на Олимпийских играх в Монреале. Впоследствии он стал наиболее выдающимся американским гимнастом и первым американским спортсменом, завоевавшим медали на национальных и международных соревнованиях всех уровней. Он был чемпионом США, чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта, чемпионом Панамериканских игр, чемпионом мира, чемпионом Кубка мира и олимпийским чемпионом. Он участвовал в трех Олимпийских играх в 1976, 1980 и 1984 годах. Его выступление на Олимпиаде в Лос-Анджелесе в 1984 году стало легендарным: Барт выступал, едва оправившись после серьезной травмы – разрыва бицепса, – и завоевал две золотые медали. В 1991 году его имя было внесено в списки Олимпийского зала почета США, а в 1996 году – в анналы Международного зала гимнастической славы.

Сегодня Коннер помогает другим реализовать свою страсть к гимнастике. Вместе со своей женой, олимпийской чемпионкой Надей Команечи, он владеет процветающей Академией гимнастики. Также супругам принадлежат журнал *International Gymnast* и телекомпания.

Такие атлеты, как Барт Коннер и Надя Команечи, обладают глубоким знанием возможностей своего тела. Их достижения показывают, насколько ограничены и стереотипны наши представления о человеческих способностях. Наблюдая за атлетами, танцорами или музыкантами в процессе работы, вы увидите, что они выступают и мыслят особым образом – вовлекая все свое тело в развитие и доведение до автоматизма отрабатываемых рутинных действий. При этом они полагаются на то, что принято называть «мышечной памятью». Движения таких людей во время выступления слишком сложны и точны, чтобы считать их результатом обычных сознательных механизмов мышления и принятия решений. В подобные моменты люди черпают вдохновение в неиссякающих источниках чувств и интуиции. Они максимально используют физические рефлексy и координацию. При этом в процесс вовлекается весь мозг целиком, а не только его лобные доли, которые мы связываем с рациональным мышлением. Очевидно, что для таких людей не существует иного способа в полной мере реализовать свои страсть и талант.

Таким образом, люди, наделенные «талантом движения», помогают поставить под сомнение самую незыблемую, но ошибочную аксиому – наши представления об интеллекте.

Каков уровень вашего интеллекта?

Выступая перед группами людей, я часто прошу их оценить уровень своего интеллекта по шкале от 1 до 10, где 10 – максимальная оценка. Обычно один-два человека оценивают уровень своего интеллекта в 10 баллов. Когда эти люди поднимают руки, я предлагаю им отправиться домой – у них есть более интересные дела, чем слушать меня.

Несколько слушателей ставят себе оценку 9, чуть большее количество людей – 8. Однако наиболее существенная часть каждой аудитории оценивает свой интеллект в 7 или 6 баллов. По мере продвижения вниз по шкале количество ответов начинает убывать, хотя должен признать, что я никогда не довожу опрос до конца. Я останавливаюсь на уровне 2 баллов, предпочитая оградить тех, кто оценивает уровень своего интеллекта скромной единицей, от смущения при публичном признании этого факта. Почему же я всегда получаю кривую в форме колокола? Думаю, это как раз связано с тем, что некоторые представления об интеллекте мы принимаем как аксиому.

Любопытно, что большинство людей действительно поднимают руки и оценивают себя, когда я задаю этот вопрос. Они не видят никакой проблемы в самом вопросе и радостно отводят себе определенное место на шкале интеллекта. Лишь несколько человек за все время поставили под сомнение саму форму вопроса и поинтересовались, что именно я понимаю под интеллектом. Думаю, так должен сделать каждый из нас. Более того, я убежден, что догмы и стереотипы во взглядах на природу человеческого интеллекта мешают каждому из нас обрести свое призвание.

Здравый смысл услужливо говорит нам: мы все рождаемся с фиксированным объемом интеллекта, который является такой же чертой человека, как голубые или зеленые глаза, длинные или короткие конечности. Бытует мнение, что интеллект проявляется в определенных видах деятельности, особенно в математике и лексической виртуозности, а человек может измерить объем своего интеллекта при помощи напечатанных на бумаге словесных или математических тестов. Вот и все.

Я считаю, что такое упрощенное определение интеллекта весьма сомнительно. Однако именно оно господствует в большинстве западных культур, равно как и во многих восточных. Оно лежит в основе наших систем образования; преимущественно на него опирается многомиллиардная индустрия тестирования, используемая в государственном образовании по всему миру. Оно лежит в основе представления об академических способностях, преобладает на вступительных экзаменах, служит обоснованием иерархичности предметов в системе государственного образования. Наконец, именно на таком понимании интеллекта базируется вся методика измерения коэффициента интеллекта (IQ).

Подобное представление имеет длинную историю и уходит корнями по меньшей мере во времена великих греческих философов, Аристотеля и Платона. Последний по времени расцвет этой теории пришелся на эпоху Просвещения – период великих интеллектуальных достижений семнадцатого и восемнадцатого веков. Философы и ученые той эпохи пытались создать твердую основу для человеческих знаний, положить конец мифам и суевериям о нашем существовании, которые, как они верили, вводили в заблуждение все предыдущие поколения.

Одним из основных принципов нового движения была незыблемая вера в важность логики и критического мышления. Философы утверждали: мы не должны слепо верить в то, что не может быть доказано путем логических рассуждений, подтвержденных математическими доказательствами. Проблема заключалась в том, с чего начать этот процесс, подвергая сомнению все, что может быть логически оспорено. Кстати, знаменитый вывод французского философа Рене Декарта полностью созвучен поискам той эпохи: единственное, что может быть принято как аксиома, это мое собственное существование – в

противном случае я не смог бы об этом думать. Довод Декарта звучал так: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Другим важным принципом, господствовавшим в эпоху Просвещения, была растущая вера в важность доказательства для поддержки научной идеи. Имелись в виду доказательства, полученные при помощи человеческих чувств и очищенные от суеверий и слухов. Два принципа – рассуждение и доказательство – легли в основу интеллектуальной революции и коренным образом изменили взгляды и достижения западного мира. Это привело к развитию научного метода познания и ряду открытий, к развитию анализа и классификации идей, объектов и явлений, что – в свою очередь – способствовало постижению человеком самых сокровенных тайн Вселенной. Революция интеллектуальная повлекла за собой впечатляющие достижения в области технологий, что дало старт промышленной революции и обусловило господство жесткой логики в науке, политике, торговле и образовании.

Влияние логики и доказательства распространилось не только на точные науки. Эти принципы начали оказывать влияние на формирование основных теорий гуманитарных наук, включая психологию, социологию, антропологию и медицину. Общественное образование, получившее развитие в девятнадцатом и двадцатом веках, также опиралось на эти доминирующие идеи об интеллекте и знании. Во имя растущих потребностей промышленной революции развивалось массовое образование, а потому возникла необходимость в быстрых и легких формах отбора и оценки. Для этого под рукой вовремя оказалась новая наука – психология – со свежими теориями о том, как можно оценить и измерить интеллект. Интеллект был загнан в рамки стандарта, определен в терминах вербального и математического рассуждения. Были разработаны методики количественной оценки результата. Венчал прекрасную идею метод измерения коэффициента интеллекта.

И мы начали думать об истинном потенциале интеллекта с точки зрения логического анализа. Мы уверовали, что рационалистические формы мышления выше чувств и эмоций, что талантливые и значимые идеи могут быть переданы только при помощи слов или математических выражений. Мы убедили себя, что сможем численно оценить коэффициент интеллекта, полагаясь на всяческие стандартизированные тесты для успешного выявления одаренных людей, которые заслуживают особого отношения.

По иронии судьбы Альфред Бине, один из создателей тестов на коэффициент интеллекта, предназначал свои проекты для совершенно других целей. В действительности ученый по поручению французского правительства разрабатывал тесты исключительно для выявления детей с особыми потребностями, чтобы адаптировать различные формы обучения к их психотипу. Он никогда не ставил перед собой задачу выносить приговор интеллектуальному потенциалу человека, определять чей-либо уровень интеллекта, или «умственную ценность». На самом деле Бине отмечал, что созданная им шкала «не позволяет оценить уровень интеллекта, поскольку интеллектуальные качества различных людей несопоставимы и, таким образом, не могут быть измерены как линейные величины».

Он также никогда не рассматривал свои тесты как инструмент для доказательства того, что человек не может с течением времени повысить уровень своего интеллекта. Ученый говорил: «Некоторые исследователи в последнее время [утверждают], что интеллект индивидуума является фиксированной величиной, которая не может быть увеличена. Мы должны возразить и высказаться против такого жестокого пессимизма; мы должны попытаться продемонстрировать, что он необоснован».

И все же некоторые педагоги и психологи по сей день придают непомерно высокое значение величине коэффициента интеллекта. В 1916 году американский психолог Льюис Термен из Стэнфордского университета опубликовал переработанный им тест Бине—Симона на коэффициент интеллекта.^[9] Этот тест, известный сегодня как тест Бине—Стэнфорда, существует уже в пятой версии и является основой современного пакета тестов на коэффициент интеллекта. Термен, к сожалению, придерживался крайних

взглядов на человеческие способности и являлся последователем теории научного расизма, что наглядно подтверждает цитата из его учебника «The Measurement of Intelligence» («Измерение интеллекта»): «Среди рабочих и служанок тысячи умственно неполноценных. Они предназначены для выполнения черной работы. И в том, что касается интеллекта, тесты показали правду... Никакое школьное обучение никогда не сделает их интеллектуальными избирателями, или квалифицированными избирателями в подлинном смысле этого слова».

Активная деятельность Термена пришлась на один из наиболее смутных этапов в образовании и государственной политике Америки, о чем мало кто слышал. Историки предпочитают не упоминать об этом факте в истории страны так же, как заботливые родственники, к примеру, – о своей сумасшедшей тетушке или прискорбном инциденте с дебошем, учиненным их ребенком в колледже. Льюис Термен был убежденным последователем евгеники – учения, которое имело ярко выраженный расистский характер и призывало к истреблению целых народов. Евгеника утверждала, что такие черты, как склонность к криминальному поведению и бедность, являются наследственными и эти особенности можно выявить путем тестирования интеллекта. Наиболее ужасающей среди концепций евгеники была идея о том, что целые этнические группы, включая южных европейцев, евреев, африканцев и латиноамериканцев, подпадали под категории «криминальных» и «неполноценных». «Тот факт, что этот тип так часто встречается среди индейцев, мексиканцев и негров, достаточно убедительно доказывает, что весь вопрос расовых различий должен быть поднят вновь и изучен при помощи экспериментальных методов», – писал Термен.

Более того, он настаивал: «Дети этой группы должны быть изолированы в специальные классы, и их обучение должно носить конкретный и практический характер. Они не могут в совершенстве овладеть наукой, однако часто могут быть эффективными работниками, способными обеспечивать себя. В настоящее время нет возможности убедить общество в том, что им не должно быть позволено размножаться, хотя с точки зрения евгеники они представляют собой серьезную проблему из-за необычайной плодовитости этих народов».

Сторонникам евгеники действительно удалось пролоббировать принятие закона о принудительной стерилизации в тридцати американских штатах. Это означало, что штат мог кастрировать людей, коэффициент интеллекта которых был ниже определенного уровня, при этом у «неполноценных» граждан страны не было никакого права голоса по этому вопросу. В конечном итоге все штаты аннулировали этот закон, что является свидетельством победы здравого смысла и сострадания. Но сам факт, что подобные законы вообще имели право на существование, является пугающим доказательством того, насколько опасные ограничения имеет любой стандартизированный тест при оценке уровня интеллекта и социальной значимости человека.

Тесты на коэффициент интеллекта могут стать решающими даже в вопросах жизни и смерти. К человеку, который совершил преступление, караемое смертной казнью, не применяется это наказание, если коэффициент его интеллекта ниже семидесяти баллов. Однако эти тесты принято периодически адаптировать к уровню развития каждого нового поколения, то есть повышать критерии в среднем на двадцать пять процентов. Это вызывает пересмотр шкалы оценки теста каждые пятнадцать-двадцать лет, с тем чтобы средний показатель оставался неизменным – на уровне ста процентов. Таким образом, вероятность приведения в исполнение смертного приговора для преступника в начале этого цикла адаптации значительно выше, чем в его конце. Это налагает на единственный тест огромную ответственность за судьбу человека.

Известно, что любой из нас может повысить свой оценочный балл путем обучения и практики. Я недавно читал историю о заключенном, который десять лет сидел в камере смертников, отбывая

пожизненный срок (он никого не убивал сам, но участвовал в грабеже, повлекшем гибель человека). Во время своего заключения он учился на различных курсах. Когда же его повторно протестировали, выяснилось, что коэффициент интеллекта данного заключенного вырос более чем на десять пунктов, и это внезапно сделало возможным приведение его смертного приговора в исполнение.

Разумеется, большинство из нас никогда не окажется в ситуации принудительной стерилизации или введения смертельной инъекции из-за результатов собственного теста на коэффициент интеллекта. Однако мы знаем, что подобные крайности существуют, а потому хотим понять: что это за цифры? Что они на самом деле говорят о нашем интеллекте? Ответ заключается в том, что эти цифры демонстрируют способность человека выполнить за определенное время некоторый объем вербальных и математических операций. Иными словами, они измеряют всего лишь некоторые разновидности интеллекта, а не интеллект в целом. И как отмечалось выше, базовый показатель периодически корректируется.

Такая увлеченность общества идеей измерения уровня интеллекта логически вытекает из нашей приверженности стандартизированным тестам в системе школьного образования. Учителя посвящают значительную часть учебного года подготовке учащихся к тестам, результаты которых будут определять все – от размещения детей в классах в следующем учебном году до объемов финансирования, которые получит школа. Эти тесты, разумеется, никак не учитывают индивидуальные способности и потребности ученика (или школы), но играют колоссальную роль в школьной судьбе ребенка.

В настоящее время наибольшее влияние на академическое будущее американских детей оказывает стандартизированный тест на проверку академических способностей (SAT). Интересно, что Карл Бригам, изобретатель SAT, тоже был сторонником евгеники. Изначально он разработал данный тест для военных целей, но, к своей чести, сознательно дискредитировал его ценность пять лет спустя, отрекшись от «евгенических» взглядов. Однако к тому времени Гарвард и другие школы Лиги плюща активно начали использовать тест SAT для оценки уровня интеллекта абитуриентов. На протяжении почти семи десятилетий большинство американских колледжей используют тест SAT и подобный ему «Тест американского колледжа» (ACT) в качестве ключевого фактора при отборе студентов, хотя некоторые колледжи все же со временем начали меньше полагаться на них.

SAT во многих отношениях является индикатором ущербности стандартизированных тестов: они обезличенно измеряют лишь определенный тип интеллекта; в них заложена попытка обобщить академический потенциал группы совершенно разных подростков и применить ко всем единый, универсальный подход. В конечном итоге тесты вынуждают старшеклассников часами готовиться к предстоящим испытаниям в ущерб учебе и любимым занятиям. Джон Катцман, основатель Princeton Review, резко критикует этот тест: «Главным недостатком SAT является то, что он не имеет никакого отношения к тому, что изучают в школе старшеклассники. В результате он превращается в нечто вроде неявного учебного курса, который не отвечает целям ни преподавателей, ни студентов... SAT позиционировался как панацея: он измерял уровень интеллекта, верифицировал высокий средний балл, полученный в школе, и прогнозировал оценки студента в колледже. В действительности же он никогда не соответствовал первым двум целям и был не слишком эффективен для достижения третьей».

Но для студентов, которым не слишком хорошо удаются тесты и не присущи способности, важные для результатов SAT, перспективы учебы в колледже могут оказаться весьма туманными и неопределенными, поскольку общество решило, что интеллект можно измерить и исчислить определенным количеством баллов.

К сожалению, идея классификации интеллекта сегодня по-прежнему распространена повсеместно и выходит далеко за рамки академического мира. Помните колоколообразную кривую, которую мы рассматривали ранее? Она возникает постоянно, когда я спрашиваю людей, насколько интеллектуально

развитыми они себя считают. Причина в том, что мы определяем интеллект слишком узко и полагаем, будто знаем ответ на вопрос «Насколько вы интеллектуальны?». Но верного ответа быть не может, поскольку сам вопрос поставлен некорректно.

Насколько вы интеллектуальны?

Итак, мы имеем два ключевых вопроса: «Насколько вы интеллектуальны?» и «Корректен ли такой вопрос, ведь интеллект всегда шире и глубже наших представлений о нем?» Первый вопрос предполагает, что существует окончательный способ измерения интеллекта и можно свести ценность каждого индивидуального интеллекта к цифре или какому-либо коэффициенту. Второй содержит в себе истину, которую мы почему-то не признаем в полной мере. А истина проста: существует множество способов выразить интеллект, и ни одна шкала никогда не сможет это оценить.

Природа интеллекта всегда была предметом разногласий, особенно среди философов и психологов, которые размышляют над этим всю жизнь. Они часто принципиально расходятся во мнениях о том, что именно представляет собой интеллект, кто им обладает и каков его потенциал. В ходе исследования, проведенного несколько лет назад в США, группа психологов попыталась дать определение интеллекта, выбирая и комментируя его признаки по списку из двадцати пяти пунктов. Лишь три пункта были выбраны четвертью и более всех опрошенных респондентов. Один комментатор отозвался об этом так: «Если бы мы попросили экспертов описать съедобные грибы, чтобы отличить их от ядовитых, а эксперты дали бы нам такие же туманные ответы, – думаю, мы посчитали бы правильным не есть грибы вообще».

Определения интеллекта, опирающиеся лишь на методики измерения его коэффициента, всегда подвергались критике – и в последние годы эта критика усилилась. Альтернативные теории в целом солидарны друг с другом во мнении, что интеллект – это неизмеримая величина, которую невозможно загнать в рамки индексов и стандартов.

К примеру, гарвардский психолог Говард Гарднер активно пропагандирует идею о том, что мы обладаем множеством интеллектов: лингвистическим, музыкальным, математическим, пространственным, кинестетическим, межличностным (взаимоотношения друг с другом) и внутриличностным (знание и понимание себя). Он утверждает, что все типы интеллектов более или менее независимы друг от друга и ни в коем случае не конкурируют между собой по степени важности. Вместе с тем ученый считает, что одни из них могут быть «доминирующими», а другие – «спящими». По мнению Гарднера, у каждого из нас в разной степени развиты определенные типы интеллектов, и система образования должна уделять им равное внимание, чтобы все люди с детства получали возможность активизировать свои индивидуальные способности.

Роберт Штернберг, в прошлом президент Американской психологической ассоциации,^[10] а сегодня профессор психологии в Университете Тафтса, давно критикует традиционные подходы к тестированию интеллекта и к теории измерения коэффициента интеллекта. Он утверждает, что существует три типа интеллекта: аналитический интеллект (способность выполнять традиционные тесты на коэффициент интеллекта и решать проблемы, используя академические познания); творческий интеллект (способность находить оптимальные и оригинальные решения в нестандартных ситуациях) и практический интеллект (способность эффективно решать проблемы и задачи повседневной жизни).

Дэниэл Гоулмен, психолог, журналист и автор бестселлеров, посвященных теме эмоционального интеллекта, в своих книгах утверждает, что существуют эмоциональный и социальный интеллекты и оба они чрезвычайно важны для гармонии с собой и окружающим миром.

Роберт Купер, автор книги «The other 90 %» («Остальные 90 %»), утверждает, что мы не должны воспринимать интеллект как процесс, являющийся некоей работой мозга внутри нашего черепа. Он также убежден в существовании «сердечного» и «кишечного» мозга. По его словам, в моменты переживания человеком какого-либо непосредственного опыта информация о нем не поступает сразу же в головной

мозг. Первым местом, куда она поступает, являются нервные окончания нашего кишечного тракта и сердца. Купер считает нервную систему кишечника «вторым мозгом», находящимся внутри кишечника, который «независим, но при этом соединен с головным мозгом». Он утверждает, что именно поэтому мы описываем свою первую реакцию на какие-либо события словами «нутром чую». Неважно, признаем мы это или нет, реакция нашего кишечника оказывает влияние на все, что мы делаем.

Других психологов и приверженцев тестирования интеллекта беспокоят подобные идеи как не вполне доказуемые, не подлежащие количественным измерениям и порой просто научно несостоятельные. Возможно. Однако несомненным фактом, почерпнутым из повседневного опыта, является то, что человеческий интеллект разнообразен и многогранен. За доказательствами далеко ходить не надо – стоит лишь взглянуть на необычайное богатство и сложность человеческой культуры и достижений. А можем ли мы объединить все это в единую теорию интеллекта – с тремя, четырьмя, пятью или даже восемью отдельными категориями, – это проблема теоретиков.

Между тем доказательства истинной природы человеческих способностей можно найти везде: мы «думаем» о нашем опыте всеми возможными способами, которыми его получаем. Также ясно, что все мы имеем различные естественные потребности и сильные стороны.

Я уже упоминал, что у меня нет особых способностей к математике. На самом деле у меня нет к ней вообще никаких способностей. А у Алексиса Лемэра они есть. Лемэр – молодой французский докторант из Университета Реймса, специализирующийся на искусственном интеллекте.

В 2007 году он установил мировой рекорд, рассчитав в уме корень тринадцатой степени из сгенерированного случайным образом двухсотзначного числа. Он сделал это за 72,4 секунды. Если у вас те же взаимоотношения с математикой, что и у меня, и вы не вполне понимаете, что это значит, позвольте мне объяснить. Алексис сел перед ноутбуком, который случайным образом сгенерировал двухсотзначное число и вывел его на экран. Длина этого числа превышала семнадцать строк. Поверьте, это очень большое число.

Задачей Алексиса было подсчитать в уме корень тринадцатой степени из данного числа (это означает, что число, умноженное само на себя тринадцать раз, в итоге составит то самое двухсотзначное число на экране). Он молча уставился на монитор ноутбука, а затем объявил правильный ответ, который был равен 2 397 207 667 966 701. Не забудьте, что он сделал это за 72,4 секунды.[\[11\]](#) В уме.

Лемэр совершил этот подвиг в зале Нью-Йоркской публичной библиотеки. Он работал над вычислением корней тринадцатой степени много лет. Раньше его лучшее время составляло лишь долгие 77 секунд. Сам «человек-компьютер» так рассказал об этом прессе: «Первую цифру определить очень легко, как и последнюю, однако вычислить то, что между ними, крайне сложно... Я использую это упражнение для того, чтобы улучшить свое умение действовать как компьютер. Это как запуск программы в собственной голове, чтобы контролировать свой мозг. Бывает, когда я выполняю умножение, мой мозг работает так быстро, что приходится принять лекарство. Я думаю, что человек, не обладающий очень быстрым умом, также справился бы с этим, однако мне это, наверное, легче, поскольку я мыслю быстрее».

Лемэр регулярно практикуется в математике. Для того чтобы мыслить быстрее, он занимается физическими упражнениями, не употребляет кофеин и алкоголь, избегает продуктов с высоким содержанием сахара или жира. Он так интенсивно занимается математикой, что вынужден регулярно брать отгулы, предоставляя отдых мозгу. В противном случае, как опасается Алексис, существует риск, что обилие математики в его жизни может отрицательно сказаться на здоровье и работе сердца.

Я тоже всегда чувствовал в математике прямую угрозу собственному здоровью, однако по другим причинам. Удивительно, но в школе Лемэр, так же как и я, не блистал математическими способностями.

Однако он изучал математику самостоятельно, усердно читая книги.

Но у него действительно имелись природные способности к вычислениям, которые он открыл в себе в возрасте примерно одиннадцати лет. С тех пор он оттачивал и совершенствовал свой талант, постоянно ставя перед собой все более трудные задачи и усложняя методы их решения.

Так или иначе, но в основе всех этих достижений лежит уникальное личное отношение к данному предмету в сочетании с глубокой страстью и усердием. А потому всем очевидно: когда Алексис Лемэр погружается в огромные числа, чтобы извлечь из них корни, он, несомненно, находится в своей стихии.

Три характеристики человеческого интеллекта

Человеческий интеллект, по всей видимости, имеет по меньшей мере три главные характеристики. Первая – это чрезвычайное разнообразие. Интеллект явно не ограничивается способностью к вербальным и математическим рассуждениям. Эти навыки важны, но они представляют собой лишь *один из способов*, которыми может выражаться интеллект.

Наглядное тому подтверждение – история Гордона Паркса – легендарного фотографа, который сумел изобразить жизнь чернокожих американцев так, как это мало кому удавалось. Он стал первым чернокожим продюсером и режиссером в исключительно «белом» Голливуде. Он способствовал основанию журнала *Essence* и три года являлся его главным редактором. Он был одаренным поэтом, романистом и мемуаристом. Он был также талантливым композитором, создавшим для записывания своих работ собственную форму музыкальной нотации.

При этом стоит упомянуть, что Паркс не имел профессионального образования ни в одной из вышеперечисленных сфер.

В действительности Гордон Паркс почти не посещал школу, когда учился в старших классах. В пятнадцатилетнем возрасте он потерял мать, вскоре после этого оказался на улице и не смог окончить школу. Да и то образование, которое ему удалось получить, просто удручало. Он часто вспоминал, как одна из его учительниц говорила ученикам, что колледж для них будет потерей времени, так как их предназначение – быть грузчиками и уборщиками.

Тем не менее Паркс использовал свой интеллект вопреки обстоятельствам так, как мало кто сумел бы на его месте. Он самостоятельно научился играть на пианино, и это в юности помогало ему немного зарабатывать и держаться на плаву. Несколько лет спустя он купил в ломбарде фотоаппарат и сам научился фотографировать. Все, что Гордон Паркс узнал о кино и писательской деятельности, пришло к нему преимущественно благодаря наблюдениям, высокому уровню интеллектуальной любознательности и выдающейся способности чувствовать и проникательно наблюдать за жизнью других людей.

«Я просто шел вперед и вперед, – сказал он в интервью, которое давал в Смитсоновском институте, – и ставил самые немыслимые эксперименты в своих занятиях фотографией. Я понял, что мне это нравится, и с головой ушел в процесс съемки. Моя жена в то время не совсем одобряла это увлечение, теща была против, как и все тещи. Я ухлопал все деньги на несколько фотоаппаратов. Примерно так все и произошло. У меня был огромный интерес к фотографии, и я усиленно изучал это дело, стучался во все двери, ища поддержку везде, где мог ее получить».

«Моя жизнь напоминает какой-то сумбурный сон, – сказал он как-то в интервью Государственной службе телевидения США (PBS). – То, что со мной произошло, – невероятно. Но я знаю одно: моя жизнь была наполнена постоянными усилиями, постоянным чувством, что я не имею права проиграть».

Паркс внес значительный вклад в американскую культуру. Америку буквально обожгли его фотографии, наиболее известной из которых является «Американская готика», где изображения американского флага и чернокожей женщины со шваброй и веником наложены друг на друга. Так же бесспорно талантливы его впечатляющие киноработы, в том числе блестящий хит «Шафт», который впервые представил Голливуду чернокожего героя боевиков. Давно и высоко оценены его оригинальные прозаические произведения и уникальное музыкальное творчество.

Я не знаю, проходил ли Гордон Паркс когда-либо стандартизированный академический тест на коэффициент интеллекта и сдавал ли он вступительные экзамены в колледж. Учитывая все, что мы знаем о

нашей системе образования, думаю, результаты тестов были бы удручающими. Любопытно, что Парксу, не окончившему даже школу, было присвоено сорок почетных докторских степеней. И одну из них он посвятил той школьной учительнице, которая так презрительно отзывалась о его способностях. Несмотря ни на что Гордон Паркс обладал – согласно любому разумному определению этого слова – поистине выдающимся интеллектом, имея сверхъестественную способность к обучению и овладению в совершенстве сложными и тонкими формами искусства.

Я могу лишь догадываться, считал ли Паркс себя интеллектуальным человеком. Однако если он был похож на многих людей, которых я встречал в своих путешествиях, то вполне возможно, что из-за недостатка формального образования он оценивал себя в этом смысле гораздо ниже, чем заслуживал, несмотря на свои многочисленные и очевидные дарования.

Как показывают истории Гордона Паркса, Мика Флитвуда и Барта Коннера, интеллект может проявляться такими способами, которые имеют весьма отдаленное и опосредованное отношение к словам и цифрам или не имеют с ними вообще никакой связи. Мы думаем о мире всеми способами, которыми познаем его, включая всевозможные способы использования наших чувств (как бы много их ни было на самом деле). Мы думаем звуками. Мы думаем движениями. Мы думаем зрительными образами. Я долгое время работал с Королевским балетом в Великобритании и понял, что танец – это мощный способ выражения идей и для достижения этого танцоры используют многочисленные формы интеллекта: кинестетическую, ритмическую, музыкальную и математическую. Если бы интеллект существовал лишь в математической и вербальной формах, мир никогда не узнал бы о таком способе выражения человеческой гениальности, как балет. Это же относится в полной мере к абстрактной живописи, хип-хопу, дизайну или архитектуре. Даже к применению своих способностей на кассах самообслуживания в супермаркетах.

Разнообразие интеллекта – это один из фундаментальных принципов, позволяющих найти свое призвание. Если вы не признаете, что постигаете мир и думаете о нем самыми различными способами, то серьезно ограничите свои шансы стать тем, кем вам предназначено быть.

Человеком, олицетворяющим собой это чудесное разнообразие, является Ричард Бакминстер Фуллер,[\[12\]](#) который наиболее известен изобретением геодезического купола и введением в обращение термина «космический корабль «Земля»». Его самые яркие достижения относятся к инженерной сфере, что, разумеется, требует использования математического, визуального и межличностного интеллектов. Однако Фуллер наряду с этим был писателем с умными и неординарными идеями, философом, поставившим под сомнение убеждения поколения, горячим защитником окружающей среды еще до возникновения массового движения в ее защиту, а также пытливым и терпеливым университетским профессором. Все это он делал, избегая обращения к формальному образованию (он был первым из четырех поколений своей семьи, кто не окончил Гарвард), и пытался познавать мир, используя разносторонний потенциал своего интеллекта. Фуллер не только читал – он действовал: отслужил в военно-морском флоте, основал компанию по материально-техническому обеспечению строительства, работал механиком на текстильной фабрике и рабочим на мясокомбинате. Он, кажется, не видел ограничений в использовании всех доступных ему форм интеллекта.

Обсудив первую яркую особенность интеллекта – а именно чрезвычайное его разнообразие, – двинемся дальше. Второй характеристикой интеллекта является его удивительная динамичность. Человеческий мозг в высшей степени интерактивен. Для выполнения какой-либо задачи мы используем ту или иную его часть. Фактически именно при таком динамичном использовании мозга и происходят истинные озарения.

Альберт Эйнштейн, например, воспользовался огромным преимуществом динамичности интеллекта. Гениальность Эйнштейна как ученого и математика уже стала легендой.

Однако он познавал мир, используя все известные ему формы самовыражения. Он искренне верил, что сможет самыми различными способами реализовать на практике все, что бросает вызов разуму. Именно поэтому он беседовал с поэтами, чтобы больше узнать о роли интуиции и воображения.

Уолтер Исааксон, биограф Эйнштейна, описывал это так: «Когда он был школьником, ему не давалась зубрежка. Позднее, когда он уже стал теоретиком, источником его успеха являлась не примитивная мощь умственных возможностей по обработке информации, а воображение и творческие способности. Он мог создавать сложные уравнения, однако, что более важно, знал и помнил, что математика – это язык, который использует природа для описания своих чудес».

Когда Эйнштейн бывал сбит с толку сложностями, возникавшими в работе, он часто обращался за помощью к скрипке. Один из друзей Эйнштейна рассказывал Исааксону: «Обдумывая сложные проблемы, Эйнштейн часто играл на скрипке в своей кухне поздней ночью. В такие минуты он импровизировал, но внезапно, прекратив музицировать, возбужденно восклицал: «Я понял!» Благодаря творческому вдохновению решение проблемы приходило к нему посреди исполнения музыкальной композиции».

Эйнштейн, судя по всему, понимал, что интеллектуальный рост и творческие способности раскрываются в человеке благодаря пониманию динамической природы интеллекта, ощущению взаимосвязи вещей. Несомненно, истории прозрения, рассказанные в этой книге, показывают, как часто моменты неожиданного озарения зависят от ведения новых взаимосвязей между событиями, идеями и обстоятельствами.

Третьей характеристикой интеллекта является его полная самобытность. Интеллект каждого человека так же уникален, как отпечаток пальца. Может существовать семь, десять или сто различных форм интеллекта, однако каждый из нас использует эти формы по-разному. Набор способностей каждого из нас включает в себя различные комбинации доминирующих и спящих разновидностей интеллекта. Даже близнецы используют свой интеллект в такой же степени по-разному, что и совершенно незнакомые люди, находящиеся на противоположных концах земного шара.

Это вновь приводит нас к вопросу, который я задавал ранее: насколько вы интеллектуальны? Знание того, что интеллект разнообразен, динамичен и самобытен, позволяет по-новому отнестись к этому вопросу. Это один из ключевых элементов обретения своего призвания. Отказываясь от предубеждений, вы имеете возможность взглянуть на свой интеллект по-новому. Ни один человек не может быть отождествлен с единственным значением интеллекта на линейной шкале. И не существует в мире двух одинаковых людей, которые, набрав равное количество баллов, будут заниматься одними и теми же вещами, разделять одни и те же пристрастия. Их жизненные ценности и достижения все равно будут различны.

Открыть свое призвание – это значит позволить себе получить доступ ко всем возможным способам познания мира и понять свои подлинные таланты.

Просто не принимайте их как аксиому.

Глава 3

За гранью воображения

Фейт Рингголд — известная художница, прославившаяся своими разрисованными лоскутными одеялами. Ее выставки проходят в крупных музеях по всему миру, ее работы включены в постоянные экспозиции музея Гуггенхайма, Художественного музея Метрополитен и Музея современного искусства. Кроме того, Фейт Рингголд писатель и обладатель Медали Кальдекотта,^[13] которую она получила за свою первую книгу «Tar Beach». Также она сочиняет и записывает песни.

Жизнь Фейт наполнена творчеством. Любопытно, что она нашла себя на этом поприще в период, когда из-за болезни не могла посещать школу. В возрасте двух лет она заболела астмой и поэтому поздно начала получать школьное образование. Во время интервью Фейт рассказала мне, что именно невозможность посещать школу из-за астмы сыграла положительную роль в ее развитии. Она говорит об этом так: «В результате болезни я оказалась вне влияния определенных школьных догм и доктрин, понимаете? Я осталась в стороне от того воспитания, которому, как я думаю, подвергаются многие дети в том регламентированном обществе, каковым является школа. В некоторой степени это, конечно, оправданно. Ведь когда множество людей собирается в одном месте, необходимо установить определенные правила, для того чтобы система работала. Моя же жизнь никогда и никем не регламентировалась. Я пропустила детский сад и первый класс. В школу начала ходить только со второго класса. Ежегодно я отсутствовала на занятиях по меньшей мере около двух-трех недель из-за астмы. И поверьте, совершенно не возражала против этого».

Мать много занималась с Фейт, чтобы помочь дочери наверстать пропущенный в школе материал. А в свободное от учебы время они имели возможность с головой погружаться в безграничный мир искусства, царившего в Гарлеме в 1930-х годах.

«Моя мать ходила со мной на все знаменитые выступления того времени. Это были концерты Дюка Эллингтона, Билли Холидэй, Билли Экстайна и других замечательных певцов и музыкантов того времени. Поэтому именно этих людей я считала по-настоящему творческими личностями. Было очевидно, что они вкладывали в свое искусство всю душу. Мы все жили по соседству. С ними можно было просто столкнуться на улице, понимаете? Меня на всю жизнь вдохновили их творчество и готовность отдавать себя своим слушателям. Это помогло мне лучше понять коммуникативный аспект жизни творческого человека.

Меня никогда не заставляли быть похожей на других детей. Я не одевалась так, как они. Я не выглядела так, как они. И моя семья не ждала от меня такой схожести.

Поэтому со временем я начала делать то, что считалось немного странным. Моя мать была модельером одежды и, как я считаю, художницей, хотя сама она никогда себя так не называла. Она много помогала мне, однако никак не могла решить для себя, хорошо ли, когда искусство становится делом всей жизни».

Когда Фейт наконец-то стала постоянно ходить в школу, она заметила, что испытывает неподдельное вдохновение и эмоциональный подъем на уроках рисования.

«Уже в начальных классах у нас началось рисование. Это был великолепный опыт. Просто великолепный. Я отчетливо помню, как учителя приходили в восторг от некоторых моих работ, а я удивлялась: почему они думают, что это так хорошо? Но никогда ничего не говорила. Как-то в седьмом или восьмом классе наша учительница на одном из занятий хотела помочь нам сделать попытку увидеть не

глядя. Она предложила нам нарисовать таким способом цветы. Я сказала: «О боже, я не хочу, чтобы она это видела, это просто ужасно». А она подняла мой рисунок и сказала: «Да это же просто чудесно. Посмотрите на него».

Сейчас я понимаю, почему ей это понравилось. В моей работе чувствовалась свобода, и именно это нравится мне, когда я смотрю на детские рисунки. Это выразительно, это чудесно. Это своего рода волшебство, которым обладают дети. Дети не видят в искусстве ничего странного и необычного. Они его принимают, они его понимают, они его любят. Приходя в музей, они свободно смотрят по сторонам и не чувствуют угрозы. А взрослые чувствуют. Они боятся, что увидят послания, которые не смогут расшифровать, в то время как от них будут ждать какой-то реакции, каких-то слов или действий, связанных с увиденными произведениями искусства. Дети же могут просто принять искусство, потому что такова их натура. Они остаются такими до тех пор, пока не начинают критиковать самих себя. А может быть, они утрачивают непосредственность потому, что мы начинаем их критиковать. Я стараюсь этого не делать, однако мир все равно будет их критиковать и оценивать, приговаривая: «Это не похоже на дерево, это не похоже на человека». Пока дети еще маленькие, они не обращают внимания на подобные слова. Они раскрывают смысл нарисованного прямо на ваших глазах. «Это моя мамочка, а это мой папочка, и мы подошли к дому и срубили дерево». И так далее и тому подобное. Дети рассказывают нам все о своих рисунках и искренне считают их чудесными. И я разделяю их мнение. Ведь в своем творчестве они совершенно свободны, а значит – правы.

Я думаю, что дети обладают такими же врожденными способностями к музыке. Их голоса похожи на маленькие звонкие колокольчики. Однажды я проводила в одной из школ сорокаминутные занятия с разными детьми от ясельного возраста и до шестого класса. В ходе каждого занятия дети читали книгу, а затем я показывала им слайды с некоторыми моими работами и учила их петь мою песню «Каждый может летать» («Anyone Can Fly»). Неважно, были это дети ясельного возраста, воспитанники детского сада, первоклассники, второклассники, третьеклассники или четвероклассники, – они просто подхватывали песню! Однако с пятиклассниками уже начинались проблемы. Их голоса больше не походили на колокольчики, дети стеснялись самих себя, а некоторые вообще смущенно отмалчивались и отказывались петь».

К счастью, Фейт никогда не сдерживала себя подобным образом. Ей с раннего детства нравилось исследовать свои творческие способности, и, став взрослой, она сумела сохранить в себе эту искру.

«Думаю, что с той самой минуты, когда я начала изучать искусство в колледже в 1948 году, я знала, что хочу стать художницей. Я не понимала, какой путь выберу, как это произойдет, но была твердо уверена, что это моя цель. Я мечтала стать художницей и заниматься этим всю жизнь. Каждый день нашей жизни дает возможность создать нечто чудесное и может стать таким же восхитительным, как все остальные. Он может принести удивительные открытия, потому что, когда вы рисуете или создаете что-либо, вы всякий раз находите совершенно новые способы делать это».

Творческий потенциал

Я уже упоминал, что люблю спрашивать своих читателей, насколько интеллектуальными они себя считают. Обычно после этого я спрашиваю тех же самых людей, как они оценивают свои творческие способности. И в этом опросе я снова использую десятибалльную шкалу, где 10 баллов являются максимальным значением. Как и при оценке интеллекта, большинство людей помещают себя куда-то в середину шкалы. Примерно из тысячи людей лишь менее двадцати человек оценивают свои творческие способности в 10 баллов. Чуть большее количество присваивает себе 9 или 8 баллов. С другой стороны, всего несколько человек из той же тысячи оценивают свои творческие способности в 1–2 балла. Я думаю, что здесь люди традиционно ошибаются, так же как и в оценке собственного интеллекта.

Однако истинный смысл этого задания открывается, когда я спрашиваю, сколько людей поставили себе разные баллы за интеллект и творческие способности. Обычно при этом поднимает руки большинство – приблизительно от двух третей до трех четвертей аудитории. Почему же так происходит? Думаю, это связано с тем, что большинство людей расценивает интеллект и творческие способности как абсолютно разные вещи. Они полагают, что человек может быть очень интеллектуальным и при этом иметь невысокие творческие способности, и наоборот.

На мой взгляд, это свидетельствует о фундаментальной проблеме. Значительная часть моей работы с организациями посвящена демонстрации неразрывной взаимосвязи интеллекта и творческих способностей. Я твердо верю в то, что невозможно быть творческим и при этом интеллектуально неразвитым человеком. Аналогичным образом высшей формой интеллекта является творческое мышление. В поисках своего призвания чрезвычайно важно понимать истинную природу творчества и иметь четкое представление о том, как оно соотносится с интеллектом.

Как показывает мой опыт, большинство людей имеет узкое представление об интеллекте и, как правило, рассматривает его с точки зрения академических способностей. Вот почему многие одаренные люди в конечном итоге начинают считать себя интеллектуально слабыми. Творческие способности также со всех сторон окружены мифами.

Одним из этих мифов является то, что творческими способностями обладают лишь особенные люди. Это не так. Каждый человек от рождения наделен огромным творческим потенциалом. Главная сложность состоит в том, чтобы его по-настоящему раскрыть. Ведь творчество во многом сродни грамотности. Мы принимаем как должное, что почти любой из нас может научиться читать и писать. Если человек не умеет читать или писать, вы же не думаете, что он неспособен к этому. Вы предполагаете, что он просто этому не обучался. То же самое можно сказать и о творчестве. Когда люди говорят, что не обладают творческими способностями, это часто объясняется тем, что они не знают истинную природу творчества и признаки его проявлений на практике.

Другой миф утверждает, что творчеством являются лишь избранные виды деятельности – такие как живопись, дизайн или реклама. Действительно, эти занятия напрямую связаны с творческим процессом. Однако в такой же степени он востребован в естествознании, математике, инженерии, предпринимательстве, спорте, наконец, в простых человеческих взаимоотношениях! Творческие способности можно использовать, занимаясь любым делом, активизирующим интеллект человека.

Третий миф заключается в том, что люди либо обладают творческими способностями, либо нет. Данный миф убеждает нас, что творческая одаренность, как и уровень интеллекта, является фиксированной величиной, подобно цвету глаз, и человек не в силах что-либо изменить. Но это противоречит действительности, потому что мы способны на любые творческие подвиги и в работе, и в

жизни. Первым важным шагом на пути к этому является понимание тесной взаимосвязи между творческими способностями и интеллектом. Это один из наиболее верных способов обретения своего призвания, и он побуждает нас изучить главную черту человеческого интеллекта – уникальные возможности нашего воображения.

Все в вашем воображении

Как говорилось в предыдущей главе, человек склонен недооценивать свои чувства и свой интеллект. Такую же ошибку мы совершаем в отношении собственного воображения. Мы принимаем его как должное наряду с остальными чувствами. Мы даже критикуем людей за чересчур бурное воображение или за неумную фантазию, утверждая, что объект нашего скепсиса «существует лишь в их воображении». Мы почему-то гордимся своей «приземленностью», «реалистичностью» и «практичностью», высмеивая тех, кто витает в облаках. И все же именно воображение ярче всего выделяет людей среди остальных живых существ.

Воображение лежит в основе каждого человеческого достижения. Оно привело нас из пещер в города, от игры костями животных к игре в гольф, от сырого мяса к изысканной кухне и от суеверий к науке. Существует сложная и глубокая связь между воображением и реальностью. И эта связь играет очень важную роль в поисках своего призвания.

Сосредоточиваясь на своем фактическом физическом окружении, мы обычно предполагаем, что воспринимаемая нами картина мира соответствует реальности. Именно поэтому мы можем водить автомобиль по оживленным дорогам, делать серьезные покупки и просыпаться рядом с правильным человеком. Мы знаем, что при некоторых обстоятельствах – например, при болезни, помутнении сознания или чрезмерном использовании психотропных веществ – предпосылка о соответствии воображения реальной действительности может быть ошибочной, но пока опустим этот вопрос и двинемся дальше.

Для нас обычное дело – выйти за пределы непосредственного чувственного восприятия и мысленно вызвать образы других мест и других времен. Если я попрошу вас подумать о своем лучшем школьном приятеле, любимой еде или самом надоедливом знакомом, вы сможете это сделать, не имея ни одного из указанных объектов непосредственно перед глазами. Такой процесс «мысленного видения» является важнейшим актом воображения. Поэтому я определил бы воображение как «способность вызывать в мозгу образы вещей, не воспринимаемые непосредственно нашими чувствами».

Вполне вероятно, вы скажете на это: «Тоже мне новость!» Ответ резонный, тем более, что он помогает подойти к ключевой мысли: среди всех наших способностей мы в наибольшей мере воспринимаем как должное именно свое воображение. Воображение имеет для нас жизненно важное значение. С его помощью мы можем возвращаться в прошлое, созерцать настоящее и предвидеть будущее. Благодаря этому дару мы способны делать нечто другое, имеющее глубокое и уникальное значение.

Мы можем творить.

Воображение дает нам возможность вызывать в уме и то, что когда-либо испытано нами, и то, что выходит за пределы нашего жизненного и чувственного опыта. Мы можем строить догадки, выдвигать гипотезы, делать допущения и предположения. Одним словом, мы можем *мыслить творчески*. Имея возможность высвободить свой ум из реальности, существующей «здесь и сейчас», мы в каком-то смысле свободны, чтобы вновь возвращаться в прошлое, переосмысливать настоящее и предвидеть возможные варианты будущего. Воображение – это основа всего, что присуще исключительно человеку. Оно лежит в основе языка, искусства, науки, философских систем – всего бесценного разнообразия достижений человеческой культуры. Я могу проиллюстрировать эту великую силу воображения даже на примере космических пропорций.

Размер имеет значение?

В чем заключается смысл жизни? Это еще один хороший вопрос. Он, по всей видимости, не беспокоит других живых существ, но постоянно и сильно волнует человечество. Британский философ Бертран Рассел просто и блестяще подошел к этой проблеме. Его вопрос состоит из трех составляющих и заслуживает того, чтобы прочесть его дважды: «Является ли человек тем, кем он выглядит в глазах астронома – крошечным сгустком углерода с примесями и воды, беспомощно ползающим по небольшой и неважной планете? Или он является тем, кем его видит Гамлет? Или, возможно, и тем и другим одновременно?»

Три вопроса, заданные Расселом, содержат некоторые ключевые положения западной философии, не всегда, кстати, свойственные восточным учениям. Является ли жизнь по своей сути случайной и бесполезной или она столь же глубока и таинственна, как полагал трагический персонаж Шекспира? Мы еще вернемся к Гамлету, но сначала давайте рассмотрим идею нашего существования на этой маленькой неважной планете.

На протяжении многих лет телескоп Хаббла транслирует на Землю сотни захватывающих дух изображений отдаленных галактик, белых карликов, черных дыр, туманностей и пульсаров. Все мы видели впечатляющие документальные фильмы о фактах и фантазиях, связанных с космическими путешествиями, которые сопровождались непостижимыми данными о миллиардах световых лет и бесконечных расстояниях. Большинство из нас сегодня понимает, что Вселенная имеет гигантские размеры. Мы также понимаем, что Земля относительно мала.

Но насколько мала?

Очень трудно четко себе это представить. Ведь в случаях, когда речь идет о планетах, размер всегда относителен. Учитывая колоссальные расстояния между Землей и другими небесными телами, сложно подобрать аналоги для сравнения.

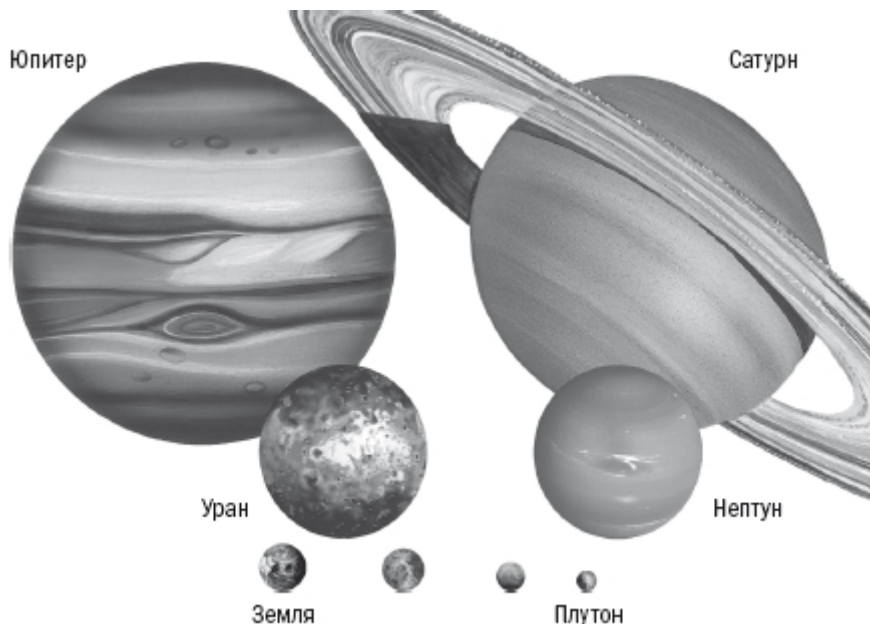
Я был рад, когда нашел прекрасный набор изображений, который помог мне получить представление об относительном размере Земли. У кого-то возникла блестящая идея вообще не учитывать расстояния, а попросту «извлечь» Землю и некоторые другие планеты из космоса и расположить их рядами друг за другом, как на школьной фотографии. Таким оригинальным способом нам дали определенное представление о масштабе вещей, и это поистине удивительно.

Вот первое изображение:

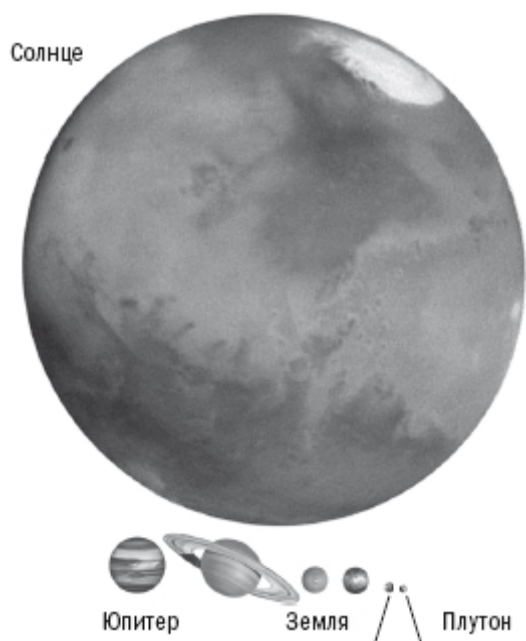
Это Земля и несколько ее ближайших соседей. Выгляди́м мы здесь довольно неплохо, особенно в сравнении с Марсом и Меркурием. Я даже думаю, что нас должно уже меньше беспокоить вторжение марсианских орд. Плутон, кстати, больше не считается планетой, и, глядя на эту картинку, можно понять почему. О чем мы вообще думали с самого начала? Он же едва крупнее горошины.

Теперь давайте немного уменьшим масштаб. Внезапно картина кажется уже не такой ободряющей. На рисунке изображена Земля рядом с некоторыми из наших крупнейших соседей по Солнечной системе.

Земля теперь выглядит менее внушительно в сравнении с Ураном и Нептуном и уж тем более с Сатурном и Юпитером. Плутон представляется настоящим космическим недоразумением. Но мы пока сохраняем достоинство – я имею в виду, что нас, по крайней мере, видно.

Однако теперь мы знаем, что история на этом не заканчивается. Знаем, что Земля мала по сравнению с Солнцем. Но насколько мала? А вот насколько...

В этом масштабе Земля выглядит маковым зернышком, а о Плуtone вообще можно забыть. И рядом – большое Солнце, которое на самом деле далеко не космический гигант, хоть и кажется таким на данном рисунке. Впечатляет, не правда ли?

Если мы еще немного увеличим масштаб, картина коренным образом изменится даже в глазах солнцепоклонников.

Земля на этой шкале просто исчезла, и само Солнце стало с булавочную головку. Но даже сейчас мы все еще сравниваем себя с относительно небольшими и близкими нам по космическим меркам объектами. Но что будет, если заглянуть дальше во Вселенную?

Не сводите глаз с Арктура, когда мы снова увеличим масштаб, чтобы увидеть Бетельгейзе и Антарес.

В таком масштабе Солнце выглядит песчинкой, а Арктур – небольшим апельсином. Кстати, Антарес – пятнадцатая по яркости звезда в нашей Вселенной, и находится она от нас на расстоянии более тысячи световых лет. Астрономы сказали бы, что это *всего* тысяча световых лет. Вспоминая, что световой год – это расстояние, которое луч света проходит за год календарный, начинаешь понимать истинные масштабы

Вселенной. Но все равно тысяча световых лет звучит впечатляюще, особенно для Плутона, хотя по галактическим меркам это сущий пустяк.

К примеру, Магелланово Облако – одна из галактик, ближайших к нашему Млечному Пути. На нашем небе она выглядит легким светящимся облачком. Между тем ученые оценивают диаметр Магелланова Облака примерно в 170 000 световых лет. Земля в этих пропорциях ничтожно, невообразимо, необнаружимо мала.

И все же...

Я могу извлечь из сказанного и кое-что ободряющее. Во-первых, наш урок астрономии полезен для тренировки смены угла зрения. Что я имею в виду? Забудьте обо всем, что беспокоило вас сегодня с утра. Проанализируйте, какое это может иметь значение, если увеличить масштаб. Успокойтесь и живите дальше.

Во-вторых, подумайте о следующем. Похоже, эти изображения действительно подталкивают нас к положительному ответу на первый вопрос Бертрانا Рассела. Кажется, мы с вами цепляемся за поверхность чрезвычайно маленькой и незначительной планеты. Но на самом деле это не конец истории. Может, мы малы и незначительны. Но наша уникальность по сравнению со всеми живыми существами Земли – и, насколько известно на сегодняшний день, всей Вселенной – состоит в том, что мы способны осознавать собственную незначительность. И это просто поразительно.

Используя силу воображения, кто-то создал эти удивительные астрономические рисунки. Используя ту же силу, я способен написать о них и опубликовать написанное – а вы можете это осознать и понять. На самом деле именно человечество создало Гамлета, о котором говорил Рассел, а также Мессу си минор Баха, Голубую мечеть, Сикстинскую капеллу, Ренессанс, пьесы Чехова, Шелковый путь, поэзию Йетса, блюз, рок-н-ролл, хип-хоп, Лас-Вегас, теорию относительности, квантовую механику, индустриализм, «Симпсонов», цифровые технологии, телескоп Хаббла – фантастическое и наглядное доказательство разнообразия человеческих талантов и стремлений.

Я не отказываю в воображении остальным существам, населяющим Землю. Однако ни одно из них не демонстрирует ничего даже отдаленно напоминающего те сложные способности, которыми человек обладает благодаря своему воображению. Другие живые существа тоже общаются между собой, но у них нет ноутбуков. Они тоже поют, но не ставят мюзиклы. Они могут быть живыми и подвижными, но «Цирк Солнца» – не их творение.^[14] Они могут выглядеть озабоченными, однако не публикуют теории о смысле жизни, не проводят вечера, распивая «Джек Дэниэлс» и слушая Майлза Дэвиса. Они не встречаются в барах, сосредоточенно изучая изображения, полученные при помощи телескопа Хаббла, и пытаются понять, что это может означать для всех живых существ.

Чем же объясняются такие кардинальные различия между мышлением и поведением человека и других живых существ на нашей маленькой планете? Мой однозначный ответ – воображением. На самом деле речь идет об удивительно сложной эволюции человеческого мозга, о той динамичности, с которой он способен функционировать и которая является причиной феноменального творческого потенциала человека. Именно эта способность к творчеству позволяет нам переосмысливать свою жизнь – и находить путь к своей стихии.

Сила творчества

Воображение и творчество – это не одно и то же. Творчество переносит процесс воображения на новый уровень. Я определяю творчество как «процесс генерирования оригинальных идей, имеющих ценность». Воображение может быть сугубо личным делом. Вы можете воображать весь день напролет – и никто этого не заметит. Но человек творческий – это всегда человек деятельный. Его воображение работает для создания чего-то нового, для решения наболевших проблем, для действенной помощи миру.

Творчество можно считать воображением, примененным на практике.

Творчеством можно заниматься в любой сфере, где востребован интеллект. Это могут быть музыка, танец, театр, математика, наука, бизнес, взаимоотношения с другими людьми, поскольку человеческий интеллект отличается поразительным разнообразием, а люди способны творить многочисленными, самыми необычными способами. Позвольте привести два очень разных примера.

В 1988 году бывший участник группы Beatles, Джордж Харрисон, выпустил сольный альбом. Главной песней альбома была композиция This is Love, которая, как полагали Харрисон и его звукозаписывающая компания, могла стать настоящим хитом. В те дни, когда песни еще нельзя было скачать в Интернете, обычной практикой было сопровождение сингла так называемой «второй стороной пластинки» – песней, которая не указывалась в содержании и становилась дополнительным бонусом для слушателей. Единственной проблемой в данном случае было то, что у Харрисона не было записи, которую он мог бы использовать в качестве «второй стороны пластинки». Но, живя в Лос-Анджелесе, он постоянно общался с такими культовыми персонами, как Боб Дилан, Рой Орбисон, Том Петти и Джефф Линн.

Когда у Харрисона появился черновой вариант для «второй стороны пластинки», он попросил друзей-музыкантов присоединиться к нему и вместе спеть припев новой песни. В непринужденной и комфортной студийной обстановке пятеро рок-легенд создали песню Handle with Care, ставшую настоящим шедевром в репертуаре Харрисона после распада Beatles.

Несколько дней спустя Харрисон дал прослушать эту песню Мо Остину, возглавлявшему Warner Brothers Records, и Ленни Уэронкеру, главе A&R, – и те были просто ошеломлены. Песня была слишком хороша для того, чтобы служить лишь скромной «второй стороной пластинки», а в результате сотрудничества столь ярких исполнителей было получено такое легкое и одновременно блестящее звучание, что для него требовалась грандиозная сцена. Остин и Уэронкер предложили Харрисону записать целый альбом с командой, создавшей Handle with Care. Харрисон нашел идею интересной и обратился к друзьям.

Однако возникли некоторые организационные проблемы. Дилан через две недели должен был уехать в длительный гастрольный тур, а после его окончания собрать всех музыкантов в одном месте было проблематично. Тогда друзья решили записать альбом за то время, что оставалось до отъезда Дилана. Используя студию одного из своих приятелей, они записали треки для всего альбома. У них не было тех недель и месяцев, которые можно было бы потратить на шлифовку звучания, доведение до совершенства текстов и музыки, перебор десятков различных вариантов или беспокойство за партию гитары. Вместо этого они положились на нечто гораздо более естественное – творческий порыв, охвативший пятерых выдающихся музыкантов, объединившихся для достижения одной цели.

Это было настоящее сотрудничество. Каждый из них старался внести свой вклад в вокальную гармонию, гитарную линию или аранжировку. Они вдохновляли и торопили друг друга, но, что самое важное, отлично проводили время. Результатом стал альбом, выполненный на первый взгляд в небрежном (казалось, что песни придуманы на ходу) и в то же время безошибочно классическом стиле.

Стремясь соответствовать легкой, расслабляющей атмосфере проекта, пятеро музыкантов решили не акцентировать внимание публики на своей известности и дали временному альянсу название The Traveling Wilburys. Альбом имел грандиозный успех – было продано пять миллионов его копий и бесчисленное количество синглов, включая Handle with Care. Журнал Rolling Stone назвал проект The Traveling Wilburys «одним из 100 лучших альбомов всех времен». На мой взгляд, это отличный пример творческого процесса в работе.

Ниже описан еще один случай, который кажется совершенно непохожим на предыдущий.

В начале 1960-х годов неизвестный студент Корнеллского университета швырнул в воздух тарелку в университетской столовой. Мы не знаем, что произошло после этого со студентом и его тарелкой. Может, он с улыбкой поймал ее, а может быть, тарелка упала на пол и разбилась вдребезги. Иными словами, в этом событии не было бы ничего заслуживающего внимания, если бы не тот факт, что за ним наблюдал некто экстраординарный.

Американский физик Ричард Фейнман был одним из признанных гениев двадцатого века. Он прославился своей революционной научной деятельностью в нескольких областях, включая квантовую электродинамику и нанотехнологии. Он был одним из наиболее ярких и популярных ученых своего времени – фокусник, художник, шутник и блестящий джазовый музыкант с особой страстью к игре на бонгах.^[15] В 1965 году Фейнман стал лауреатом Нобелевской премии по физике. По его словам, в этом ему отчасти помогла та самая взлетевшая в воздух тарелка.

«В тот день, когда я обедал, какой-то парень швырнул вверх тарелку в столовой, – рассказывает Фейнман. – На тарелке лежал голубой медальон, эмблема Корнелла, и когда тарелка падала, эта голубая штука вращалась. Мне показалось, что она вращается быстрее, чем тарелка, и стало интересно, как соотносятся между собой их скорости. Я благодушно размышлял над этим, не придавая ситуации особого значения, но вдруг почти спонтанно составил несколько уравнений движения вращающихся объектов и обнаружил, что если тарелка небольшая, то голубая штука вращается в два раза быстрее, чем тарелка».

Фейнман набросал некоторые свои соображения на салфетке. После обеда продолжился обычный университетский день. Спустя некоторое время ученому снова попала в глаза эта салфетка, и он, чтобы развлечься, продолжил обдумывать идеи, которые на ней набросал.

«Я начал анализировать это вращение, что привело меня к сходной проблеме вращения спина электрона в соответствии с уравнением Дирака,^[16] а от этого, в свою очередь, я перешел обратно к квантовой электродинамике, то есть как раз к той проблеме, над которой работал в данный момент. Я продолжал расслабленно, непринужденно размышлять, как делал это раньше, и тут словно пробка выскочила из бутылки – мысли просто полились наружу, и достаточно быстро я разработал те идеи, за которые впоследствии получил Нобелевскую премию».

Что общего, кроме вращения, есть у музыкальных пластинок и движения электронов, что помогло бы нам понять природу творчества? Оказывается, довольно многое.

Динамика творчества

Творчество – это наиболее яркий пример динамичной природы интеллекта, и оно может проявляться во всех сферах нашего разума и существования.

Позвольте мне начать с приблизительного разграничения. Я уже упоминал, что многие люди отказываются признавать в себе творческие способности, не понимая, что это такое. Однако есть некоторые общие навыки и способы творческого мышления, которым может научиться каждый, чтобы применять их практически в любой ситуации. Эти методы могут помочь в формировании нового ведения, генерировании новых идей или оценке полезности открытий, что особенно актуально при групповом решении вопросов. Это навыки общего творческого характера, и я подробнее остановлюсь на них в главе, посвященной образованию. В данной главе я хотел бы обсудить личное творчество, которое во многих отношениях очень сильно отличается от коллективного.

Фейт Рингголд, музыканты Traveling Wilburys, Ричард Фейнман и многие другие люди, о которых рассказывается в этой книге, – по-настоящему творческие люди, причем в каждом из них это проявляется своим уникальным способом. Они работают в разных сферах, ими движут личные пристрастия и взгляды. Они нашли любимое дело и открыли в себе особый талант к этому занятию. Они находятся в своей стихии, что стимулирует дальнейшее развитие их творческих способностей. Видя их судьбы, я думаю, что для каждого из нас понимание процесса зарождения и проявления творчества будет невероятно полезным.

Творчество – это следующий шаг после воображения, поскольку оно требует действий, а не приятных размышлений в горизонтальном положении. Это сугубо практический процесс, в ходе которого вы стремитесь создать нечто оригинальное – песню, теорию, лодку, платье, рассказ или новый соус для спагетти. Тем не менее для любого творчества характерны некоторые общие черты.

Во-первых, это процесс. Действительно, порой новые идеи приходят к людям уже полностью сформировавшимися, и тогда необходимость в значительной дополнительной работе просто отпадает. Но обычно творческий процесс начинается с отдаленного намека на идею – для Фейнмана таким намеком стало наблюдение за вращением тарелки, для Джорджа Харрисона – первая мысль о создании песни. Эти «штрихи к портрету», как правило, нуждаются в серьезной дальнейшей разработке, в процессе которой можно наткнуться на массу острых углов и неожиданных поворотов. Этот процесс может потребовать применения различных навыков и знаний, а результат окажется совершенно неожиданным. Ричард Фейнман в конечном итоге стал лауреатом Нобелевской премии по физике, но получил ее все-таки не за каракули на салфетке, исписанной им во время обеда.

Творчество является результатом нескольких взаимосвязанных процессов. Первый – это генерирование новых идей, поиск различных возможностей, рассмотрение альтернативных вариантов. Для этого может понадобиться сыграть несколько нот на музыкальном инструменте, сделать несколько быстрых набросков, записать несколько мыслей, переместить объекты или себя самого в пространстве. Творческий процесс подразумевает дальнейшее развитие этих идей, для чего бывает необходимо оценить их с точки зрения эффективности и правильности. Оба этих процесса – генерирование и оценка идей – важны при создании математической теории, песни, картины, книги, фотоснимка или дизайна одежды. Эти процессы не имеют заранее predetermined очередности. Напротив, они взаимодействуют друг с другом. Например, творческая активность может потребовать стихийного генерирования идей в большом объеме, воздерживаясь при этом от их оценки в самом начале. Однако в целом творческий процесс нуждается в соблюдении хрупкого баланса между генерированием идей, их отбором и доработкой.

Творческий процесс, как и всякий акт созидания, всегда требует использования каких-либо

вспомогательных средств для развития идей. При этом средства могут быть любыми. Traveling Wilburys, к примеру, использовали голоса и гитары, Ричард Фейнман – математику, а Фейт Рингголд – краски и ткани (иногда слова и музыку).

Творческий процесс иногда требует неожиданной компиляции различных талантов для того, чтобы человек мог подарить миру нечто совершенно оригинальное. Сэр Ридли Скотт – кинорежиссер, удостоенный множества наград за такие нашумевшие картины, как «Гладиатор», «Бегущий по лезвию», «Чужой» и «Тельма и Луиза», – всегда идет в кинематографе своей дорогой. Фильмы Ридли Скотта имеют свой цвет, стиль и ритм. Они совершенно не похожи на картины его коллег по цеху. Источником такой «непохожести» является его художественное образование.

Он рассказывал мне: «Образование, полученное мною в области изящных искусств, на всю жизнь одарило меня очень специфическими взглядами на создание фильмов. Окружающие всегда говорили, что я в этом хорошо разбираюсь. Я никогда не задумывался о значении их слов, но часто слышал обвинения в излишней «красивости» моих картин. Постепенно я понял, что это и есть мое творческое преимущество. «Дуэлянтов», мой первый фильм, многие критиковали за то, что он слишком красив. Один критик упрекал меня в «чрезмерном использовании светофильтров». На самом деле при создании этого фильма светофильтры вообще не использовались. Естественным «фильтром» стал дождь, который лил пятьдесят девять дней. Я думаю, что критиков картины «зацепило» мое видение французского пейзажа. Вообще, мне кажется, что лучшими фотографиями наполеоновской эпохи были художники. Поэтому я специально изучал картины русских художников, изображавшие тот самый злосчастный поход Наполеона в Россию. Многие из таких полотен, созданных в девятнадцатом веке, действительно выглядят как фотографии. В данном случае при создании фильма я извлек из живописи все, что было возможно».

Творческие люди испытывают настоящее пристрастие к средствам, которые используют в процессе творчества.

Музыкант навсегда заворочен звуком, писатель – словом, танцор – движением, математик – магией цифр, предприниматель – продвижением удачной сделки, педагог – процессом преподавания... Вот почему люди, которые по-настоящему любят свое дело, не думают о нем как о работе в обычном смысле этого слова. Занимаясь любимым делом, такие люди счастливы, потому что пребывают в своей стихии.

Недаром Фейнман рассказывает о том, что работал над уравнениями движения «лишь потому, что это было весело». Вот почему он говорит, что обдумывал свои идеи «играючи» и «непринужденно». Traveling Wilburys создали некоторые из своих лучших работ в процессе непринужденного эксперимента и приятного общения, попутно сочиняя музыку.

Фактор развлечения и веселья отнюдь не является ключевым в творческом процессе – мы знаем немало суровых творческих личностей. Однако иногда в веселом и благодушном расположении мы все-таки бываем лучше открыты для новых мыслей. В любом творческом процессе нас могут ожидать разочарования, проблемы и тупиковые пути. Некоторые известные мне выдающиеся творческие личности находят элементы творческого процесса сложными и крайне раздражающими. Но в какой-то момент все признают, что начинают ощущать большое удовольствие и глубокое чувство удовлетворения от того, что «все получилось как надо».

Многие люди, о которых говорится в этой книге, считают, что им повезло найти в жизни любимое занятие. Для некоторых из них это была любовь с первого взгляда. Вот почему они называют обретение своего призвания прозрением. Они знают, где искать таинственное «вспомогательное средство», возбуждающее наше воображение и вызывающее желание играть, работать и творить. Это знание тоже талант, и оно является важным шагом к высвобождению творческой энергии. История изобилует примерами людей, которые не могли обнаружить свои истинные творческие способности до тех пор, пока

не нашли это вспомогательное средство. По моему опыту, одна из важнейших причин того, что масса людей отказывает себе в наличии творческих способностей, очевидна – они просто не нашли своего средства самовыражения. Конечно, существуют и другие причины вплоть до удачи, о которых мы еще поговорим. Однако сначала давайте более подробно рассмотрим вопрос о том, почему средства, которые мы используем настолько индивидуально, важны для нашего творческого процесса и каждому из нас помогают по-разному.

Мой большой друг, дизайнер Ник Иган, недавно подарил нам с женой Терри две картины, написанные специально для нас. Причиной появления этих картин стала пара мыслей, высказанных мной в ходе публичных лекций и оказавших на Ника значительное влияние. Первая звучала так: «Если вы не готовы ошибаться, вы никогда не придумаете ничего оригинального», а вторая – «Для отличного образования необходимо отличное преподавание». Я думаю, что оба утверждения верны, именно поэтому часто их повторяю. Ник много размышлял над этими идеями и над тем, как они проявляются в его собственной жизни лондонского художника. Он начал осмысливать сказанное мною самым близким ему способом – с помощью холста и красок – и работал над картинами практически без отдыха на протяжении нескольких недель.

Каждая из двух картин, написанных Ником, посвящена одной из моих идей. Картины представляют собой что-то вроде визуальных импровизаций на эти темы. Оба изображения имеют мощную, почти первобытную энергетику. Одно из них почти полностью выполнено в черном цвете, при этом надпись размером в полхолста небрежно процарапана на краске, словно граффити. На второй картине преобладает белый цвет, слова на котором написаны каплями черной краски так, будто их писал ребенок. Также на ней изображено пристально глядящее на зрителя лицо. Оно напоминает персонаж из мультфильма и выглядит как нечто среднее между пещерной живописью и детским рисунком.

На первый взгляд эти картины выглядят написанными наспех и хаотично. Однако при внимательном рассмотрении видно, что слои краски тщательно и продуманно наложены друг на друга и имеют разную интенсивность цвета, что придает изображениям настоящую глубину. Ник также украсил каждую из картин затейливым узором из цветов и отдельных мазков краски, благодаря чему изображения кажутся более живыми. В результате сложные по замыслу и технике исполнения полотна создают у зрителя ощущение простоты и мощной энергетики.

Хотя вдохновением для этих картин послужили мои слова, я сам никогда не смог бы их создать. Ник – настоящий дизайнер и художник. У него имеются природные способности и страсть к созданию зрительных образов. Он обладает чувством линии, цвета, формы и текстуры; понимает принципы их комбинирования. Он воплощает свои идеи при помощи краски, мела, пастели, графики, киноплёнки, цифровых технологий и множества других визуальных средств. Материалы, которые Ник использует в каждом конкретном проекте, оказывают существенное влияние на ход его работы и эволюцию первоначального замысла. Творчество можно воспринимать как диалог между идеей и средством ее реализации. Именно поэтому картины Ника в готовом виде разительно отличались от первоначального замысла и ведения художника, которые менялись по мере продвижения работы, и главная мысль становилась все яснее, все отчетливее по мере того, как полотна обретали окончательный вид.

Использование в процессе творчества различных вспомогательных средств является яркой иллюстрацией разнообразия интеллекта и способов мышления. У каждого из нас свой арсенал подобных средств, свой авторский стиль и почерк.

Ричард Фейнман обладал превосходным зрительным воображением. Однако он не пытался написать картину с изображением электронов, а стремился разработать научную теорию о том, как они себя ведут. Для этого ученый был вынужден прибегнуть к математике. Он размышлял об электронах, но

исключительно с математической точки зрения. Именно использование математики и анализа сделало процесс его творчества исключительно продуктивным. Без математики он просто не смог бы достичь столь блестящих результатов. Traveling Wilburys размышляли о любви и взаимоотношениях, о жизни и смерти, но не пытались написать книгу по психологии. Они достигали своего результата при помощи музыки. Думая о музыке, они творили музыку.

Понимание роли вспомогательных средств, необходимых в творческом процессе, важно еще и по другой причине. Чтобы развить эти способности, нужно отточить до совершенства тот практический навык, который потребуется для творческого полета. Важно, чтобы такие навыки были развиты правильно. Я знаю многих людей, которые на всю жизнь потеряли интерес к математике, так как им никто не показал настоящую пользу этого предмета для творчества. Как вы уже знаете, я сам – один из таких людей. Учителя всегда преподносили нам математику в виде бесконечной серии задач, решение которых было уже известно кому-то другому, и единственными возможными вариантами были верное и неверное решение. Какое уж тут творчество. А вот Ричард Фейнман воспринимал и чувствовал математику иначе.

Точно так же я знаю многих людей, которые в детстве до бесконечности играли гаммы на пианино или на гитаре, но, повзрослев, тихо ненавидят этот инструмент. Здесь нет ничего удивительного, поскольку тайна рождения музыки осталась в их памяти изнурительно скучным и рутинным процессом. Многие люди решили, что у них просто нет способностей к математике или музыке, хотя, возможно, их учили неправильно или в неподходящее для этого время. Кажется, им следует подумать об этом еще раз. Возможно, так стоит поступить и мне...

Откройте ваш разум

Творческое мышление требует гораздо больших усилий, нежели логическое, линейное мышление, столь любимое западным интеллектуальным сообществом и системой образования. Давно известно, что лобные доли головного мозга участвуют в мышлении более высокого уровня. Левое полушарие отвечает прежде всего за логическое и аналитическое мышление. Но творческое мышление обычно вовлекает в работу почти весь мозг.

Творчество означает создание новых взаимосвязей для того, чтобы мы смогли взглянуть на вещи по-новому и с различных точек зрения. При логическом, линейном мышлении мы движемся от одной идеи к другой через серию правил и норм. Мы принимаем одни действия и отвергаем другие из-за того, что они нелогичны. Если $A + B = C$, мы можем вычислить, чему равно $C - B$. Традиционные тесты на коэффициент интеллекта обычно рассчитаны именно на такой тип мышления. Но между тем законы логики и линейный взгляд на вещи не всегда способствуют творческому мышлению. Скорее на оборот.

Творческий взгляд на окружающий мир часто имеет нелинейную природу, позволяя увидеть между явлениями незаметные до сих пор взаимосвязь и сходство. Творческое мышление в значительной мере зависит от развитости так называемого дивергентного, то есть нестандартного творческого мышления и особенно от мышления при помощи метафор и аналогий. Именно таким приемом воспользовался Ричард Фейнман, в результате чего увидел связь между вращающейся тарелкой и спином электронов. Идея песни Джорджа Харрисона *Handle with Care* родилась, когда он увидел ярлык на ящике.[\[17\]](#)

Я не хочу сказать, что творчество – это явление, противоположное логическому мышлению. Законы логики оставляют огромное пространство для творчества и импровизации. Равно как и любая другая деятельность, регулируемая правилами. Подумайте о том, какой простор для творчества можно обрести в поэзии, танце, спорте, музыке или игре в шахматы, где творческий полет все равно вынужден уживаться со строгими правилами и нормами. Логика может быть очень важна на разных стадиях творческого процесса в зависимости от сферы нашей деятельности. Это особенно актуально, когда мы оцениваем новые идеи и анализируем, вписываются они в существующие теории или опровергают их. Однако даже тогда творческое мышление выходит за пределы линейного и логического взгляда на вещи, требуя от нас полного вовлечения в происходящий процесс.

Сегодня общепризнан тот факт, что два полушария нашего мозга выполняют различные функции. Левое полушарие отвечает за логическое, последовательное мышление с ориентацией на вербализацию и аналитику. Правое несет ответственность за распознавание картин окружающего мира, идентификацию образов, визуальное восприятие и ориентацию в пространстве. Однако, несмотря на кажущуюся «специализацию», оба полушария нашего мозга тесно взаимодействуют друг с другом. Как и в случае с другими частями нашего тела, выполняемые ими функции взаимосвязаны.

Ноги играют главную роль при беге, но одна нога сама по себе не слишком хорошо справилась бы с этой задачей. Точно так же определенные части мозга активизируются, когда мы исполняем или слушаем музыку. При этом в процесс поэтапно вовлекаются и ранние, так называемые рептильные части мозга, и более поздно развившаяся кора головного мозга. Подобно мышцам наших рук и ног, любые творческие или логические способности могут быть сильнее или слабее в зависимости от того, насколько интенсивно мы их тренируем вместе и отдельно друг от друга.

Кстати, последние исследования показывают, что интенсивность взаимодействия различных частей мозга у женщин выше, чем у мужчин. Окончательных выводов на эту тему пока нет, но исследование напомнило мне о давней дилемме западной философии, которую профессора часто предлагают для

обсуждения студентам-первокурсникам.

Она касается взаимосвязи между нашими чувствами и нашими знаниями о мире и звучит так: «Если я не могу посредством моих чувств получить прямые доказательства чего-либо, могу ли я утверждать, что оно верно?» Этому тезису, как правило, сопутствует следующий пример: «Если в лесу падает дерево и вокруг нет никого, чтобы это услышать, издает ли оно при падении звук?» Раньше я вел курс философии, где мы вместе со студентами могли обсуждать такие вещи самым серьезным образом неделями напролет. Ответ, я думаю, должен быть таким: «Разумеется, издает, не будьте смешными». Но, знаете, мне нужно было растянуть свой курс на определенный срок, так что я усердно поощрял это обсуждение. Кстати, недавний случай в Сан-Франциско, свидетелем которого я стал, напомнил мне об этой дискуссии. Я бродил по уличному рынку и увидел какого-то человека, который говорил: «Если мужчина высказывает свое мнение в лесу и ни одна женщина его не слышит, он все равно не прав?» Возможно.

Какими бы ни были гендерные различия в нашем повседневном мышлении, творчество нуждается в ресурсах сразу нескольких типов мышления одновременно. Танец – это физический, кинестетический процесс. Музыка – это форма искусства, рожденная звуками. Однако для многих танцоров и музыкантов математика является неотъемлемой частью их деятельности, в то время как ученые часто прибегают к зрительному мышлению и воображению, чтобы проверить свои идеи.

Однако иногда для творческого процесса нужен не просто гармоничный альянс правого и левого полушарий. Игра на музыкальных инструментах, создание зрительных образов, конструирование объектов, танцевальное выступление – это интенсивные физические процессы, которые приобретают завершенность при помощи чувств, интуиции, умелой координации тела и разума. Во многих видах деятельности – в танце, песне, театральном выступлении – мы вообще не используем внешних вспомогательных средств и сами выступаем в роли посредников в собственном творческом процессе.

Творчество глубоко проникает в наши интуицию и подсознание, затрагивает сердце и чувства. Случалось ли вам когда-нибудь забыть чье-то имя или название места, которое вы посетили? Вы изо всех сил пытаетесь вспомнить, но, кажется, что возродить это слово в памяти уже невозможно, и чем настойчивее вы об этом думаете, тем более неуловимым оно становится. Обычно лучший выход из такой ситуации – прекратить попытки вспомнить и «убрать мысль на задний план». Некоторое время спустя забытое имя или название, как правило, всплывает в голове именно в тот момент, когда вы меньше всего этого ждете. Причина в том, что наш мозг не ограничивается очевидными процессами сознательного мышления. За суетливым поверхностным ходом наших мыслей скрыты глубокие резервы памяти и ассоциаций, чувств и восприятия, при помощи которых наш жизненный опыт обрабатывается и фиксируется на подсознательном уровне. Таким образом, иногда творчество представляет собой сознательное усилие. Но временами необходимо дать своим идеям время и возможность сформироваться. В такие моменты нужно довериться глубоким подсознательным процессам своего мозга, которые практически неподконтрольны человеку. Порой, когда мы так поступаем, результат очень скоро дает о себе знать: идеи приобретают зримые очертания, догадки благополучно разрешаются. Ответы, которые мы искали, приходят мгновенно, подобно тому, как «пробка вылетает из бутылки».

Собрать все воедино

Хотя динамичная природа творческого мышления видна даже в деятельности отдельных людей, она становится еще очевиднее на примере работы больших творческих коллективов, таких как Traveling Wilburys. Успех пришел к этой группе не потому, что все ее участники мыслили одинаково. Причина заключалась как раз в обратном – все были совершенно разными людьми, имели различные таланты и интересы, исполняли каждый свою музыку. И, невзирая на это, нашли способ совместной работы, стимулировавшей каждого из них к результату, который редко достижим в условиях «одиночного плавания». В таких случаях источником творчества становятся не только наши личные ресурсы – весь безграничный мир идей и ценностей других людей служит этой прекрасной цели. И здесь аргументы в пользу развития нашего творческого потенциала приобретают особое значение.

Давайте теперь вернемся к «Гамлету». В шекспировской пьесе принца датского обуревают мучительные чувства из-за смерти отца и предательства матери и дяди. На протяжении всего действия он мучительно ищет ответы на вечные вопросы жизни и смерти, верности и предательства, стремится отыскать свое место во вселенной. Он пытается понять, что должен чувствовать и думать о тех событиях, которые подавляют его дух. В начале пьесы он приветствует Розенкранца и Гильденстерна в Королевском датском суде следующими словами:[\[18\]](#)

Мои лучшие, мои милые друзья! Как поживаете, Гильденстерн? А ты, Розенкранц? Как вы поживаете оба, добрые мои товарищи? ...чем, добрые мои друзья, вы рассердили Фортуны, что она послала вас сюда, в тюрьму?

Этот вопрос вызывает удивление Гильденстерна. Он спрашивает Гамлета, что тот имеет в виду под словом «тюрьма». Гамлет отвечает: «Дания – тюрьма». Розенкранц смеется и говорит, что если это правда, тогда весь мир – тюрьма. Гамлет согласен – так и есть, и тюрьма «отличная – в ней очень много отделений, казематов и подземелий. А Дания – одна из худших». Розенкранц возражает: «Мы так не думаем, милорд». Гамлет в ответ на это дает глубоко прочувствованный ответ: «Значит, для вас она не такова, потому что ничего нет ни хорошего, ни дурного, но мысль делает его таким или иным. Для меня она – тюрьма».

Сила человеческого творчества видна во всем: в зданиях, в которых мы живем, в технологиях, которые используем, в одежде, которую носим, в фильмах, которые смотрим. Однако истинное влияние творчества гораздо шире. Ему подвластно не только то, что мы привносим в мир, но и то, что пылливо из него извлекаем, что при этом думаем и чувствуем.

Насколько нам известно, человек – единственное существо на нашей планете, которое живет насыщенной духовной жизнью, активно общается с окружающим миром, размышляет о происходящем и пытается разобраться в причинах всего сущего. Человек способен к этому благодаря поразительной силе своего воображения, лежащего в основе способности мыслить словами и цифрами, образами и жестами. Воображение помогает созданию теорий, идей и ценностей, из которых складывается уникальная мозаика человеческой жизни. Мы не просто видим мир таким, какой он есть, – мы интерпретируем его через призму определенных идей и убеждений, которые сформировали нашу культуру и личные взгляды. Они становятся между нами и нашим первичным опытом и выступают в роли своеобразного фильтра для наших мыслей и восприятия мира.

Наши представления о себе формируют наше сознание и самоощущение. Делают нас теми людьми,

которыми мы стали. Дают возможность понять, кем мы можем быть. Именно это имел в виду Гамлет, говоря, что «ничего нет ни хорошего, ни дурного, но мысль делает его таким или иным». Положительным моментом здесь является то, что мы всегда можем попытаться мыслить иначе. Создавая собственный взгляд на мир, мы в состоянии пересмотреть его, принять другую точку зрения и по-новому взглянуть на ситуацию. В шестнадцатом веке Гамлет сказал, что метафорически воспринимает Данию как тюрьму. В семнадцатом веке английский поэт Ричард Лавлейс написал стихотворение для своей возлюбленной Алтеи:[\[19\]](#)

Не из решёток или стен
темница состоит, тот,
кто умом своим смирен,
в тюрьме находит скит.
Любовь даёт свободу мне
жить в радости мирской
лишь ангел может в вышине
свободу знать такой.

К девятнадцатому веку люди стали осознавать, что наши идеи и методы мышления могут ограничивать нас, подобно стенам тюрьмы, или, наоборот, – делать свободными. Уильям Джеймс, один из основателей современной психологии, был абсолютно солидарен с этим мнением: «Величайшее открытие моего поколения заключается в том, что люди могут изменить свою жизнь, меняя состояние своего ума... Если вы измените свой склад ума, вы сможете изменить свою жизнь».

В этом и заключаются истинная сила творчества и подлинное раскрытие потенциала человека, живущего в своей стихии.

Глава 4

В зоне интереса

Ева Лоренс – самая знаменитая в мире женщина-бильярдист. Известная как «атакующий викинг», она давно стала признанным игроком номер один в мире, чемпионкой Европы и США. Она появлялась на обложке New York Times Magazine. Статьи о ней публикуются в People, Sports Illustrated, Forbes и многих других изданиях; она регулярно появляется на телевидении и работает комментатором на канале ESPN.

Ева росла в Швеции и открыла для себя игру в бильярд совершенно случайно, когда следила за своим старшим братом.

«Мы с Ниной, моей лучшей подругой, все время проводили вместе и были так близки, насколько могут быть близки друзья. Однажды, когда мне было четырнадцать лет, мы проследили за моим братом и его другом, которые отправились поиграть в боулинг. Скоро нам наскучило наблюдение за боулингом, и мы собрались уходить. Но вдруг брат и его друг пошли в какую-то комнату, которая называлась «бильярдная». Раньше я никогда не слышала о бильярде. Мы последовали за ребятами, и я помню, что получила колоссальное впечатление сразу же, как вошла туда. Мне понравилось все – темная комната с лампами над каждым столом, стук кия по шарам. Я была очарована с первой же минуты.

Там собиралось общество, знавшее о бильярде все, и меня это сразу же заинтересовало. Мы с Ниной испытывали испуг и любопытство, были до крайности заинтригованы и потому тихонько сидели в уголке. Когда наблюдаешь за интересующим тебя процессом или сам занимаешься им – все вокруг исчезает. При игре в бильярд это происходит чрезвычайно легко, ведь каждый стол – это сцена. Поэтому для меня все вокруг исчезло. Я видела только бильярдный стол. Я наблюдала за игроками, которые точно знали, что делали. Я понимала, что их удары по шарам не случайны. В зале был один парень, который загонял в лузу один шар за другим – шестьдесят, семьдесят, восемьдесят подряд. Я вдруг поняла: он забивает их не прямым ударом кия, а белым шаром. И каким-то образом выбранный цветной шар непременно закатывался в лузу. Меня по-настоящему поразили знание и мастерство этих людей, чья игра в бильярд была подобна шахматной партии с оценкой ситуации на три-четыре хода вперед для безусловной победы».

Это был момент прозрения – теперь Ева точно знала, что хочет посвятить свою жизнь бильярду. К счастью, родители поддержали ее, позволив девочке проводить шесть-десять часов в день за игрой в местной бильярдной. Уроки Ева делала в перерывах между ударами. «В бильярдной все люди знали, что я серьезно отношусь к игре, поэтому не трогали меня. Там было очень интересно. Если вы находите такое место, где вас окружают единомышленники, – становится действительно интересно. Поэтому мы с этими чудаками, с которыми вместе играли в бильярд, стали настоящей семьей».

В 1980 году, в свои шестнадцать лет, Ева выиграла чемпионат Швеции по бильярду. В семнадцать лет – первый в истории Европейский женский чемпионат. В результате девушка получила приглашение приехать в Нью-Йорк, чтобы представлять Европу на чемпионате мира. Ева вспоминает: «Я тренировалась все лето. Бильярдная открывалась только в пять часов вечера, так что утром я садилась в автобус и ехала домой к ее владельцу, чтобы взять ключ от входной двери и начать тренировки. Я играла по десять-двенадцать часов в день, а затем отправилась на турнир в Нью-Йорк. Однако заняла там лишь седьмое место. Конечно, я была расстроена, что не выступила лучше, но в то же время думала: «Супер, я же седьмая в мире!»».

Несмотря на недовольство родителей, Ева решила остаться в Нью-Йорке, чтобы продолжить занятия спортом. Она знала, что в США будет иметь возможность регулярно играть с лучшими бильярдистами мира. В результате упорных тренировок Ева начала одерживать победу за победой и стала ведущей женщиной-бильярдистом. Ее талант, страсть к игре и поразительно привлекательная внешность сделали Еву настоящей медийной персоной и способствовали росту популярности бильярда.

На пути к вершине Еву Лоренс сопровождали слава и финансовое благополучие. Но лучшим стимулом оставалась сама игра.

«Во время игры практически не осознаешь, что происходит вокруг тебя. Это действительно очень специфическое чувство. Словно находишься в туннеле и больше ничего не видишь, кроме того, что делаешь в данный момент. Время меняет свой ход. Ты думаешь, что играешь двадцать минут, а оказывается прошло целых девять часов! У меня никогда не возникает подобного состояния при занятии чем-либо другим, хотя я увлекаюсь и многими другими вещами. Но чувство, которое я испытываю при игре в бильярд, не похоже ни на что другое.

Одной из привлекательных сторон игры в бильярд является возможность многому научиться. Это бесконечный процесс. Каждый раз положение шаров на бильярдном столе иное, что всегда интересно. Мне очень нравятся физика и геометрия этой игры – расчет угла, траектории и силы удара, чтобы заставить биток [\[20\]](#) двигаться в том направлении, в котором нужно вам. А еще бильярд – это изучение возможностей и ограничений. К примеру, возможность контролировать движение битка так, чтобы он прокатился вперед на два с половиной дюйма, а не на три дюйма, – это удивительное чувство. Таким образом, вместо того чтобы бороться с заданными условиями, вы находите способ их использовать.

В школе я совершенно не интересовалась ни геометрией, ни физикой и, конечно, не имела по этим предметам хороших оценок. Но почему-то в процессе игры я начинаю в этом хорошо разбираться. Смотрю на игровой стол и буквально вижу на нем линии и схемы. «Собираюсь послать первый шар в эту лузу, второй – вон в ту, третий пойдет туда, а затем мне нужно будет сделать три хода, чтобы забить четвертый шар. Шестой пойдет вон туда – с ним не будет проблем. Вслед за шестым последуют седьмой, восьмой и девятый. Все, на этом я закончила». Я вижу все эти ходы словно на схеме. Если ударяешь по одному из шаров немного неправильно, в голове возникает совершенно новая схема. Необходимо заново решить задачу, потому что результат не соответствует первоначально запланированному. Ты ошибаешься на шесть дюймов, следовательно, необходимо пересмотреть весь план действий.

Может быть, в школе геометрия не привлекала меня из-за преподавателя. Будь у нас другой учитель, возможно, все было бы иначе. Но никто в свое время мне не сказал: «Ева, подумай о таком способе решения» или «Посмотри на это с такой точки зрения – и у тебя все получится». А представьте, если бы весь наш класс однажды привели в бильярдную и сказали: «Проверьте это на деле!» Но в школе было так скучно. Вы знаете, иногда на уроке трудно просто держать глаза открытыми. Помня свой школьный опыт, сегодня в работе с каждым новым учеником я сразу стараюсь понять, обладает ли он нужной координацией движений, имеет ли склонность к физике и геометрии, одарен ли математическим складом ума».

Ева профессионально играет в бильярд уже почти тридцать лет. И до сих пор этот спорт дает ей такой же заряд эмоций, как и прежде. «Даже сегодня, после стольких лет профессиональных занятий бильярдом я нервничаю, давая показательное выступление. Люди говорят: «Но ведь ты делала это уже столько раз». Согласна, но для меня имеет значение лишь данный момент».

Игра в бильярд помогает Еве Лоренс всю жизнь находиться в зоне интереса. А попадание в эту зону как раз и позволяет человеку жить в своей стихии.

В зоне своего интереса

Зона интереса в моем понимании – это самое сердце своего призвания для каждого из нас. При этом интерес, то есть любимое дело, может быть только процессом, подготовкой на пути к обретению своего призвания. Это мо т быть учеба, тренировка – словом, все, что помогает двигаться к цели. Но даже занимаясь любимым делом, мы можем столкнуться с неудовлетворенностью и разочарованием. Порой что-то просто не получается или не сходится. Но когда все складывается как надо, это коренным образом меняет наше ощущение – мы сразу же обретаем свое призвание. В нас появляется сосредоточенность и целеустремленность. Мы живем текущим моментом. Мы полностью погружаемся в свое дело и достигаем наилучшего результата. Наше дыхание меняется, разум обретает гармонию с телом. Мы чувствуем, как без всяких усилий движемся в самое сердце своей стихии. Я хочу проиллюстрировать свои мысли еще одной историей счастливого творческого пути.

Аарон Соркин – автор двух нашумевших бродвейских пьес,[\[21\]](#) сценарист трех популярных телесериалов[\[22\]](#) и пяти художественных фильмов.[\[23\]](#) Он тринадцать раз номинировался на премию «Эмми», восемь раз – на премию «Золотой глобус», а также на премию Американской академии киноискусств за лучшую кинокартину.[\[24\]](#)

«Я никогда не собирался становиться писателем, – рассказал мне Аарон. – Я всегда видел себя актером и получил актерское образование в колледже. Меня так страстно влекла сцена, что, когда я учился в старших классах и не имел ни гроша за душой, я приезжал на поезде в Нью-Йорк, шел в театр и ждал, пока начнется второй акт пьесы. В зале появлялись свободные места, и туда можно было незаметно пробраться после антракта. Я никогда не воспринимал писательскую деятельность как удовольствие. Это всегда казалось мне рутиной. Однажды я написал скетч для вечеринки в колледже, а мой учитель, Джерард Мозес, неожиданно сказал: «Знаешь, если бы ты захотел, то мог бы зарабатывать этим на жизнь». Но я понятия не имел, о чем он говорит. *Зарабатывать чем?* Поразмыслив немного, я снова занялся другими делами.

Через несколько месяцев после окончания школы я провожал своего друга, который уезжал из города. Он оставил у меня на временное хранение старинную пишущую машинку, доставшуюся ему от дедушки. В то время я платил одному из своих приятелей пятьдесят долларов в неделю, чтобы спать на полу в его крошечной квартирке в Верхнем Ист-Сайде в Нью-Йорке. Тогда же некоторое время я работал в детском театре, немного снимался в мыльных операх, ходил на множество проб. Это было в 1984 году.

В те выходные никого из моих друзей не было в городе. Был один из тех пятничных нью-йоркских вечеров, когда складывается такое чувство, будто все, кроме тебя, приглашены на вечеринку. Я был на мели, телевизор не работал, и все, что мне оставалось, – это лист бумаги и пишущая машинка. Я уселся и печатал с девяти часов вечера до полудня следующего дня. Я влюбился в это дело.

Внезапно пришло понимание: я потратил все эти годы на изучение актерского мастерства и посещение театра не из-за актерской игры, а из-за самих пьес. Я был самоуверенным актером – отнюдь не стыдливой мимозой, – но мысль о занятии писательским творчеством мне и в голову не приходила вплоть до той ночи.

Первая написанная мною пьеса *Hidden in This Picture* была очень хорошо принята и получила положительные рецензии. Затем от своей сестры, юриста по профессии, я узнал о случае в заливе Гуантанамо, когда несколько моряков были обвинены в убийстве другого моряка. Эта история меня заинтересовала, и следующие полтора года я был занят написанием театральной пьесы «*A Few Good Men*» («Несколько хороших парней»).

Когда пьеса уже шла на Бродвее, я вспомнил ту беседу с Джерардом, позвонил ему и спросил: «Вы это имели в виду?»».

Я спросил у Аарона, что он ощущает, когда пишет. «Когда все идет хорошо, – ответил он, – я полностью погружаюсь в процесс. Когда что-то не получается, я отчаянно ищу зону интереса. Не могу высказываться за других писателей, но лично себя ощущаю каким-то «двусторонним переключателем». Когда я чувствую тему, о которой пишу, – получается хорошо. Тогда и в моей жизни все замечательно. Мелочи не в счет – это вполне поддается решению. Если же пишется плохо, мысль не идет, то рядом со мной в это время может стоять мисс Америка и вручать мне Нобелевскую премию – я не буду счастлив».

Занятие любимым делом – отнюдь не гарантия того, что вы будете находиться в зоне интереса каждую минуту. Причины достаточно: нет настроения, время выбрано неудачно или идеи просто не приходят. Некоторые люди придумывают особые ритуалы для попадания в зону интереса. Но и они не всегда срабатывают. У Аарона таких палочек-выручалочек пока нет, зато он четко понимает, когда нужно прекратить попытки.

«Если что-то не получается, я оставляю работу и возвращаюсь к ней на следующий день или через день. Иногда я езжу по улицам в машине со включенной музыкой. Стараюсь найти такое место, где не нужно быть очень внимательным на дороге, – какую-нибудь скоростную магистраль без светофоров и поворотов или что-нибудь в этом роде.

Чего я никогда не делаю – так это не смотрю чужие фильмы или телешоу и не читаю пьесы других авторов из страха, что они окажутся очень хорошими и заставят меня почувствовать себя хуже или вызовут желание им подражать».

Когда все идет отлично, Аарон с головой погружается в работу. «Писательское творчество для меня – это физический труд. Я сам играю все роли, встаю из-за стола, сажусь обратно и снова меряю шагами комнату. На самом деле, когда все получается, я в какой-то момент обнаруживаю, что хожу кругами вокруг дома, выйдя из комнаты, где работал. Другими словами, я пишу у себя в голове, хотя в этот момент и не стучу по клавишам в обычном смысле этого слова. Затем мне приходится возвращаться к недописанной странице и действительно печатать то, что я только что написал».

Скорее всего вам, как и Аарону в его писательской деятельности, тоже неоднократно доводилось переживать полное погружение в какое-либо занятие. Вы начинаете делать то, что любите, – и окружающий вас мир исчезает. Часы пробегают один за другим, но кажутся вам минутами. Именно в это время вы и находитесь в зоне интереса. Вы движетесь к обретению своего призвания.

Конечно, занимаясь любимым делом, люди не всегда чувствуют себя счастливыми. Но их истинное богатство заключается в неподдельном удовольствии от своего занятия. Они знают, что будут испытывать это волшебное ощущение снова и снова.

У каждого человека свой путь к зоне интереса. Некоторые приходят к ней путем интенсивной физической активности, усиленных занятий спортом, определенной доли риска и чувства опасности. Другие могут найти зону интереса, занимаясь чем-то более пассивным. Это могут быть рисование, математика, медитация, литературный труд или иные способы интенсивного интеллектуального размышления. Как я упоминал ранее, мы имеем не единственное призвание и у каждого из нас множество дорог, ведущих в зону интереса и дающих разнообразнейшие по силе и остроте ощущения. Однако существует несколько признаков, подтверждающих пребывание человека в этом волшебном месте.

Мы уже там?

Одним из наиболее ярких признаков попадания в зону интереса является чувство свободы и аутентичности. Занимаясь любимым делом, к которому у него есть природные склонности, человек легче может понять, кто он такой, ощутить собственное Я, стать самим собой. Когда человек находится в своей стихии, он занимается тем, для чего создан, и является тем, кем ему предназначено быть.

В зоне интереса даже время ощущается совершенно иначе. Благодаря гармонии истинных интересов и природной энергии человека время для него обычно течет быстрее и легче. Помните, как Еве Лоренс девять часов казались двадцатью минутами? Но когда приходится заниматься неинтересными делами, к которым не испытываешь особой склонности, время тянется бесконечно. Все мы знаем, как двадцать минут могут показаться девятью часами. Это верный признак, что мы сбились с курса и потеряли путь к зоне интереса, все больше отдаляясь от нее.

У меня изменение ощущения времени (а именно ускорение, описанное в первом случае) наиболее часто происходит при работе с людьми, и особенно во время выступлений. Когда я глубоко погружен в процесс исследования и демонстрации своих идей слушателям, время пролетает стремительно. Неважно, сколько людей передо мной – десять, двадцать или несколько тысяч, – это ощущение всегда одинаково. Первые пять или десять минут у меня уходят на понимание энергетики аудитории, после чего я пытаюсь настроиться на нужную частоту. Эти первые минуты могут показаться долгими. Но затем, когда контакт произошел, я погружаюсь в другую сферу. Ощутив настрой аудитории, я чувствую другую энергию. Надеюсь, что и мои слушатели тоже. Эта энергия объединяет нас – мы сообща проживаем этот момент в другом временном темпе и в другом пространстве. Когда такое происходит, я могу посмотреть на часы и с удивлением заметить, что прошел почти час.

Другим признаком, объединяющим тех, кто знаком с этим чувством, является перемещение в некое «метасостояние», в котором идеи приходят быстрее, словно вы черпаете из живительного источника – и это значительно облегчает выполнение задачи. Вы начинаете заниматься своим делом с легкостью, потому что ваша энергия органично сливается с прилагаемыми усилиями. Таким образом, возникает реальное ощущение, что сквозь вас проходят идеи и вы каким-то образом становитесь посредником, проводником, инструментом для их появления, а не препятствием или охотником за ними. Легендарный Эрик Клэптон, чье имя занесено в списки Зала славы рок-н-ролла, описывает это состояние как пребывание «в гармонии со временем» и называет его «великолепным чувством».

Вы можете видеть и испытывать изменение хода времени в любой форме публичного контакта: в актерской игре, музыкальном выступлении, танцевальном или спортивном представлении. Вы видите, как человек внезапно переходит в другое состояние, как он расслабляется, настраивается на нужную волну и незаметно становится инструментом личностного самовыражения.

Йохен Риндт, [\[25\]](#) гонщик и обладатель Гран-при, говорил, что в таких случаях, например во время гонок, «забываешь обо всем и просто концентрируешься. Забываешь об остальном мире и становишься частью машины и трека. Это очень специфическое чувство. Как будто ты полностью вне этого мира – и в то же время все-таки присутствуешь в нем. Это не похоже ни на что».

Авиатор Уилбур Райт [\[26\]](#) так описывал свои эмоции: «Когда ты с первой минуты знаешь, что весь механизм работает отлично, это дарит такую огромную радость, ощущение от которой почти непередаваемо. Это сочетание полного умиротворения с возбуждением, вызывающим предельное напряжение каждого нерва, если, конечно, вы можете представить себе такое сочетание».

Всемирно известная югославская спортсменка Моника Селеш говорит: «Если я играю в теннис

максимально хорошо, насколько могу, – значит, я нахожусь в зоне интереса». Но тут же замечает: «Как только вы подумаете о том, что находитесь в зоне интереса, вы сразу же выйдете из нее».

Доктор психологии Михай Чиксентмихайи посвятил «десятки лет исследованию положительных аспектов человеческой жизни – радости, творчества, процесса полного погружения в жизнь», что он называет потоком. В своей замечательной работе «Flow: The Psychology of Optimal Experience» («Поток: психология оптимального опыта») доктор Чиксентмихайи пишет о «таком состоянии духа, когда сознание гармонично упорядоченно, и [люди] хотят заниматься тем, чем они занимаются, ради самого этого дела».

То, что автор называет «потоком» (а многие другие – «пребыванием в зоне интереса»), «возникает, когда психическая энергия – или внимание – направляется на реалистичные цели и когда умения соответствуют возможностям, чтобы можно было начать действовать. Следование к намеченной цели способствует упорядочению сознания, поскольку человек должен концентрировать внимание на задаче, которая перед ним стоит в настоящее время, и мгновенно забыть обо всем остальном».

Доктор Чиксентмихайи говорит об «элементах радости», то есть о составляющих оптимального опыта. В их числе: умение решать проблемы с использованием приобретенных навыков, полностью погружаться в дело, формулировать четкие цели и результаты, концентрироваться на задаче, а также способность терять самоощущение и замечать, что ход времени «меняется» во время занятия любимым делом. «Ключевым элементом оптимального опыта, – пишет он в своей работе, – является то, что опыт сам по себе уже цель. Даже если этим делом начинают заниматься по другой причине, работа, которая поглощает нас целиком, сама, по сути, становится вознаграждением».

Это главное, что нужно понять. Пребывание в своей стихии, и особенно в зоне интереса, не отнимает у вас энергию, а наоборот – наполняет ею. Раньше я наблюдал за политиками, пытающимися выиграть выборы или сохранить свой пост, и удивлялся, как у них хватает на это энергии. Мы видим, что они путешествуют по всему миру, испытывают постоянное давление, принимают важные решения при каждом появлении на публике и проводят долгие часы в центре всеобщего внимания. Я поражался, как они не падают с ног от перенапряжения. Однако на самом деле им нравится такая жизнь, иначе они не занимались бы всем этим. То, что вызвало бы у меня упадок сил, – им только придает бодрости.

Занятие любимым делом наполняет нас энергией, даже когда мы физически утомлены. Скучное и неинтересное дело может довести нас до изнеможения за считанные минуты, даже если мы начнем им заниматься на пике физической активности и душевной бодрости. Это один из ключевых принципов пребывания в своей стихии и одна из главных причин, по которым обретение своей стихии жизненно важно для каждого человека. Люди, создающие для себя обстоятельства, которые ведут к их пребыванию в зоне интереса, черпают из первичного источника энергии. И это в буквальном смысле делает их более живыми.

Пребывание в зоне интереса словно создает вокруг нас энергетическую оболочку. И пока мы находимся внутри нее – мы получаем больше энергии, чем расходует. Энергия является движущей силой всей нашей жизни. Но здесь речь не об очевидной физической энергии. Мы говорим о существовании умственной или психической энергии, которая не является фиксированной величиной. Она растет или исчезает в зависимости от того, насколько искренне и горячо мы отдаемся делу, которым занимаемся в тот или иной момент. Ключевым фактором в этом вопросе остается наше отношение к своему делу и тот отклик, который оно вызывает в нашей душе. Как поется в песне, «я мог бы танцевать всю ночь».

Пребывание в своей стихии, переживание опыта «потока» наполняет нас силой, поскольку это универсальный способ консолидации энергии и возможность почувствовать глубокий контакт со своим собственным Я. Подобное ощущение непонятным образом приходит через чувство расслабления и понимание правильности того дела, которым вы занимаетесь. Это глубинное познание самого себя,

вхождение в контакт со своим внутренним ритмом или энергией.

Такие пиковые ощущения связаны с яркими психофизиологическими изменениями в организме – выбросом эндорфинов в мозг и адреналина в кровь. Реакцией могут стать повышение активности альфа-волн,[\[27\]](#) изменение скорости обмена веществ, рост интенсивности дыхания и сердцебиения. Особая природа этих изменений зависит от специфики занятий, которые приводят нас в зону интереса, а также от того, что мы делаем, дабы остаться в этой зоне.

Каким бы образом мы туда ни попадали, пребывание в зоне интереса – это мощный и трансформирующий наше сознание опыт. Он оказывает на нас такое огромное влияние, что может вызывать привыкание, но данная привычка во многих отношениях исключительно полезна для нашего здоровья.

Выполнение своей миссии

Вступая в контакт со своей энергией, мы становимся более открытыми для энергии других людей. Чем более живыми мы себя чувствуем, тем больше можем привнести в жизнь окружающих.

Блэк Айс, автор текстов песен в стиле хип-хоп, уже в раннем возрасте понял, что его слова могут пробуждать эмоции в нем самом и в других людях. «Моя мама обычно заставляла меня писать обо всем, – рассказывал он в одном из интервью. – Требовала, чтобы я описывал ситуации, когда у меня были неприятности, когда я был счастлив или же напуган. Я был мечтательным ребенком. Мне начали нравиться девочки – и я стал писать письма своим подругам. Поверьте, они были интереснее, чем «отметьте кружком «да», «нет» или «может быть»». Я подходил к разговорной речи как взрослый и занялся сочинением стихотворений, стремясь привлечь к себе внимание женщин. Однажды вечером я попал на «открытую вечеринку»^[28] в клубе и решился выйти на сцену. Публика тепло встретила меня и поддержала. Я был очень агрессивным человеком и обалдел от осознания, что могу вот так прямо говорить с этой сцены обо всем происходящем в нашем городке. Я хотел выразить то, что было в моей душе, – и люди понимали, о чем я говорю».

Блэк Айс (настоящее имя – Ламар Мэнсон) стал быстро завоевывать признание публики и выступать на больших площадках. Пять сезонов подряд он появлялся на телеканале HBO в шоу Def Poetry Jam^[29] и был ведущим исполнителем в «дочерней» передаче канала – Def Poetry on Broadway, удостоенной премии «Тони».^[30] Молодой автор с помощью одной из крупнейших звукозаписывающих компаний выпустил свой первый альбом и появился перед миллионами зрителей на концерте Live 8.^[31] Его жизнеутверждающие и мотивирующие идеи, смысл которых в важности семьи и силе молодости, нашли отклик в сердцах зрителей. Блэк Айс в поддержку своих слов создал социальное движение Hoodwatch Movement Organization, чтобы помочь детям из бедных районов города не сбиться с пути и понять свой истинный потенциал. Его творчество хвалят критики и горячо принимает публика. А когда вы видите этого человека на сцене, то верите, что он действительно находится в зоне интереса.

Однако для молодого автора вхождение в зону интереса происходит благодаря ощущению своей миссии. «Цель моей жизни – написать что-то, что затронет сердца людей, – сказал Блэк Айс в другом интервью. – Мне нужно сохранить наследие. Я вырос среди замечательных людей. Мои родные – отец, дяди и дедушка – это мои герои, и только поэтому есть вещи, которые я никогда не произнесу. Я никогда не смог бы смотреть своему отцу в глаза, зная, что сочинил какую-то совершенную чушь, которую крутят по радио».

«Мой голос – это мой дар, – продолжает Блэк Айс. – Он бесполезен, если я не собираюсь ничего сказать. И сейчас я вижу по состоянию общества, что он безумно важен. Я точно знаю, что могу привнести в мир, несмотря на то что иногда бываю обескуражен. Нас, взрослых, уже не изменить, но я хотел бы, чтобы меня слышали все семи-и восьмилетние дети. Хотел бы сказать им: вы много достигнете в жизни... нет другого варианта, не существует никаких «если» или «возможно» – вы много достигнете в жизни».

Есть еще один секрет пребывания в зоне интереса, который заключается в том, что ваше вдохновение, ваша работа могут вдохновлять других людей. Пребывание в зоне интереса позволяет вам глубже понять себя, что, в свою очередь, дает возможность внести бесценный вклад в окружающий вас мир.

Одна из идей, которые мы уже рассматривали – и к которым еще вернемся (ведь нет смысла прибегать к хорошей идее лишь однажды), – заключается в том, что понятие интеллекта для каждого человека различно. Об этом особенно важно помнить, исследуя понятие зоны интереса. Для попадания в

эту зону необходимо оптимально использовать тип интеллекта, присущий конкретному человеку. Это, кстати, и имеет в виду Ева Лоренс, когда говорит о бильярде и геометрии. Именно это ощущает Моника Селеш, когда ее физический интеллект и острота ума сливаются воедино. Именно это вызывает в воображении Блэк Айс, когда переносит на бумагу строки, рожденные благодаря тщательному наблюдению и тонкому чувству ритма.

Быть самим собой

Когда люди находятся в зоне интереса, они естественным образом используют наиболее эффективный для себя тип мышления. Я считаю, что в такие минуты именно по этой причине время движется иначе. Полное отсутствие усилий позволяет настолько глубоко погрузиться в занятие, что мы просто не ощущаем привычного хода времени. Все процессы взаимосвязаны: если мы используем естественный для себя тип мышления, дело идет гораздо легче.

Очевидно, что разные люди размышляют об одном и том же по-своему. Я наблюдал это несколько лет назад на примере моей дочери. У Кейт ярко выражен зрительный подход к миру. Она очень сообразительна, начитанна и умеет ясно выражать свои мысли, однако быстро теряет интерес во время лекций (любых лекций, а не только на тему уборки в своей комнате). Вскоре после того, как мы переехали из Англии в Лос-Анджелес, учитель истории в школе Кейт начал цикл уроков на тему, посвященную Гражданской войне. Будучи англичанкой, моя дочь была мало знакома с этим периодом американской истории и немного вынесла из сказанного учителем. Такой подход, как наполнение голов студентов конспективным набором данных, был для нее не слишком эффективен. Однако учеников ждала контрольная – и Кейт просто не могла проигнорировать эту тему.

Зная, что у дочери сильно развит зрительный интеллект, я предложил ей создать так называемую «ментальную карту», или «майндмэппинг». Этот метод, разработанный Тони Бьюзеном,[\[32\]](#) позволяет человеку создать визуальную схему понятия или какой-либо информации. Основная идея располагается в центре схемы, а другие присоединяются к ней при помощи линий, стрелок и цветовых образов. Я предполагал, что Кейт, как человеку, склонному к визуальному типу мышления, будет легче взглянуть на Гражданскую войну с такой точки зрения.

Несколько дней спустя мы с дочерью выбрались вместе пообедать, и я спросил, попыталась ли она нарисовать «ментальную карту». Как оказалось, она сделала гораздо больше. При помощи этого метода она создала в уме такую яркую зрительную картину Гражданской войны, что в течение следующих сорока минут захлеб рассказывала о ее главных событиях и последствиях. Решая поставленную задачу с помощью наиболее доступного ей способа мышления, Кейт сумела понять эту войну так, как никогда бы не смогла, читая сухой конспект. Благодаря созданию «ментальной карты» она настолько ясно увидела и наглядно представила себе эти образы, будто собственноручно сделала фотографии событий.

Уйти от классификаций

Учеными многократно предпринимались попытки классифицировать способы мышления и типы личностей таким образом, чтобы мы могли лучше понимать людей и более эффективно их организовывать. Подобные классификации могут быть более или менее полезны до тех пор, пока мы помним, что это всего лишь способ размышления о вещах, а не сами вещи. Такая систематизация зачастую умозрительна и не слишком надежна, поскольку личность человека отказывается «сидеть спокойно» и бесконечно мигрирует внутри многочисленных рамок и схем, разработанных для нее усердными исследователями.

Любой, кто когда-либо проходил тест Майерс—Бриггс, знает о его многочисленных инструментах, ограничивающих личность определенными рамками. Индикатор Майерс—Бриггс (MBTI) – это инструмент, который, по всей видимости, с наслаждением используют кадровые службы для классификации людей по определенным типам. Более двух с половиной миллионов людей ежегодно проходят тест MBTI, его используют многие компании из списка Fortune 100. По своей сути этот индикатор является тем же тестом на определение особенностей личности, но более сложным, чем тесты, публикуемые на страницах популярных журналов. Человек должен ответить на серию вопросов по четырем базовым категориям (ориентация сознания, восприятие, суждение и способ поведения в ситуации), а его ответы показывают, к какому полюсу шкалы он тяготеет по каждой из указанных категорий (например, тип «экстраверт – интроверт»). На основании четырех шкал и двух полюсов, имеющихся у каждой шкалы, тест выявляет шестнадцать типов личности. В основе исследования лежит идея о том, что каждый из шести миллиардов людей на планете попадает в одну из этих шестнадцати категорий.

Здесь кроется несколько проблем. Одна из них заключается в том, что ни госпожа Бриггс, ни ее дочь, госпожа Майерс, не имели никакой квалификации в сфере психометрического тестирования, разрабатывая данный тест. Другая проблема состоит в том, что зачастую структура личности человека, проходящего тест MBTI, не укладывается однозначно ни в одну из категорий. Обычно наблюдается лишь чуть большее тяготение к одному концу шкалы, нежели к другому (например, чуть более экстраверт, нежели интроверт) без четкой фиксации на одном из полюсов шкалы. Но наиболее показательным можно считать то, что многие люди, повторно проходящие тест, получают результат, диаметрально противоположный ранее проведенному исследованию, и оказываются в совершенно другой категории типов личности. Это происходит по меньшей мере в половине случаев и означает одно из двух: либо у значительной доли населения наблюдаются критические расстройства личности, либо данный тест не такой уж надежный индикатор «типа личности».

Я полагаю, что шестнадцать типов личности – это несколько заниженная цифра. Лично я оценил бы эту величину примерно в шесть миллиардов (и поскольку население Земли продолжает расти, мне придется пересмотреть данную цифру в будущих изданиях своей книги).

Меньшее беспокойство вызывает у меня другой тест – Hermann Brain Dominance Instrument, поскольку в основе своей он содержит идею о когнитивных предпочтениях, которая преподносится, как мне кажется, приемлемым для большинства людей способом. Тест Hermann Brain Dominance Instrument (HBDI), как и MBTI, является инструментом оценки с помощью ответов тестируемых на ряд вопросов. Тест HBDI не классифицирует «подвиды» личностей, а пытается показать человеку, какой из четырех секторов мозга он использует чаще других.

Сектор «А» (левое полушарие большого головного мозга) отвечает за аналитическое мышление (сбор информации и понимание механизмов действия вещей). Сектор «В» (лимбическое левое полушарие) несет ответственность за организационное мышление (например, за создание и выполнение инструкций). Сектор

«С» (лимбическое правое полушарие) отвечает за социальное мышление (выражение идей и поиск своего места в мире), а сектор «D» (правое полушарие большого головного мозга) – за перспективное мышление (метафоричность и восприятие больших картин в целом).

Тест HBDI признает, что любой человек способен использовать все эти типы мышления, но пытается определить, который из них является доминирующим для того или иного индивидуума. Смысл подобной категоризации заключается в том, что люди, как давно замечено, демонстрируют более высокую эффективность своей деятельности, если понимают, какой подход используют при выполнении поставленных задач. Я с подозрением отношусь к строгой типизации людей и убежден, что четыре типа личности – это, возможно, слишком мало, но методика теста HBDI кажется мне более гибкой, нежели подход, используемый в исследовании Майерс—Бриггс.

Утверждение о том, что количество типов личности и способов мышления строго фиксировано, – весьма рискованное занятие, поскольку ведет к сознательному ограничению человечеством возможностей для собственного развития. Такими методами мы сами потворствуем ограничению своих знаний. Для того чтобы каждый из нас мог найти свою стихию, необходимо признать, что интеллект каждого человека на этой планете уникален. Каждый идет исключительно своим путем к зоне интереса и обретению своей стихии.

Мы уже там?

Телевизионная детская программа «Улица Сезам» помогла Теренсу Тао самостоятельно научиться читать в возрасте двух лет. После этого малыш попытался научить других детей считать, используя кубики с цифрами. Через год он уже решал математические уравнения с двузначными числами. Мальчику не исполнилось и девяти лет, когда он прошел тест SAT-M (специальная математическая версия SAT, предлагаемая в основном абитуриентам колледжей) и его результат составил девяносто девять процентилей.^[33] В возрасте двадцати лет Теренс стал доктором наук, а в тридцать – лауреатом премии Макатура и получил Филдсовскую премию, считающуюся эквивалентом Нобелевской премии по математике.

Доктор Тао необычайно одаренный человек. Его называют «Моцартом математики», а его лекции – *лекции по математике* – собирают толпы людей. Аудитории всегда полностью забиты, люди слушают его стоя. Академические достижения молодого ученого доказывают, что он мог бы добиться успеха в нескольких науках, но его истинное призвание пришло к нему через математику, когда он был еще совсем маленьким.

«Я помню, что ребенком меня очень увлекали манипуляции с математическими символами, – рассказывал он в одном из интервью. – Думаю, что для развития интереса к математике наиболее важны два момента – природные способности и свобода для игры, то есть поощрение создания собственных маленьких задач или придумывания небольших математических игр. В моей жизни колоссальную роль сыграли хорошие учителя, с которыми я мог обсуждать свои математические развлечения. Кстати, формальная обстановка классной комнаты, с одной стороны, наилучшим образом подходит для изучения теории или решения примеров по математике, но, с другой стороны, это не слишком хорошее место для экспериментов и свободы самовыражения. Одной из действительно полезных черт характера в постижении математики является способность сосредоточиваться. Необходимой чертой становится некоторое упрямство. Если я во время занятий в классе не понимал что-то из объяснений учителя, то не успокаивался до тех пор, пока не разбирался во всем до конца – меня беспокоили подобные «белые пятна». Поэтому я часто тратил много времени на элементарные вещи до тех пор, пока не чувствовал, что изучил вопрос вдоль и поперек. Это действительно помогало, когда наступало время переходить к более сложным темам».

«У меня нет никаких магических способностей, – утверждал доктор Тао в другом интервью. – Я решаю новую проблему, обращаясь к опыту. Вспоминаю успешно решенные задачи и надеюсь, что идея, которая однажды сработала, поможет и в этом случае. Если ничего не выходит, тогда ищу какие-нибудь небольшие хитрости, которые упростили бы задачу, пусть даже немного изменив ее. Я играю с этой проблемой и через некоторое время понимаю, в чем дело. Постоянно экспериментируя, я более глубоко понимаю суть любой задачи. Дело не в сообразительности или скорости. Это как альпинизм: если вы сильны, быстры и имеете длинную веревку – это поможет. Но жизненно важно продумать хороший маршрут, чтобы успешно подняться на вершину. Если вы способны к быстрым вычислениям и знаете множество фактов, вас можно сравнить с альпинистом, у которого есть сила, быстрота и хорошие инструменты. Однако трудность в том, что вам очень нужен план и более широкий взгляд на проблему».

Думаю, Теренс Тао регулярно попадает в зону интереса. В дополнение к редким врожденным способностям он чрезвычайно удачливый человек, поскольку обрел свою стихию в очень, очень раннем возрасте. Он нашел точку, в которой его блестящие способности и пристрастия встретились, – и больше никогда не оглядывался назад.

Пример Теренса Тао с его страстью к математике, с его ощущением магнетической притягательности этой науки показателен для всех нас. Ключевым в его судьбе стало то, что он распознал и смог выразить свои пристрастия в столь юном возрасте, когда еще носил подгузники (на самом деле я не знаю, носил ли доктор Тао подгузники в возрасте двух лет. Предполагаю, что его гениальность могла проявиться и в скорости приучения к горшку). Он сумел заняться тем, к чему имел естественную предрасположенность, до того, как мир наложил на него какие-либо ограничения (далее в книге мы остановимся на этих ограничениях более подробно). Никто не запрещал Теренсу Тао заниматься математикой, утверждая, что он заработает больше денег, если станет, к примеру, юристом. Перед ним и другими столь же одаренными детьми лежал свободный путь к своей стихии.

Однако такие люди *освобождают* этот путь и для нас, подталкивая каждого человека к необходимости задать себе крайне важный вопрос: чем бы я больше всего хотел заниматься, если бы не должен был беспокоиться о зарплате или чужом мнении? Теренсу Тао, вероятно, никогда не приходилось задаваться вопросом о своем будущем. Он вряд ли когда-либо проходил тесты Майерс—Бриггс или Hermann Brain Dominance Instrument, для того чтобы определить свой тип личности или понять, какие профессии сулят ему наибольший успех. Поэтому я настаиваю: всем нам необходимо взглянуть на собственное будущее, будущее наших детей, наших коллег и нашего общества с такой же мудрой простотой одаренного ребенка, впервые заметившего в себе искру таланта.

Надо посмотреть в глаза своим детям и любимым людям. И вместо того, чтобы вписывать их жизнь в шаблоны по жестко заданным меркам, попытаться понять, кем они являются на самом деле. Именно это сделал психолог, консультировавший Джиллиан Линн, так поступили родители Мика Флитвуда и Евы Лоренс. Чем бы они хотели заниматься, если бы могли принять решение по своему усмотрению? Какие способности у них есть? Что их увлекает больше всего? Какие вопросы они задают, какие мысли высказывают?

Надо получить точные ответы на все поставленные вопросы, чтобы помочь себе и своим детям попасть в зону интереса и определить, какие последствия это может иметь для вашего будущего.

Глава 5

Найдите свое племя

Для большинства людей важнейшей составляющей пребывания в своей стихии является контакт с единомышленниками, разделяющими их пристрастие. Дружественная среда возвращает в человеке настойчивое желание добиться максимального успеха в своем деле.

Мэг Райан – популярная актриса, известная, в частности, ролями в таких фильмах, как «Неспящие в Сиэтле» и «Когда Гарри встретил Салли», в юности панически боялась даже мысли об игре на сцене. Ее актерская карьера бурно развивается вот уже более четверти века – но, учась в школе, девочка даже не представляла себе, что посвятит жизнь этой профессии. Мэг рассказывала мне, что на школьных спектаклях она всегда предпочитала находиться в зрительном зале, а не на сцене. Однако в восьмом классе ей как хорошей ученице нужно было произнести со сцены прощальную речь выпускника. Она радовалась оказанной чести, пока не осознала, что сделать это придется перед всей школой.

Выйдя на сцену, Мэг просто окаменела от ужаса, несмотря на долгие недели усердных репетиций. Матери пришлось подняться на сцену и отвести ее обратно на место в зале.

И тем не менее в будущем Мэг Райан стала одной из наиболее выдающихся комедийных актрис своего поколения. Это произошло отчасти потому, что она нашла свое племя.

После успешного окончания школы Мэг выиграла грант на поездку в Нью-Йоркский университет для изучения журналистики. Ей всегда нравилось писать, и она решила сосредоточить усилия на профессии литератора, которую считала в то время своим истинным призванием. Чтобы оплачивать обучение, Мэг устроилась работать на местный коммерческий телеканал, где получила постоянную роль в мыльной опере «Как вращается мир», и вдруг осознала, что ей нравится общение с этим кругом людей.

«Я нашла актерский мир очень увлекательным, – рассказывала мне Мэг. – Вокруг было множество веселых людей. Моя работа была похожа на жизнь в большой чокнутой семейке. Это было здорово. Я зарабатывала шестнадцать долларов в день и чувствовала себя в этой атмосфере все более комфортно. Мне нравилось, что мы все время обсуждали характеры своих героев и изучали человеческое поведение. С удивлением я обнаружила, что понимаю, как поступила бы моя героиня в той или иной ситуации. Я не знала, на чем основаны мои предположения, но имела массу собственных суждений. Я говорила что-то вроде: «Хорошо, это подтекст. Но почему я озвучиваю подтекст?» Я обнаружила, что переписываю роль и действительно живу жизнью своей героини. Существу в ее мире. Каждый день мы получали новый сценарий – и мне нужно было учить наизусть весь свой текст. Это было невероятно, чрезвычайно увлекательно. У меня не было времени думать о чем-то еще. Это было полное погружение».

И все же по окончании колледжа и после ухода из сериала «Как вращается мир» Мэг не отправилась немедленно в Голливуд. Считая, что необходимо лучше изучить себя, она провела некоторое время в Европе и даже подумывала о вступлении в Корпус мира.^[34] Неожиданно Мэг получила приглашение сняться в новом фильме. Она решилась, приехала в Лос-Анджелес и, оказавшись в актерской среде, вновь обнаружила, что ее охватывает удивительное состояние.

«Я встретила действительно превосходного преподавателя актерского мастерства. Ее звали Пегги Фури. Пегги беседовала со мной об искусстве и мастерстве актера, о значении этой профессии. Классом старше меня учились Шон Пенн, Анжелика Хьюстон, Мишель Пфайффер и Николас Кейдж. Меня окружали люди, которые действительно всей душой отдавались работе, интересовались человеческой природой,

горели идеей воплощения написанного в жизнь. Все это нашло благодатный отклик в моем разуме, моем сердце и моей душе. Поэтому я осталась в Лос-Анджелесе и поселилась там. Мой нью-йоркский агент познакомил меня с агентом в Лос-Анджелесе, и именно тогда я окончательно определилась со своим будущим.

Мне довелось сниматься во многих фильмах – и они научили меня жить, помогли вырастить в себе личность. Когда я даю согласие сниматься в очередном фильме, это может объясняться тем, что он кажется мне веселым, или тем, что я хочу работать с определенным актером. Но в конечном итоге каждый из этих фильмов всегда оказывает глубокое влияние на мою жизнь. Моему постоянному развитию способствуют либо тема новой картины, либо определенные люди из съемочной группы, либо мои собственные перевоплощения, которые являются неотъемлемой частью каждого фильма».

Мэг Райан могла бы заниматься в жизни многими вещами. Она обладает подлинным писательским дарованием и значительными академическими талантами. У нее широкий круг интересов и увлечений. Однако в актерской среде ее окружают люди, которые смотрят на мир ее глазами, позволяют ей чувствовать себя естественно, признают ее таланты, вдохновляют ее, оказывают на нее влияние и помогают добиться максимальных успехов. Когда Мэг находится среди актеров, режиссеров, операторов, осветителей и прочих обитателей мира кино, она близка к своему истинному Я.

Ощущение себя частью племени помогает ей оказаться в своей стихии.

Там, где можно познать себя

Члены племени могут сотрудничать или соревноваться друг с другом. Они могут разделять общие взгляды или иметь совершенно противоположные. Они могут принадлежать к разным поколениям или быть ровесниками. Что объединяет племя – так это общее пристрастие к делу, для которого они созданы. Так чувствуют люди одного племени. Подобные ощущения могут давать невероятную свободу, особенно если до этого человек занимался любимым делом в одиночку.

Дон Липски, один из наиболее выдающихся американских скульпторов и художников, всегда знал, что имеет художественные наклонности. Уже в раннем возрасте у мальчика наблюдались признаки необычайной творческой энергии. «Когда я был ребенком, – рассказал мне Дон, – я всегда мастерил разные вещи, но считал себя не творческим человеком, а скорее существом, полным беспокойной энергии. Мне нужно было рисовать какие-нибудь каракули или собирать предметы из разрозненных частей. Я не думал об этом, как о полезной способности. Если уж на то пошло, я считал это скорее странностью». Такая «беспокойная энергия» заставляла его чувствовать себя непохожим на других детей, что иногда причиняло дискомфорт. Дон говорил: «В детстве вам больше всего на свете хочется быть похожим на других детей. Поэтому вместо того, чтобы воспринимать свои творческие склонности как нечто особенное, я чувствовал, что они отдаляют меня от других».

Во время учебы в начальной школе и младших классах средней школы Дона Липски манили разные занятия и интересы. У него были хорошие академические способности, но эта деятельность наводила на него скуку. Дон вспоминает: «Академическая работа всегда давалась мне очень легко. Я выполнял задания быстро, но поверхностно, с минимальными усилиями». Дон имел способности к математике и был переведен в класс с ускоренным изучением этого предмета. Но преподаватели считали, что остальным дисциплинам, имея все соответствующие задатки и способности, мальчик уделяет крайне мало внимания и делает только то, что приносит ему удовлетворительные оценки. Дон постоянно рисовал на своих тетрадях вместо размышлений о том, что необходимо в них написать. «Когда мне нужно было заняться академической работой, я рисовал или складывал фигурки из бумаги. Вместо поощрений меня за это ругали».

Только учитель рисования настойчиво поощрял его художественные таланты, но мальчик не воспринимал искусство настолько серьезно. В итоге он так расстроил преподавателя, что тот, как вспоминает сам Дон, буквально прекратил разговаривать с ним. Вскоре на его место пришел другой учитель рисования, благодаря которому Дон прозрел. «В классе скульптуры был очень примитивный сварочный аппарат, и учитель научил меня технике сварки. Я мог брать куски стали и сваривать их вместе – это было похоже на волшебство. Я чувствовал, что все искусство, которым занимался до этого, было лишь детской игрой, и сделал однозначный вывод: создание стальных скульптур – вот по-настоящему взрослое искусство».

Открытие сварки для Дона было подобно обретению святого Грааля. Однако он все еще не понимал, что ему делать с этим увлечением. Он не думал о себе как о художнике, поскольку не слишком хорошо рисовал, в отличие от некоторых своих друзей. «Пока они рисовали, – рассказывает Дон, – я играл с блоками или строительными материалами из своего набора строителя. Все это не воспринималось как настоящее искусство. Истинным художником казался тот, кто мог нарисовать лошадь, похожую на лошадь».

Даже когда его скульптуры начали побеждать на школьных художественных выставках, Дон никогда не задумывался над тем, чтобы пойти учиться в художественную школу. После выпуска он поступил в

Университет Висконсина на факультет бизнеса. Впоследствии перевелся на экономический факультет, затем на исторический, но упорно держался в стороне от факультета искусств, несмотря на то что другие предметы не вызывали у него энтузиазма.

Но вдруг на последнем курсе Дон обманным путем записался на два факультативных курса: работу по дереву и керамику, для которых у него не было нужной квалификации. Ему очень понравились оба курса, и он показал на них отличные результаты. И, что более важно, – чуть ли не впервые почувствовал настоящее радостное волнение от того, что был художником в своих собственных глазах. На курсе керамики юноша наконец-то нашел преподавателя, умеющего вдохновить студентов, – именно такого учителя не хватало ему все годы обучения в колледже. «Это был очень романтичный человек и настоящий энтузиаст. Все, что он делал, было похоже на произведение искусства. Если он мазал маслом кусок хлеба, то полностью погружался в это занятие. Он стал для меня примером и помог понять, что я действительно могу зарабатывать на жизнь, создавая вещи».

Впервые карьера художника предстала в глазах Липски возможным и стоящим делом. Он решил поступить в магистратуру Кранбрукского института искусства в Мичигане, чтобы изучать керамику. Но неожиданно столкнулся с препятствием. Родители поощряли его творчество ровно до тех пор, пока принимали за обычное хобби. Когда Дон подал документы в Кранбрук, его отец, всю жизнь отдавший предпринимательству, попытался донести до сына немного экономического здравого смысла. Дон был с ним согласен – изучение керамики не имело практической выгоды. Но это было единственное, чем он хотел заниматься. Отец посмотрел на сына долгим и жестким взглядом, увидел, что тот все твердо решил, и оставил его в покое. А когда Дон попал в Кранбрук, он открыл для себя новый мир людей и возможностей. «Я очень мало общался со студентами, изучающими искусство, кроме тех, с которыми вместе учился на тех двух курсах, – рассказывает он. – Кранбрук почти весь был магистратурой. Там было около двухсот студентов, изучающих искусство. Из них около ста восьмидесяти – студенты магистратуры. Таким образом, впервые вокруг меня была большая группа очень серьезных и знающих людей, горячо преданных искусству, и для меня это было просто фантастикой. Я ходил ко всем критикам не только на факультет керамики, но и на факультеты живописи, скульптуры, ткачества, впитывая все как губка. Я проводил много времени в студиях других студентов, наблюдая за их работой. Я начал читать художественные журналы, ходить в музеи и впервые полностью погрузился в искусство».

Именно в Кранбруке Дон нашел свое племя, и оно помогло ему пойти по другому пути – к своему призванию.

Обретение своего племени – ключевой элемент в поиске призвания. С другой стороны, когда вы глубоко внутри ощущаете, что рядом с вами чужие по духу люди, – это верный и хороший признак того, что вам стоит поискать единомышленников где-то в другом месте.

Хелен Пилчер так и поступила. Она прервала свою научную карьеру и стала одним из немногих в мире ученых-юмористов. На самом деле, если присмотреться, – неуверенность в своем выборе красной нитью проходит через всю ее профессиональную научную деятельность. Хелен говорит так: «Меня не заставляли идти в науку, скорее я сама ошиблась». После школы ей предложили поступить в университет, чтобы изучать психологию, «пить сидр и смотреть телевизор целый день напролет». По окончании университета «общая апатия и нежелание искать нормальную работу» заставили ее поступить в магистратуру по специальности «нейробиология» с годичным сроком обучения. С этого момента Хелен заинтересовалась наукой. «Это были серьезные эксперименты, препарирование мозга и неприятные до смешного требования техники безопасности».

Увлечшись наукой и не имея других интересов, Хелен продолжила это занятие и защитила докторскую диссертацию. За это время она усвоила некоторую полезную научную информацию и

научилась «божественно играть в бильярд». Кроме того, она узнала кое-что еще. Ей нравилось заниматься наукой, но ученые определенно не были ее племенем. Опыт подсказывал ей, что наукой, в отличие от бильярда, нельзя заниматься поверхностно. «Я узнала, что положение человека в иерархии научного сообщества обратно пропорционально его коммуникабельности, но прямо пропорционально толщине его вельветовых брюк».

Поняла Хелен и кое-что о своих способностях. «Я узнала, как заставить забывчивых крыс вспоминать. Я «создавала» и имплантировала генетически модифицированные стволовые клетки в мозг рассеянных грызунов, у которых вскоре после такого вмешательства развивались когнитивные способности лондонского таксиста. Но в то же время мое собственное внимание продолжало рассеянно блуждать».

Хелен вдруг обнаружила, что мир науки в том виде, в котором она с ним сталкивалась, не являлся искомой ею утопией свободного исследования. Это был чистый бизнес. «Пока корпорации вливают в исследования наличные и считают человеко-часы, падение науки будет продолжаться, потому что ею движут бизнес-планы. Мотивом и вектором экспериментов служат в большей мере деньги, нежели любопытство».

Я чувствовала разочарование и ограниченность своих возможностей. Я хотела рассказывать о науке людям. Я хотела писать о науке. Я хотела выйти наружу. Уйти в настоящий мир».

Осознав это, Хелен создала «комитет побега одной женщины и начала рыть туннель». Она подала документы для получения диплома по научной коммуникации в колледже Беркбек в Лондоне и нашла там «друзей-единомышленников». Ей предложили получить диплом медиасообщества «и провести два месяца за написанием сценариев и выпуском юмористических научных фильмов для телеканала Einstein TV». Хелен собралась с духом и начала на внештатной основе продавать свои научные работы всем желающим. «Я бесстыдно продавала свои товары на радио, в прессу и в Интернет», – вспоминает она. Наконец Хелен покинула лабораторию и перешла работать в Королевское научное общество. «Моя задача заключалась в том, чтобы вновь сделать науку интересной, хотя это не было официальным требованием моей новой должности».

А затем Хелен неожиданно получила электронное письмо с предложением выступить в прайм-тайм на Челтенхемском научном фестивале. Ей предоставляли возможность вести в разговорном жанре комедийное шоу, посвященное науке. Как только Хелен согласилась, ее охватила паника. «Наука, как всем известно, это серьезное занятие. Теория относительности Эйнштейна – это вам не шуточки. Я заручилась поддержкой друзей и писателя-юмориста Тимандры Харкнесс – и в результате после нескольких кружек пива родился проект The Comedy Research Project (CRP)».

Позднее Хелен стала своим человеком в лондонских комедийных кругах и в течение следующих пяти лет «работала со стволовыми клетками днем и со зрителями ночью». Проект CRP стал живым сценическим шоу, где Тимандра и Хелен в обратном порядке перечисляли «Пять лучших достижений науки». Слушатели «с увлечением обсуждали формулу веселящего газа, добровольно вызывались поучаствовать в шуточных научных экспериментах, имитирующих первые полеты, и подпевали песне Элвиса о черных дырах».

Целью CRP, как объясняет Хелен, стало научное подтверждение гипотезы о том, что наука может быть веселой. «Мы делаем все правильно с методологической точки зрения. Во время каждого шоу контрольная группа людей запирается в соседней комнате, отличие которой состоит только в отсутствии комиков. Впоследствии мы оцениваем реакцию обеих групп – контрольной и экспериментальной, которая слушает шутки о науке. Собранные по всей стране предварительные данные по результатам шоу выглядят обнадеживающе».

Хелен Пилчер занятия научной деятельностью помогли начать писать и рассказывать о науке. Она

вспоминает, что перспектива покинуть лабораторию выглядела пугающей, но все же «не такой пугающей, как перспектива там остаться. Мой совет тем, кто раздумывает о таком шаге, – сделайте его; нужно просто прыгнуть с обрыва, как лемминг».

Поле и игроки

Говоря о племени, я на самом деле имею в виду два отдельных понятия, каждое из которых важно для любого, кто ищет свою стихию. Первое из них – понятие «поля», а второе – понятие «игроков». Поле – это те виды деятельности, которыми люди занимаются: театр, рок-музыка, предпринимательство, балет, физика, рэп, архитектура, поэзия, психология, преподавание, парикмахерское искусство, высокая мода, комедия, атлетика, бильярд, изобразительные искусства. Игроками я называю других людей, которые занимаются этим видом деятельности. Полем, которое открыла для себя Мэг Райан, стала актерская игра, в особенности съемки в сериалах. Игроками же на этом поле были другие актеры, с которыми она работала. Они любили свое дело так же, как и она, и подпитывали творческие способности Мэг. Позже она переместилась в другую часть поля – к съемкам в фильмах, а там перешла от комедийных ролей к более серьезным. Кроме того, она расширила круг игроков своей команды, особенно когда познакомилась с Пегги Фури и другими актерами.

Понимание поля Мэг и ее связи с другими игроками помогает объяснить, как застенчивая девочка, которая не сумела произнести прощальную речь выпускника, стала выдающейся, всемирно известной актрисой. «Когда я работала, то рядом со мной в темной комнате были лишь несколько других актеров и съемочная группа. Я не беспокоилась о зрителях, поскольку их там не было. Во время ежедневных съемок зрителей нет – есть только прочная черная сцена, камера и другой актер, с которым вы играете. Это занятие бесконечно увлекало меня, вокруг были замечательные люди – и я просто забывала обо всем на свете, погружаясь в рабочий процесс».

Уверенность, которую Мэг получала в результате этого опыта, была достаточно сильной для того, чтобы побудить ее продвигаться на своем поле дальше и идти к новым группам игроков. Однако даже сегодня она не любит выступать на публике или давать интервью в телевизионных ток-шоу. «Я делаю это только в случае крайней необходимости. Но предпочла бы этого не делать, потому что чувствую себя в таких ситуациях не в своей тарелке. Я ощущаю настоящий дискомфорт, когда нахожусь в центре всеобщего внимания».

Брайан Рэй – известный гитарист, работавший со Смоки Робинсоном, Этой Джеймсом и Питером Фрэмптоном; гастролировавший с Rolling Stones и Doobie Brothers, – довольно рано нашел свое поле, что в конечном итоге позволило ему войти в круг близких друзей человека, который для маленького Брайана был настоящим героем и недостижимым кумиром.

Он родился в Глендэйле (штат Калифорния) в 1955 году – и это был именно тот год, когда Алан Фрид ввел в обращение термин *рок-н-ролл*. Брайан был одним из четырех детей в семье, где также воспитывалась его сводная сестра Джин, которая была на пятнадцать лет старше его.

«Джин брала меня с собой, когда ходила в гости к своей подруге. Девушки слушали Рика Нельсона, Элвиса Пресли и Джерри Ли Льюиса, передавая друг другу фотографии музыкантов. На меня очень глубокое влияние оказала реакция девушек на музыку, которая лилась из радиоприемника, и на эти фотографии. Где-то в глубине души я все понял, прямо там и тогда, в возрасте трех лет. Мой отец играл на пианино, кроме того, у нас был небольшой граммофон с микрофоном, благодаря чему можно было записывать пластинки, а затем проигрывать их. Я помню, как в два или три года сидел с отцом за пианино и мы вместе записывали пластинки.

Сразу же после окончания школы Джин начала заниматься музыкой и присоединилась к группе New Christy Minstrels, исполнявшей фолк. Вместе они отправились на гастроли по всей стране. Джин с восторгом рассказывала нам истории о своей группе и вся светилась от счастья, говоря о своей нынешней жизни.

Сестра заразила меня своей любовью к музыке и радостью, которую та ей доставляла. Она окончательно закрепила во мне эти чувства, когда стала брать меня с собой в клубы и на концерты. Мне тогда было девять-десять лет. Я своими глазами видел там людей, перед которыми преклонялся, и знакомился с ними.

Моему брату подарили хорошую гитару «Гибсон»^[35] и курс уроков игры на ней. У него не было особого желания заниматься музыкой, и, пока он был увлечен другими делами, я учился играть на его гитаре. Затем Джин подарила мне гитару с нейлоновыми струнами, которую купила в Тихуане за 5 долларов. Я просто расплакался от счастья. Моя страсть к музыке была так велика, что доходила почти до фанатизма. При этом я даже не предполагал, что хочу разделить ее с кем-то и дарить людям музыку. Я еще даже не умел настраивать гитару, но уже создал вместе с другими ребятами свою группу.

Мне было десять или одиннадцать лет, когда однажды воскресным вечером мы услышали новую группу в «Шоу Эдда Салливана». Это были Beatles. Их музыка была не похожа ни на что другое. Она напоминала черный R&B, который мне так нравился, в сочетании с каким-то другим секретным фактором или элементом, совершенно незнакомым мне. Это было музыкой с Марса. Она изменила все.

Я знал, что хочу играть музыку, но они окончательно повлияли на мое решение. Это была самая замечательная вещь, с которой я когда-либо сталкивался. Теперь участие в музыкальной группе казалось осуществимым и привлекательным делом, которым я мог бы зарабатывать себе на жизнь. Beatles заставили меня забыть о мыслях в духе «а может, мне стать пожарным». С этого момента я упорно шел к тому, что в конечном итоге стало делом всей моей жизни».

В последующие двадцать лет Брайан неоднократно играл с наиболее выдающимися музыкантами своего поколения. Затем он получил неожиданное предложение – его пригласили на прослушивание для участия в новой группе Пола Маккартни. С тех пор он играл вместе с Маккартни.

«Даже в самых смелых своих мечтах я никогда не мог вообразить такое. Неужели это я – маленький белобрысый мальчишка, сидевший в 1964 году по-турецки перед телевизором, – буду играть с тем самым парнем, который пел «All My Lovin'» и «I Saw Her Standing There» в шоу Эдда Салливана? Понимаете, в этой истории есть что-то по-настоящему волшебное – стать частью таких событий».

Люди, о которых рассказывается в этой книге, нашли свое призвание на разных полях и с различными игроками. Никто из нас не ограничен только одним полем. Зачастую новаторские идеи приходят к человеку именно тогда, когда он создает связи между различными способами мышления, иногда – между разными полями. Когда Пабло Пикассо исчерпал свои «голубой» и «розовый» периоды, его заинтересовали коллекции африканского искусства в Этнографическом музее Трокадеро в Париже. Эти работы существенно отличались от его собственных, но пробудили в художнике вдохновение и помогли выйти на новый творческий уровень. Церемониальные маски племени догонов оказали на художника влияние при создании картины «Авиньонские девицы», с которой начался период кубизма в творчестве Пикассо, принесший ему наибольшую славу.

По мере развития культур и технологий возникают новые «поля», которые заселяются новыми «игроками». Старые же «поля» постепенно исчезают. Развитие компьютерной анимации, к примеру, способствовало появлению новых «полей» творческой деятельности в кинематографии, телевидении и рекламе. Ведь сегодня люди не проводят так много времени, как раньше, за добавлением цветных иллюстраций в рукописи.

Обретение своего племени может изменить чувство самоидентификации и жизненные цели человека. Это связано с тремя мощными движущими силами, которые дает нам племя: подтверждение собственной значимости, вдохновение и то, что мы будем называть в этой книге «алхимией синергии».

Не только я

Карьера Дебби Аллен как танцовщицы, актрисы, певицы, продюсера, писателя и режиссера потрясла и ошеломила миллионы людей. Она пережила карьерный взлет в 1980 году благодаря культовому телесериалу Fame. На протяжении шести лет подряд она как хореограф занималась подготовкой и проведением церемоний вручения премии Американской академии киноискусств «Оскар» и сама получила много наград, в том числе премию журнала Essence в 1992 и 1995 годах. Дебби является основателем и директором Танцевальной академии, которая носит ее имя, и занимается профессиональной подготовкой начинающих и опытных танцоров. Академия также готовит хореографов и преподает основы танца людям всех возрастов.

«Когда я была маленьким ребенком, – рассказала мне Дебби, – очень маленьким – лет четырех или пяти, я надевала свой блестящий розовый купальник, повязывала вокруг шеи полотенце, взбиралась по дереву на крышу своего дома и там танцевала для птиц и облаков. В детстве я все время танцевала; меня вдохновляли прекрасные изображения балерин. Поскольку я была чернокожей и жила в Техасе, то ни разу не смогла побывать на танцевальном выступлении. Но я пересмотрела все мюзиклы, восторгаясь Ширли Темпл, Руби Килер и братьями Николас.

Однажды в наш город приехал цирк братьев Ринглин – и я была просто потрясена, когда увидела этот спектакль! На меня также огромное впечатление произвели артисты Марго Фонтейн и Рудольф Нуриев – это самое невероятное, что я когда-либо видела.

В детстве я не могла даже ступить на порог какой-нибудь серьезной школы танцев из-за практиковавшейся повсеместно сегрегации. Однако я получила безвозмездный грант на обучение в студии Debato Studios и посещала десять танцевальных занятий в неделю. Помню свое первое выступление – на мне были блестящая белая атласная юбка, белый жакет, оранжевая блузка и белые чечеточные ботинки. При этом я играла на треугольнике. Во время выступления мне казалось, что я нахожусь на вершине мира! Кстати, в детстве я всегда носила трико. На вечеринку по случаю моего пятнадцатилетия одна из моих тетюшек принесла фотографию, на которой мне пять лет и я одета в трико. Так что ко мне очень рано пришло понимание, что я танцовщица.

Я впервые увидела ансамбль Элвина Эйли в возрасте семнадцати лет. Тогда и поняла, что выброшу свои балетные туфли, надену высокие каблуки, длинную белую юбку и буду танцевать под такую музыку. Я отождествляла себя с артистами, выступавшими на сцене. Это было великолепно.

Однажды летом я отправилась на танцевальный фестиваль Сполето в Южной Каролине. Именно тогда для меня все встало на свои места. В детстве постоянным препятствием для меня была проблема сегрегации, но представившаяся великолепная возможность обучаться у Дадли Уильямса дала уверенность в себе. Там же я встретила Элвина Эйли, чей танец Revelations преподавали в местной танцевальной студии, – и просто сияла от счастья. Они хотели взять меня в ансамбль, но Элвин посчитал меня слишком молодой. Я никогда не выступала с ними, но знала, что мне необходимо научиться такому танцу.

Академия родилась из моего желания отдавать людям собственные знания. В ней преподаются все стили танца: африканский, современный и характерный танец, фламенко, чечетка и хип-хоп. У нас работают замечательные преподаватели со всех концов света. Я убеждена, что каждый ребенок имеет право научиться танцевать. Танец – это чудесный язык. Поверьте мне, эти дети не попадут в беду».

Контакт с людьми, разделяющими ваши увлечения, помогает понять, что вы не одиноки, что существуют другие люди, похожие на вас. Пусть многие не понимают и не разделяют вашей страсти, но у вас таки есть единомышленники. Неважно, нравятся вам сами эти люди или то, что они делают. Самое

важное – получить одобрение и признание того увлечения, которое вас объединяет. Обретение своего племени обеспечивает вам такую роскошь, как разговоры на профессиональные темы, обмен идеями, сравнение методов работы и – наконец – демонстрация энтузиазма или неприятия по отношению к одним и тем же вещам. Контакт со своим племенем стал мощным стимулом для людей, о которых уже было рассказано в этой книге, – для Мэтта Гроунинга, Евы Лоренс, Мэг Райан, Блэка Айса и многих других, о ком будет рассказано далее.

Пребывание в Кранбруке в среде других художников дало Дону Липски глубокое чувство значимости своего дела, помогло понять, что этим действительно стоит заниматься. Он сказал: «В магистратуре я впервые начал всерьез воспринимать те маленькие безделушки, которые мастерил. Я видел на улице резиновую ленту, поднимал ее и начинал искать, чем ее можно обвязать или с чем скомбинировать. Я всегда это делал, но лишь оказавшись в Кранбруке, понял, что на самом деле создавал произведения искусства. Пусть и в скромных масштабах, но это действительно было творчество, а не просто пустая трата времени».

Некоторые люди максимально полно ощущают себя в своей стихии, когда работают в одиночестве. Чаще всего это характерно для математиков, поэтов, художников и некоторых спортсменов. Однако даже эти люди подсознательно ощущают наличие «игроков» – других художников, математиков, писателей и спортсменов, которые обогащают их «поле» и бросают вызов их представлениям о собственных возможностях.

Выдающийся философ науки Майкл Полани^[36] утверждает, что свободный и открытый обмен идеями – это жизненно важный импульс для научных исследований. Ученым нравится работать над собственными идеями и задачами, однако наука требует сотрудничества. «Ученые, свободно выбирающие себе темы для изучения и исследующие их в свете своего личного суждения, – говорит он, – в действительности сотрудничают друг с другом как члены тесно сплоченной организации».

Полани горячо протестует против государственного контроля над наукой, поскольку он может препятствовать свободному обмену идеями. Ведь именно на таком взаимообмене и базируется подлинная наука. «Любая попытка организовать группу... под руководством одного специалиста повлечет за собой исчезновение независимой инициативы отдельных ученых и, таким образом, низведет их совместную эффективность до потенциала того единственного человека, который руководит этой группой. Это в действительности парализует сотрудничество между ними». Отчасти именно такое давление на науку побудило Хелен Пилчер сбежать от стволовых клеток на комедийную сцену.

Взаимодействие с «игроками» своего «поля», лично или через их работы, настолько же важно для нашего развития, как и время, проведенное наедине со своими мыслями. Как заметил физик Джон Уиллер: «Если вы не обмениваетесь опытом с людьми – вы «вне игры». Я всегда говорю, что никто ничего собой не представляет без окружающих людей». И даже в этом случае ритм взаимодействия с сообществом единомышленников варьируется во время пребывания в своей стихии точно так же, как и в обычной, повседневной жизни. Иногда вы хотите побыть в компании, а иногда – в одиночестве. Физик Фримен Дайсон говорит, что когда он пишет, то закрывает двери, но когда действительно занимается наукой – обязательно оставляет их открытыми. «До определенного момента вы приветствуете вмешательство, так как лишь при взаимодействии с другими людьми можете создать что-то интересное».

Как они это делают?

Обретение своего племени дает нам существенно больше, чем признание значимости своего дела и взаимодействие с другими людьми. Оно настолько же важно, как оба этих фактора, вместе взятые, что вдохновляет нас и стимулирует поднимать планку своих достижений. В каждом «поле» деятельности члены сообщества, объединенного общими интересами, обычно своей деятельностью побуждают друг друга исследовать истинный потенциал своего таланта. Иногда рост эффективности происходит благодаря не тесному сотрудничеству, а влиянию других «игроков поля», будь то современники или предшественники. При этом неважно, имеют они прямое отношение к соответствующему «полю» или только косвенное. Показательна в этом отношении известная фраза Исаака Ньютона: «Если я видел дальше, то только потому, что стоял на плечах гигантов». Это справедливо не только для науки.

Боб Дилан родился в Хиббинге (штат Миннесота) в 1942 году. В автобиографии «Хроники» он рассказывает о своем чувстве отчужденности от людей, семьи и поп-культуры того времени. Боб знал, что ему необходимо вырваться из этого круга, чтобы исполнить свое предназначение. Фолк-музыка была его единственной страстью. Боб вспоминает: «Фолк-музыка была единственным, что мне требовалось для существования... У меня не было других забот и интересов, кроме фолк-музыки. Я строил всю свою жизнь вокруг нее и имел крайне мало общего с теми, кто не разделял мою страсть».

Как только представилась возможность, Боб переехал в Нью-Йорк. Там, руководствуясь только своей интуицией, он вошел в круг артистов, певцов, писателей и обрел обстановку, которая способствовала развитию его собственных талантов. Он начал встречать единомышленников. Однако среди тех, кто вдохновлял Боба и оказывал влияние на его увлечение, нашелся один человек, который по-настоящему помог молодому Дилану достичь таких высот, о которых тот не мог и мечтать. Это случилось, когда он впервые услышал Вуди Гатри. Он вспоминает: «Это было похоже на разрыв бомбы в миллион мегатонн».

Однажды в начале 1960-х годов один нью-йоркский приятель пригласил Дилана посмотреть свою коллекцию записей. Она включала несколько альбомов на старых грампластинках. Один из них назывался The Spirituals to Swing Concert at Carnegie Hall и представлял собой коллекцию выступлений Каунта Бэйси, Люкса Льюиса, Джо Тернера и Пита Джонсона, Сестры Розетты Тарп и других. Еще была без малого дюжина двусторонних пластинок Вуди Гатри. Иногда краем уха, живя в Хиббинге, Дилан слышал некоторые записи Гатри, но не придавал им большого значения. Но в этот день в Нью-Йорке все оказалось иначе.

Он вспоминает: «Когда игла начала двигаться, я был поражен. Я находился в каком-то одурманенном состоянии». Как зачарованный, Боб слушал сольные композиции Гатри: Ludlow Massacre, 1913 Massacre, Jesus Christ, Pretty Boy Floyd, Hard Travelin', Jackhammer John, Grand Cooley Dam, Pastures of Plenty, Talkin' Dust Bowl Blues, This Land Is Your Land.

«Я слушал все эти песни, одну за другой – и у меня от них кружилась голова, – рассказывает он. – Мне хотелось раскрыть рот от изумления. Было ощущение, словно земля раскололась надвое. Я слышал Гатри раньше, но лишь мимоходом, по одной песне, и в основном то, что он пел вместе с другими артистами. На самом деле раньше я его не слышал; во всяком случае, это не вызывало потрясения. Я не мог этому поверить – Гатри потрясаяще схватывал самую суть вещей. Он был таким поэтичным, таким неистовым и ритмичным. В его музыке было столько энергии, а голос резал как кинжал».

Исполнительская манера Гатри казалась уникальной, он писал песни, непохожие ни на чьи другие. Все в Гатри – его стиль, содержание песен, манеры – стало для Дилана откровением: он осознал, какой может и должна быть фолк-музыка.

«Это просто сбilo меня с ног. Казалось, будто проигрыватель, на котором крутилась пластинка Гатри, сам приподнял меня и швырнул через всю комнату. Я также прислушался к его произношению. Он довел стиль пения до такого совершенства, о котором, казалось, никто не мог и помыслить. При желании он так произносил последнюю букву в слове, что оно ощущалось, как удар. Его репертуар был на голову выше песен всех прочих исполнителей фолк-музыки. Песни Вуди Гатри переполняли удивительная человечность. В его репертуаре не было ни одной посредственной песни. Он крушил все на своем пути. Для меня это было прозрением, сравнимым по силе с падением тяжелого якоря в воду гавани».

Дилан весь остаток дня словно в трансе слушал музыку Гатри. Это был не только момент откровения о певце Вуди Гатри, но и момент истины для самого Боба Дилана. «Я чувствовал, что понял что-то очень важное об управлении собой. Я находился где-то в глубине себя и чувствовал себя в большей степени самим собой, чем когда-либо раньше. Какой-то голос внутри меня говорил: «Это твоя игра». Я мог спеть все эти песни, каждую из них. Все они были тем, что я хотел бы петь. Я чувствовал себя так, словно до этого блуждал во тьме и вдруг кто-то повернул выключатель».

Приехав в Нью-Йорк в поисках единомышленников, Дилан на самом деле искал себя. Открыв для себя путь, по которому шел Вуди Гатри, он начал представлять и выстраивать свой собственный. Подобно Ньютону, он видел дальше, потому что стоял на плечах гигантов.

Сферы влияния

Племена – это сферы влияния. Они могут принимать различные формы, располагаться далеко друг от друга или, наоборот, находиться в непосредственном контакте. Они могут существовать лишь в ваших мыслях или физически присутствовать в одном помещении с вами. Они могут быть реально существующими или оставшимися жить только в своих работах. Они могут распространять свое влияние на одно поколение или на многие.

Нобелевский лауреат Ричард Фейнман говорил об ультраминиатюрных механизмах задолго до того, как другие люди начали себе представлять возможность создания подобных вещей. Годы спустя Марвин Мински, вдохновленный идеей Фейнмана, стал отцом-основателем искусственного интеллекта и, таким образом, продолжил этот научный диалог. Затем Эрик Дрекслер подошел в Массачусетском технологическом институте к Марвину Мински и попросил уважаемого профессора принять руководство своей диссертацией, посвященной миниатюрным механизмам. Эта диссертация послужила основой новаторской работы Дрекслера в области нанотехнологий. При поддержке многочисленного племени, чьи связи тянулись через несколько поколений, концепция, ранее отвергнутая научными критиками Фейнмана как научная фантастика, стала абсолютной реальностью.

Когда племя собирается в одном месте, возможности для взаимного вдохновения его членов возрастают. На всех «полях» деятельности существуют мощные группировки людей, которые благодаря влиянию друг на друга и импульсу, создаваемому ими как группой, становятся локомотивами инноваций.

Социолог Рэндалл Коллинз пишет о том, что почти все великие философские движения родились благодаря динамике племен. Генезис философии Древней Греции «можно наглядно продемонстрировать через историю цепочки групп единомышленников: пифагорейское братство и его направления; кружок Сократа, породивший множество течений; школа Мегары с ее яростными спорщиками; Академия, созданная друзьями Платона. Их правопреемниками – продолжателями «племенной цепочки» стали аристотелевская школа перипатетиков; «общество Сада», взлелеянное Эпикуром и его друзьями; ревизионистские кружки афинских стоиков на Родосе и в Риме и, наконец, школы участников последующих движений, удалившихся в Александрию».

Если преемственность племени была реальна для Древней Греции, то почему бы ей не повториться, к примеру, в Голливуде? В документальной книге «Беспечные ездоки, бешеные быки»^[37] описана «бурная, вдохновенная, а временами омерзительная культурная революция», которая привела к перерождению голливудского кинематографа в 1960-х годах. Всего за несколько лет на смену белым школьным гольфам и пляжным покрывалам, которые характеризовали здравомыслящую Америку 1950-х годов, в жизнь страны вторглись секс, наркотики и рок-н-ролл. Вдохновленное французской новой волной и британским новым кино,^[38] поколение молодых режиссеров и актеров вознамерилось осуществить революцию в американском кинематографе и создать фильмы, которые отражали бы их личное видение.

Оглушительный успех таких знаковых фильмов, как «Беспечный ездок», «Крестный отец» и «Таксист», обеспечили их создателям беспрецедентную финансовую и творческую независимость. Огромные кассовые сборы этих картин и их успех у критиков заставили голливудскую «старую гвардию» сдать свои позиции. Наступила эра поколения культовых кинорежиссеров, таких как Фрэнсис Форд Коппола, Роберт Альтман, Мартин Скорсезе, Питер Богданович и Деннис Хоппер.

С каждым новым успехом эти режиссеры завоевывали все большее творческое влияние. Они сформировали культуру лихорадочных инноваций, при которой каждый из них вдохновлял окружающих к поиску новых тем и форм для возникновения очередных популярных фильмов. Эта новообретенная

свобода имела обратную сторону и привела к невероятному, чрезмерному раздуванию бюджетов фильмов, а также к бесконечному росту наркозависимых обитателей Голливуда. В конце концов взаимная поддержка кинорежиссеров переродилась в напряженную конкуренцию и жесткое соперничество. Такие блокбастеры, как «Челюсти» и «Звездные войны», порожденные этой культурой, вновь изменили вид голливудских фильмов, а творческий и финансовый контроль полностью перешел в руки киностудий.

Влияние «племенных» группировок было очевидным и в период безудержных изобретений в сфере программного обеспечения на заре использования персональных компьютеров. Кремниевая долина оказала огромное влияние на цифровые технологии. Однако, как отмечают Дороти Леонард и Уолтер Свон, Долина занимает удивительно маленькую площадь. «Подлетая на самолете к Международному аэропорту Сан-Франциско, вы поразитесь, до чего небольшие размеры имеет эта Долина». Как замечает Крейг Джонсон из Venture Law Group, Кремниевая долина «подобна любому газу, который сжимают, – он становится горячее». Существующие там «племена» пересекаются друг с другом в социальной и профессиональной сфере на почве решения рабочих вопросов (например, специалисты по разработке программного обеспечения), аффилированности организаций (Hewlett-Packard), образования или национальной принадлежности (магистры делового администрирования, получившие степень в Стэнфордском университете, или иммигранты из Южной Азии). Наиболее квалифицированным работникам нет необходимости совершать длительные поездки для заключения сделок, смены работы или поиска профессиональных партнеров. Джон Доэрт из Kleiner Perkins любит повторять, что Кремниевая долина – это особый мир, где вы можете сменить работу, не меняя свое место на автомобильной стоянке.

Старожилов Долины также связывают общие ценности. Ее легендарные основатели в свое время создали не просто компании – они дали миру инновационные отрасли и революционные технологии. Поэтому их личные взгляды все еще находят отражение в этом сообществе. Билл Хьюлетт и Дэвид Паккард оказали непосредственное влияние на старшее поколение: многие из них были первыми сотрудниками компании. Эта старая гвардия передала принципы коллегиальности и высокие стандарты качества новому поколению.

Существует множество других примеров того, как совместная деятельность племени вдохновляла отдельных людей на выдающиеся достижения. Вспомним хотя бы показательные примеры из мира спорта – небывалый успех «Нью-Йоркских Никербокеров» в 1969 году, «Безымянную защиту» непобедимых «Дельфинов из Майами» в 1972 году и – наконец – впечатляющую победу «Миннесотских близнецов»[\[39\]](#) в 1991 году. Их коллективные выступления были более яркими и результативными, нежели успехи каждого из членов этих команд в отдельности. Стоит вспомнить и другие случаи: к примеру, движение «Баухауз»[\[40\]](#) в архитектуре первых десятилетий двадцатого века. В каждом из этих случаев реальное единение и сотрудничество племени, состоявшего из творческих личностей, приводило к всплеску инноваций и бурному росту.

Алхимия синергии

Наиболее яркий пример мощного влияния племени – работа творческих команд. В своей книге «Organizing Genius: The Secrets of Creative Collaboration» Уоррен Беннис и Пэт Уорд Бидерман пишут о так называемых творческих группах, имея в виду сообщества людей, которые разделяют интересы группы и генерируют при этом более значительный результат, чем способен каждый из них при работе в одиночку. Таким образом, группа становится чем-то большим, нежели просто численность людей ее составляющих. «Великая Группа может выполнять функции стимулирования, контроля, обмена идеями. Также она может служить источником вдохновения, поддержки и даже любви», – полагают авторы. Сочетание творческой энергии и потребности в достижении максимальной эффективности, чтобы не отстать от других членов группы, ведет к недостижимому в других случаях стремлению к совершенству. Это и есть алхимия синергии.

Одним из лучших примеров синергии можно считать создание знакового альбома Майлза Дэвиса *Kind of Blue*. Большинство любителей самой различной музыки считают, что этот альбом «необходимо иметь» в своей коллекции. Легions фанатов джаза, и если уж на то пошло – классики и рока знают наизусть каждую ноту в этом альбоме. Но никто из музыкантов, создававших *Kind of Blue*, не знал, что он будет играть, до того, как вошел в студию.

«Майлз сочинил эту музыку всего за несколько часов до начала записи и пришел в студию с набросками, которые указывали группе, какую музыку играть, – это слова пианиста Билла Эванса, помещенные в аннотацию на обложке альбома. – Так что вы услышите нечто созданное почти спонтанно. Группа никогда не играла эти композиции до создания альбома, и я думаю, что это был «первый дубль» для каждой песни. На самом деле все композиции альбома были записаны с первого раза, кроме *Flamenco Sketches*, записанной со второго раза».

Однажды в 1959 году в музыкальной студии по инициативе трубача Дэвиса собрались вместе пианист Билл Эванс, саксофонист-тенор Джон Колтрэн, саксофонист-альт Джулиан «Пушечное ядро» Эддерли, пианист Уинтон Келли, басист Пол Чемберс и барабанщик Джимми Кобб. Дэвис выложил перед ними гаммы – что само по себе было отчасти революционным шагом, так как джаз в то время традиционно игрался аккордами – и включил звукозаписывающее устройство. Каждый из этих музыкантов был активным сторонником разработки новых направлений в джазовой музыке, и все они в прошлом уже работали вместе. Однако то, что происходило во время записи *Kind of Blue*, было колоссальным импульсом взаимной поддержки, вдохновения и сотрудничества. Музыканты решили сломать барьеры и имели для этого все необходимое: фантазию, мастерство и дар интерпретации. И самое главное – у них был лидер со смелыми взглядами.

Их импровизированная игра в тот день стала итогом слияния мощных творческих сил, подаривших миру выдающийся результат – что и является конечной целью такого сотрудничества. Когда пленка в магнитофоне начала вращаться, свершилось чудо. «Групповая импровизация – это крайне сложная задача, – говорит Эванс. – Помимо существенных технических проблем, которые сопутствуют согласованному коллективному мышлению, у всех нас есть человеческая, даже социальная потребность во взаимопонимании, необходимом для достижения общего результата. Это наиболее сложная проблема, которая, как мне кажется, была успешно решена при создании нашего альбома». Музыка, которую они создали всего за несколько часов – вдохновляя и поощряя друг друга, согласовывая свою работу, бросая друг другу вызов, – будет жить на протяжении многих поколений. *Kind of Blue* – это джазовый бестселлер всех времен и народов. Даже почти пятьдесят лет спустя тысячи копий этого альбома еженедельно продаются во всех уголках мира.

Почему творческие команды могут вместе достичь более впечатляющих результатов, чем их участники по отдельности? Я думаю, это объясняется тем, что в каждой команде гармонично сочетаются три типа интеллекта, о которых я говорил ранее. В некотором смысле они повторяют основные характеристики творческого ума.

Великие творческие команды *разнообразны*. Порой они состоят из людей, диаметрально противоположных друг другу по складу ума и характера. Но различные по типу таланты и способности этих людей органично насыщают команду необходимым творческим потенциалом. Команда, создавшая Kind of Blue, состояла из выдающихся музыкантов, которые не только играли на различных музыкальных инструментах, но и отдавали команде свою индивидуальную восприимчивость к музыке, имея разные типы личности. То же можно было сказать и о Beatles. Хотя участники этой группы имели много общего в культурном и музыкальном плане, Леннон и Маккартни были очень разными людьми, точно так же, как Джордж Харрисон и Ринго Старр. Именно их несхожесть сделала совместное творчество Beatles гораздо более выдающимся в сравнении с сольным потенциалом каждого из участников команды.

Творческие команды *динамичны*. Разнообразие талантов в такой группе важно, но этого недостаточно. Различные способы мышления могут стать препятствием для созидания. Творческие команды находят всевозможные способы, чтобы использовать свои различия максимально продуктивно во благо, а не во зло. Они действуют так, что сильные стороны их участников становятся взаимодополняющими, а слабые – компенсируются личными свойствами других членов группы. Люди в такой команде способны бросать друг другу вызов, чувствовать себя равными и воспринимать критику как стимул для повышения эффективности своей деятельности.

Творческие команды *индивидуальны*. Существует большая разница между творческой командой и тем же комитетом. Большинство комитетов выполняют рутинную работу и формируются на основе выборов. Таким образом, члены любого комитета теоретически могут быть заменены другими людьми и обычно выполняют конкретные задачи. Часто комитет может формально работать, в то время как половина его членов проверяет свои BlackBerry или рассматривает обои. Комитеты часто бессмертны – кажется, что они существуют вечно и так же вечно длятся их заседания. А вот членам творческих команд присуща ярко выраженная индивидуальность, они собираются вместе по схожести интересов и собственной воле, чтобы создать что-то особенное. Они сотрудничают лишь до тех пор, пока сами этого хотят, или должны быть вместе, пока не будет выполнена стоящая перед ними задача.

Одним из наиболее известных примеров эффективной командной работы служит Администрация президента Авраама Линкольна. Дорис Кирнс Гудвин в своей книге «Team of Rivals» описывает историю Линкольна и четырех членов его кабинета – военного министра Эдвина Стэнтона, министра финансов Сэлмона Чейза, госсекретаря Уильяма Сьюэрда и генерального прокурора Эдварда Бейтса. Эти пять человек, несомненно, были частью одного и того же племени, которое страстно желало вести Америку к новым высотам. Но каждый из четырех членов команды президента был открытым и непримиримым оппонентом Линкольна до его вступления на пост президента. Стэнтон однажды даже назвал Линкольна «длиннорукой обезьяной». Каждый из этой «большой четверки» твердо придерживался взглядов, которые порой значительно отличались от принципов Линкольна. Кроме того, каждый из них верил, что более достоин стать президентом, чем тот, кого избрал народ.

И все же Линкольн верил, что каждый из его соперников обладает сильными сторонами, необходимыми Администрации президента. С хладнокровием, которое сложно представить в современной американской политике, он объединил свою команду. Да, они часто жестоко ругались. Но совместная работа была жизненно необходима этим людям, поскольку давала возможность в борьбе диаметрально противоположных мнений найти нужные решения для формирования эффективной

государственной политики. Они понимали, что провести страну через наиболее опасный период в ее истории можно только путем объединения и разумного компромисса их интеллектуальных усилий.

Затерянные в толпе

Находиться в племени, как я это определяю, и быть частью толпы – это слишком разные вещи, даже если люди в толпе собрались по одной и той же причине под влиянием общего интереса. Сразу же вспоминаются спортивные фанаты. Во всех видах спорта и во всех городах существуют свои шумные и неистовые фанаты: футбольные болельщики в Грин-Бей, поклонники соккера (или, как его называет весь остальной мир, *футбола*) в Манчестере или же фанаты хоккея в Монреале. Они покрывают стены зданий, крыши автомобилей и лужайки перед своими домами атрибутикой любимой команды. Каждый из них знает, каким был основной состав его местной команды в 1988 году, когда она заняла четвертое место. Они могут отложить собственную свадьбу из-за того, что на этот день выпадает ежегодный чемпионат Кубка Европы. Они страстно увлечены своими командами и пребывают в полном восторге от их игры. Чаще всего настроение таких людей напрямую зависит от результатов, которые показала их команда. Но спортивные фанаты не образуют племени, по крайней мере, не в том смысле, в каком я употребляю этот термин в своей книге.

Фанатское поведение – это другая форма социальной принадлежности, которую многие ученые, в частности Генри Таджфель и Джон Тернер, относят к теории социальной идентификации. Они утверждают, что у людей часто возникает четкое осознание того, кем они являются, именно благодаря связям с определенными группами. Такие люди в значительной мере отождествляют себя с этими группами, что, как правило, поднимает их самооценку и способствует самоидентификации. Спортивные команды помогают фанатам почувствовать себя частью крупной мощной организации. Это бывает особенно заметно, когда побеждает именно та команда, за которую болеют фанаты. В конце любого спортивного сезона оглянитесь вокруг – и вы увидите, что улицы пестрят футболками с символикой команды-чемпиона даже в местах, далеких от родного города этой команды. Фанаты безмерно гордятся своей связью с командами-победителями, поскольку в некотором смысле верят в то, что косвенная принадлежность к такой команде улучшает мнение о них самих.

Социальный психолог Роберт Чалдини придумал термин для данного явления. Он называет это «греться в лучах отраженной славы», или берджинг.^[41] В 1970-х годах Чалдини с группой психологов провел исследование этого явления и обнаружил, что студенты многих американских университетов чаще и охотней надевали одежду с символикой университета в понедельник, следующий за теми выходными, когда их команда выигрывала футбольный матч. Также ученые обнаружили, что студенты были более склонны использовать местоимение «мы», говоря о команде своего университета, в случае ее выигрыша – например, «мы в воскресенье разгромили команду такого-то штата». И наоборот, делали это крайне неохотно, когда их команда проигрывала. В последнем случае обычно использовалось местоимение «они» – например, «я не могу поверить, что они проиграли матч».

Есть нечто главное, что нужно понять о берджинге, если сравнивать это явление с чувством племени в нашем определении: человек, «греющийся в лучах отраженной славы», не имеет никакого или почти никакого отношения к достигнутой кем-то славе. Мы признаем небольшую роль поддержки фанатов в победе команды, если они действительно присутствовали на спортивном соревновании. Даже серьезные спортивные фанаты известны своим суеверием. Но лишь наиболее иррационально настроенные из них верят в то, что такие приметы, как «надевать одну и ту же шапку на каждую игру», «сидеть безмолвно во время ралли» или «использовать определенную марку угля во время пикника перед соревнованиями», оказывают какое-либо влияние на результат игры.

Принадлежность к группе фанатов – будь то Cheeseheads или Red Sox Nation – совсем не то же самое, что принадлежность к племени. На самом деле она может вызывать противоположный эффект.

Принадлежность к племени, в моем понимании и в контексте этой книги, помогает людям понять себя, способствует осознанию своей индивидуальности. В толпе же, в том числе и в толпе фанатов, мы можем легко потерять свою индивидуальность. Быть фанатом – означает быть ярым поборником чего-либо, аплодировать или глумиться вместе со всеми, находить радость в победе и муку в поражении. Это может приносить удовлетворение и приятное волнение, но, как правило, не помогает попасть в свою стихию как в сферу самореализации.

В действительности фанатизм во многих отношениях является тем, что психологи довольно неуклюже называют деиндивидуализацией. Это означает потерю чувства индивидуальности, когда человек становится частью группы. Крайние формы деиндивидуализации ведут к стадному поведению. Если вы когда-либо присутствовали на европейском футбольном матче, то понимаете, как это проявляется в мире спорта. Но даже в более мягких формах деиндивидуализация ведет к обезличенности, вызывает исчезновение сдерживающих факторов в человеческом поведении и порой заставляет людей совершать поступки, о которых они впоследствии жалеют. В таких случаях люди часто склонны делать то, что не соответствует их обычному поведению. Иными словами, такие действия могут отдалять их от своей истинной сущности.

Однажды с болельщиком, сидевшим как раз позади меня, случился настоящий истерический припадок – он критиковал тактику моего младшего брата на поле в грубейших выражениях, которые затрагивали мою мать, а значит, и меня. Инстинктивно я обернулся к нему, чтобы решить вопрос, который совершенно очевидно был вопросом семейной чести. Однако когда я увидел выражение лица и габариты этого безумного фаната, я счел за лучшее признать его правоту. Именно так и выглядит поведение толпы.

Смотрите, слушайте и учитесь

Некоторые наблюдатели действительно являются квалифицированными критиками, чье мнение может по-настоящему помочь окружающим разобраться в каком-либо событии. В сферах литературной критики, музыкальной журналистики или спортивного комментирования есть выдающиеся профессионалы, чьи слова находят глубокий отклик в нашей душе. Эти люди принадлежат к племенам, страстно любящим пространные рассуждения и, образно говоря, «обслуживающим» фанатов. Среди них можно найти специалистов высочайшего класса, для которых эта деятельность является истинным призванием. Таков, к примеру, спортивный комментатор Говард Коузелл, который на протяжении десятилетий был одной из наиболее важных и влиятельных фигур в американском спорте, но одну из своих автобиографий назвал «I Never Played the Game» («Я никогда не играл в эту игру»).

Полагаю, что Коузелл нашел свою стихию в спорте, хотя сам и не был спортсменом. Он знал, что может сделать более яркими ощущения обычного болельщика от просмотра игры, и, делая это, лучше понимал самого себя. Коузелл однажды сказал: «У меня было страстное желание и решимость заниматься комментированием. Я твердо знал, что хочу делать и как». Этот человек принадлежал к ключевой группе энтузиастов, которые всегда становятся активными участниками избранных ими миров. Они всей своей деятельностью способствуют сближению игроков и зрителей.

В каждой толпе и в каждой аудитории может присутствовать человек, чья реакция отличается от реакции окружающих его людей. Как правило, это человек, уже переживший собственный момент прозрения. Он видит свое племя не в тех, кто сидит на трибунах или в зрительном зале, а в тех, кто находится на сцене или на поле.

Билли Коннолли – один из самых оригинальных комиков в мире. Он родился в 1942 году в рабочем районе Глазго, в Шотландии, с трудом учился в школе, которую не любил больше всего на свете, и ушел из нее при первой же возможности, чтобы стать помощником сварщика на верфях города. Он добросовестно изучал свое ремесло, впитывая обычаи и методы работы людей, живших на берегах реки Клайд. С ранних лет Коннолли любил музыку и сам научился играть на гитаре и банджо. Как и Боб Дилан, который рос в это же время по другую сторону океана, он был очарован фолк-музыкой и проводил все свободное время, слушая и играя эту музыку в фолк-клубах по всей Шотландии. Билли любил пабы и добродушно-шутливую атмосферу ночной жизни Глазго. Он регулярно ходил в кино и на субботние вечеринки с танцами, а иногда и на театральные представления.

Однажды вечером Коннолли смотрел по телевизору выступление комика Чика Мюррея, который уже более сорока лет был легендой комедии и мюзикла. Его колкие шутки отражали сдержанный взгляд на жизнь, характерный для шотландского юмора. Билли уселся поудобнее, приготовившись к сеансу безудержного юмора этого знаменитого человека. И он это получил. Но вместе с тем он приобрел и кое-что еще – к нему пришло прозрение. Ерзая в кресле, он необычайно остро прочувствовал удовольствие от смеха. Для Билли тот вечер стал таким же поворотным моментом в жизни, как для Боба Дилана прослушивание музыки Вуди Гатри. Он понял, что может этим заниматься и будет это делать. Он начал отделяться от толпы и сливаться со своим племенем.

Обычно в перерывах между песнями Билли всегда разговаривал со своей небольшой аудиторией. Затем он обнаружил, что все больше говорит и все меньше поет, а тем временем число его слушателей неуклонно увеличивается. Для многих комиков своего поколения он впоследствии стал отцом-основателем свободного импровизированного комедийного выступления. Работа помогла ему преодолеть, казалось бы, невозможное расстояние от судоверфей Клайда до переполненных зрительных залов по всему миру, до

участия в фильмах, удостоенных множества наград, до завоевания умов и сердец миллионов людей.

Как и большинство героев этой книги, Билли Коннолли нашел истинный путь только тогда, когда обрел свое призвание и свое племя.

Глава 6

Что обо мне подумают?

Поиск своего призвания может стать для человека сложной задачей по различным причинам, часть которых мы уже рассмотрели. Иногда препятствия могут быть внутренними, такими как недостаток уверенности или боязнь неудачи. Порой настоящим барьером для человека становится ближайшее окружение со своими оценками, ожиданиями и представлениями в его отношении. Иногда источником препятствий оказывается окружающая культурная среда в целом.

Я думаю, что препятствия поиску своего призвания можно описать как три концентрических «круга давления» – *личный, социальный и культурный*.

Это личное

Зная, как сложилась жизнь Чака Клоуза, мы с удивлением выясняем, что школьные учителя и одноклассники считали его заторможенным. Дети полагали так, поскольку Чак имел слабое физическое здоровье, которое мешало ему заниматься спортом и играть даже в простейшие подвижные игры. Учителя, вероятно, думали так потому, что он плохо писал контрольные, казался ленивым и редко сдавал экзамены с первого раза. Позже оказалось, что у мальчика дислексия, то есть неспособность к обучению чтению, но во времена его детства такого диагноза еще не существовало. Со стороны многим казалось, что Чак Клоуз не намерен чего-либо добиться в жизни, и окружающие считали, что он мало чего достигнет.

Вдобавок к трудностям в учебе и физическим недугам Чаку пришлось пережить такое количество трагических ситуаций, которое не способна представить даже самая бурная детская фантазия. Его отец регулярно выгонял семью из дома, а затем умер, когда Чаку было одиннадцать лет. Примерно в это же время его мать, которая была пианисткой и исполняла классическую музыку, заболела раком груди, и медицинские счета на огромные суммы вынудили семью Клоуз продать дом. Даже его бабушка тяжело заболела.

Клоуз из всего этого кошмара вынес горячую любовь к живописи. «Я думаю, моя способность к живописи быстро стала тем, что отделяло меня от всех остальных, – сказал он в одном из интервью. – Это была та сфера, в которой я чувствовал себя компетентным, то занятие, которое помогало мне в трудную минуту». Чтобы преодолеть вынужденные ограничения, Чак даже придумал инновационные способы использования живописи. Мальчик, по его собственному выражению, «развлекал толпу», то есть организовывал кукольные представления и показывал фокусы, чтобы вызвать у других детей желание проводить с ним время. Помимо школьных занятий Чак готовил искусные художественные проекты, чтобы показать учителям, что он не «лентяй».

В конце концов интерес к живописи и природные таланты позволили ему стать одним из наиболее выдающихся представителей американской культуры. Несмотря на то что многие учителя отказывали ему даже в способности поступить в колледж, Чак Клоуз окончил Вашингтонский университет и получил степень магистра изящных искусств в Йеле. В итоге он стал одним из известнейших американских художников. Его авторский стиль предусматривал использование сетчатой системы, разработанной им же для создания крупноформатных фотореалистических изображений лиц, которые казались совершенно живыми благодаря текстуре и выразительности образов. Этот метод привлек широкое внимание СМИ, работы Чака неоднократно выставлялись в крупнейших музеях мира. Благодаря настоящей страсти и преданности своему делу Чак Клоуз преодолел огромные трудности для того, чтобы найти свое призвание и достичь вершин мастерства в избранной им профессии. Но это лишь начало истории.

Однажды в 1988 году Чак вел презентацию в Нью-Йорке и внезапно почувствовал какой-то физический дискомфорт. Он сам добрался до больницы, но через несколько часов был полностью парализован, став жертвой тромба в позвоночной артерии. Один из наиболее ярких и самобытных художников своего поколения теперь даже не мог взять в руки кисть. Усилия врачей были безуспешны. Казалось, эта трагедия, произошедшая в его и без того переполненной проблемами жизни, наконец усмирит амбиции художника и поставит финальную точку в его карьере.

Но в один прекрасный день Клоуз обнаружил, что может держать кисть в зубах и довольно неплохо управлять ею, создавая крошечные изображения. «Это сразу воодушевило меня, – рассказывает он. – Я пытался понять, какие именно изображения могу создавать, будучи настолько ограниченным в своих движениях. Я пробовал вообразить, как могут выглядеть эти изображения. Но даже небольших движений

шей было достаточно, чтобы осознать – возможно, я не так уж и беспомощен. Возможно, я могу сделать что-то самостоятельно».

И он смог. Чак Клоуз придумал совершенно новую форму в живописи. Позднее, когда немного восстановилась подвижность плеча, он начал использовать яркие цвета, чтобы создавать небольшие изображения, которые в комбинации друг с другом формировали крупноформатную мозаичную картину. Новые работы принесли Чаку еще большую популярность и способствовали росту его славы и известности.

На протяжении всей жизни у Чака Клоуза было множество причин пасть духом и отказаться от мысли быть художником. Но он предпочел приложить все усилия для достижения цели и оставаться в своей стихии вне зависимости от того, какие новые препятствия возникали на его пути. Он не позволил никаким сложностям помешать ему исполнить свое истинное предназначение.

Чак Клоуз не единственный, кто сумел преодолеть физические препятствия на пути к любимому делу. Далее я расскажу о других людях, которым это тоже удалось. При подготовке книги я услышал массу удивительных историй борьбы мужественных и целеустремленных людей с проблемами, которые имели не только телесную природу, хотя физические недуги сами по себе могут быть тяжелыми и мучительными. Эти люди вынуждены были противостоять проблемам, порожденным их собственным отношением к своим болезням, а также пагубному влиянию жалости со стороны окружающих на свою самооценку. Чтобы преодолеть эти физические и психологические барьеры, люди с самыми различными недугами должны были мобилизовать неисчерпаемые резервы веры в себя. Они просто обязаны были преисполниться твердой решимости заниматься тем же, чем могут заниматься остальные, здоровые люди.

CandoCo – это британская профессиональная танцевальная студия, в которой занимаются как здоровые танцоры, так и инвалиды. На протяжении многих лет учениками этой студии были люди с одной или двумя ампутированными конечностями, люди с парализованными ногами в инвалидных креслах, люди с другими тяжелыми заболеваниями. Целью компании CandoCo, основанной в 1982 году, стали воодушевление и поддержка таких людей с тяжелыми недугами в «достижении своих самых смелых устремлений в соответствии с убежденностью компании в том, что танец доступен каждому». CandoCo стремилась к расширению представления о танце в целом через выступления и программу обучения участников своей студии. Руководство компании говорит, что CandoCo всегда ставила перед собой высокие цели: «в качестве движений, в целостности танца как формы искусства и в требованиях к исполнителям». «Мы делаем акцент на танце, а не на инвалидности, на профессионализме, а не на терапии», – утверждают они. CandoCo – одна из множества «интегрированных» компаний, занимающихся танцем, театральными постановками и музыкой. Ее достижения подтверждены многочисленными международными премиями профессиональных критиков и фестивалей в области танца по всему миру.

«Чтобы по-настоящему оценить CandoCo Dance Company, – отметил один обозреватель, – необходимо отказаться от всех традиционных представлений о танцующем теле. Зачем говорить о быстрых и четких движениях ног на вытянутых носках, когда ноги не имеют значения? Танцоры CandoCo полностью опровергают наши представления о совершенном и физически полноценном теле. Перед зрителями предстают люди с отсутствием различных частей тела, обладающие не меньшим талантом, чем их партнеры без физических недостатков... Те, кто ожидал, что танцоры CandoCo будут на костылях и в инвалидных креслах исполнять трюки, попирающие законы гравитации, были жестоко разочарованы. Вместо этого их выступление представляло собой визуальную и психологическую конфронтацию, которая была не столько ударом по традиционным представлениям о танце, сколько долгой мыслью, которая согревает сердце и ласкает разум».

Вне зависимости от того, являетесь вы инвалидом или нет, вопросы отношения к вам окружающих имеют крайне важное значение в поиске своей стихии. Твердое желание быть самим собой – это мощная

сила. Даже имея отличную физическую форму, но не обладая таким желанием, человек попадает в невыгодное положение. По моему опыту, большинству людей приходится сталкиваться с внутренними препятствиями, вызванными неуверенностью в себе и страхом, так же часто, как и с внешними препятствиями, связанными с обстоятельствами и возможностями.

Масштаб тревоги становится очевиден, если взглянуть на растущий мировой рынок книг и курсов по самопомощи, многие из которых посвящены как раз этим вопросам. С моей точки зрения, знаковую книгу Сьюзен Джефферс «Бойся... но действуй! Как превратить страх из врага в союзника» можно назвать лучшей из всего созданного на эту тему. Книга была переведена на десятки языков мира, объем ее продаж составил миллионы экземпляров. В этой книге Джефферс горячо и красноречиво рассказывает о навязчивых страхах, которые мешают стольким людям жить полной жизнью и вносить свой вклад в процветание мира. Главные из них – страх потерпеть неудачу, страх быть недостаточно хорошим, страх не оправдать надежд, страх получить неодобрение, страх остаться бедным и неизвестным.

Страх – вероятно, самое распространенное препятствие в поисках своего призвания. Задайтесь вопросом, как часто он играл роль в вашей собственной жизни и удерживал вас от того, что вы страстно хотели попробовать. Доктор Джефферс предлагает воспользоваться проверенными методами, позволяющими перейти от страха к удовлетворенности, – и один из самых эффективных методов отражен в названии ее книги.

Социальный аспект: это для вашего же блага

Страх не получить одобрения и не оправдать ожиданий часто становится неотъемлемой частью взаимоотношений с самыми близкими людьми. Наши родители, братья и сестры, супруги и дети обычно имеют четкие взгляды относительно того, что мы должны или не должны делать со своей жизнью. Эти взгляды, разумеется, могут быть правильными. И близкие люди могут сыграть положительную роль в нашей жизни, давая советы, которые будут поощрять развитие наших подлинных талантов. Однако они могут и глубоко заблуждаться.

У людей имеется множество причин подрезать крылья окружающим. К примеру, вы выберете путь, который может не соответствовать их интересам или создаст дополнительные сложности в их жизни. Какими бы ни были эти причины, человек, мешающий вам заниматься любимым делом или находиться в поиске своего пути, может стать причиной глубокого разочарования.

Возможно, что окружающие и не навязывают вам сознательно какие-либо жизненные установки. Вы можете просто запутаться в самоподдерживающейся паутине социальных ролей и ожиданий, создающих скрытые барьеры для ваших амбиций. Многие люди не находят свое призвание, поскольку не получают должного поощрения или не имеют достаточной уверенности в себе, чтобы выйти за пределы устоявшегося круга своих взаимоотношений с окружающими.

Иногда, разумеется, ваши близкие люди искренне считают, что вы впустую растратите свое время и таланты, занимаясь чем-то, вызывающим их неодобрение. Именно это произошло с Пауло Коэльо. Обратите внимание, родители не просто препятствовали ему – они регулярно помещали сына в психиатрическую клинику и позволяли подвергать его электрошоковой терапии, *потому что они любили его*. В следующий раз, когда вы ощутите вину за то, что браните своих детей, возможно, вас несколько утешит тот факт, что вы не прибегаете к таким мерам воспитания, которые практиковали родители Коэльо.

Причина, по которой родители помещали Коэльо в психиатрическую клинику, представлялась очевидной – будучи подростком, он проявлял горячее желание стать писателем. Педро и Лижия Коэльо полагали, что так он погубит свою жизнь. Они считали, что можно немного заниматься писательством в свободное время, если так уж нужно это делать, но будущее своего сына видели только в юриспруденции. Однако Пауло продолжал писать. Тогда родители сочли, что у них не осталось выбора – и решили поместить его в учреждение для душевнобольных, чтобы заставить отказаться от этих пагубных идей. «Они хотели помочь мне, – говорит Коэльо. – У них были свои мечты. Я жаждал заниматься то одним, то другим, но у родителей были другие планы относительно моей жизни. И вот однажды наступил такой момент, когда они уже не могли меня контролировать – и это приводило их в отчаяние».

Родители трижды помещали Коэльо в психиатрическую клинику. Они знали, что их сын очень умен, верили, что у него большие карьерные перспективы, и делали то, что, по их мнению, помогло бы ему вернуться на путь истинный. Но даже такой экстремальный способ вмешательства в его жизнь не помешал Пауло Коэльо найти свое призвание. Несмотря на активное противодействие семьи, он продолжал заниматься литературным трудом.

Его родители были правы, предполагая, что сына ждет блестящее будущее, но это будущее не имело ничего общего с профессией юриста. Роман Коэльо «Алхимик» стал признанным международным бестселлером, по всему миру было продано более сорока миллионов экземпляров этой книги. Сегодня романы Коэльо переведены более чем на шестьдесят языков мира. Он стал самым популярным и «продаваемым» португалоязычным писателем в истории. Его творческие интересы кроме литературы затрагивают телевидение, прессу и даже сферу популярной музыки – Коэльо является автором текстов для

нескольких рок-песен, ставших в Бразилии хитами.

Вполне возможно, что Пауло Коэльо стал бы прекрасным юристом. Однако его мечтой была литература. Родители делали все возможное, чтобы направить его на «правильный» путь, но Пауло упорно продолжал идти к своему призванию.

Мало кто из нас подвергается такому же жесткому давлению, направленному на абсолютное подчинение собственной жизни ожиданиям семьи. Однако многие люди сталкиваются с барьерами, которые создают члены их семьи или друзья: «Не записывайся в школу танцев – ты не сможешь зарабатывать на жизнь, если будешь танцором», «У тебя хорошие способности к математике – тебе нужно стать бухгалтером», «Я плачу за твоё обучение не для того, чтобы ты поступал на философский факультет» и тому подобное.

Близкие люди отговаривают нас от выбора того или иного пути, обычно веря в то, что делают это для нашего же блага. Иногда ими движут и менее благородные причины, однако многие уверены, что знают, как лучше поступить. И действительно, средний офисный работник имеет более стабильный и прогнозируемый доход, нежели средний джазовый музыкант. Но, согласитесь, сложно ощущать удовлетворение от жизни, когда ваши достижения не имеют отношения к тому, что действительно важно для вас. Если вы делаете что-то «для своего же блага», это вряд ли пойдет вам во благо, если при этом вы упустите шанс ощущать себя состоявшейся личностью.

Решение не рисковать и пойти по пути наименьшего сопротивления может стать бесповоротным, особенно если у вас есть собственные страхи и сомнения по поводу альтернативного выбора. Некоторым людям проще спрятаться от своих тревог и получить одобрение родителей, братьев, сестер или супругов, но в результате пройти чужой путь. Однако не всем по нраву такой компромисс с жизнью.

Некоторые из людей, о которых говорится в этой книге, были вынуждены прервать отношения со своими семьями, по крайней мере на определенное время, чтобы иметь возможность пойти по жизни своей дорогой. За свое решение они были вынуждены платить нелегкую цену – полный или частичный разрыв отношений с родными, напряженные семейные праздники или, как в случае с Коэльо, даже разрушенные клетки мозга. Но в конечном итоге такой выбор помог каждому из них достичь впечатляющего успеха и истинного удовлетворения от жизни. Каждый решился на собственный нелегкий шаг – пренебречь мнением близких или отказаться от своей мечты.

Шли шестидесятые годы двадцатого века. Арианна Стасинопулос жила в Греции, была обычным подростком и внезапно обрела страстную мечту. Однажды, листая журнал, она увидела фотографию Кембриджского университета в Англии. Ей было всего тринадцать лет, но она сразу решила, что будет там учиться. Все, с кем она делилась своей мечтой, включая ее друзей и отца, говорили, что это смехотворная идея. Арианна была девочкой, обучение в Кембридже стоило слишком дорого, у нее не было никаких связей в Англии, и вообще это был один из самых престижных университетов в мире. Никто не воспринимал ее желание всерьез. Никто, кроме самой Арианны. И еще одного человека.

Ее мать решила, что нужно выяснить, есть ли хотя бы искра надежды на осуществление мечты Арианны. Она навела кое-какие справки и узнала, что девочка может обратиться с просьбой о предоставлении гранта на обучение. Мать даже нашла дешевые авиабилеты. Арианна по этому поводу вспоминает: «Мы смогли съездить в Англию и увидеть Кембридж своими глазами. Это был отличный пример того, что мы сегодня называем визуализацией». Был долгий перелет в Лондон, а все время их пребывания в Кембридже шел дождь. Арианна и ее мать просто гуляли вокруг университета, не встречаясь ни с кем из его сотрудников, и представляли себе, каково учиться за этими стенами. Укрепившись таким образом в своей мечте, Арианна подала документы на предоставление гранта, как только стала соответствовать критериям отбора.

К ее радости и к изумлению окружающих (за исключением матери, уверенной в успехе девочки), Арианну приняли в Кембридж – и она получила грант. В возрасте шестнадцати лет девушка переехала в Англию, а позже успешно закончила Кембридж, став магистром экономики. В двадцать один год она стала первой женщиной – президентом знаменитого дискуссионного клуба Cambridge Union.

Сейчас Арианна Хаффингтон проживает в США. Она автор одиннадцати книг по культурной истории и политике, ведет национальную синдицированную колонку,[\[42\]](#) а также является соведущей популярной политической программы Left, Right & Center на Национальном общественном радио. В мае 2005 года она основала Huffington Post, новостной сайт с блогами пользователей, который стал «одним из наиболее читаемых и широко цитируемых медиабрендов в Интернете». В 2006 году журнал Time выделил ей заслуженное место в списке ста наиболее влиятельных людей мира.

Несмотря на свой впечатляющий успех, Хаффингтон знает, что самым большим препятствием на пути к достижению цели могут быть сомнения и неодобрение окружающих людей. По ее словам, это особенно характерно для женщин. «Я поражена тем, как часто женщины, когда я прошу их завести блог на Huffington Post, с трудом верят, что сказанное ими будет иметь какое-то значение. И это касается даже известных писателей... Я думаю, что слишком часто мы, женщины, отказываем себе в праве сделать попытку, поскольку не хотим рисковать и потерпеть неудачу. Мы придаем такое значение одобрению наших поступков, что крайне неохотно идем на риск.

У женщин до сих пор непростые отношения с обретением власти и адекватной оценкой качеств, необходимых руководителю. В нас силен врожденный страх – нам кажется, что, если мы действительно будем обладать властью, нас будут считать жесткими, грубыми и напористыми. Мы уверены, что все эти эпитеты наносят непосредственный удар по нашей женственности. Мы все еще работаем над преодолением страха, связанного с идеей о том, что власть и женственность несовместимы».

По словам Хаффингтон, в достижении детской мечты ей помогли два ключевых фактора. Во-первых, она не понимала до конца, на что идет. «Впервые я ощутила собственную власть, будучи человеком со стороны и пребывая в блаженном неведении. Это было в колледже, когда я стала президентом дискуссионного клуба Cambridge Union. Я выросла в Греции, а потому никогда не слышала ни о Cambridge Union, ни об Oxford Union. Я не знала об их месте в английской культуре, а поэтому не была скована предрассудками, которые, возможно, не позволили бы британской девушке даже мечтать о том, чтобы добиться такого поста... В этом смысле мне повезло – я начала свою карьеру вдали от привычной обстановки. Но с моим небританским происхождением были связаны другие проблемы – например, надо мной смеялись из-за моего акцента и унижали, как любого, кто говорит смешно. Но благодаря этому я поняла, что легче осилить стереотипы мышления окружающих людей, чем свои собственные; проще преодолеть чужие предрассудки, чем свой страх, сидящий глубоко внутри».

Вторым фактором победы Арианны была решительная поддержка ее матери. «Думаю, что все, чего я добилась в жизни, было бы невозможно без моей матери. Мама дала мне ощущение надежности, уверенность, что она будет со мной, что бы ни случилось в моей жизни – успех или неудача. Она дала мне то, что я надеюсь передать своим дочерям, – веру в свои силы, в то, что я могу достать звезду с неба, и одновременно осознание того, что, если меня постигнет неудача, мама не станет любить меня меньше. Она помогла мне понять, что невозможно прожить жизнь без неудач».

Групповое мышление

Родители и семья оказывают на нас мощное воздействие, которое может быть как положительным, так и отрицательным. Но еще более сильное влияние, особенно в молодости, на нас оказывают друзья. Мы не выбираем себе семью, но сами находим друзей, которые зачастую становятся нашими социальными индикаторами и способом расширения самоидентификации за пределами семьи. В результате мы можем испытывать сильное давление, вызванное необходимостью привести свои жизненные стандарты в соответствие с ожиданиями друзей и других социальных групп.

Джудит Рич Харрис – возрастной психолог, которая занимается изучением вопросов влияния на молодых людей со стороны их друзей и ровесников. Она утверждает, что на наше развитие оказывают воздействие три основных фактора: личный темперамент, наши родители и наши ровесники. По ее мнению, влияние ровесников гораздо сильнее, нежели влияние родителей. «Мир, который дети делят с представителями своего поколения, – говорит она, – формирует их поведение и изменяет личностные характеристики, присущие им от рождения, а следовательно, определяет, какими людьми они станут, когда вырастут».

Дети выносят представления о правилах поведения в окружающей среде, идентифицируя себя с определенной социальной группой, принимая ее взгляды, поведение, манеру разговора, стиль одежды и украшений. «Большинство из них делает это автоматически и охотно. Ребенок хочет быть похожим на своих сверстников, но если вдруг у него возникает какая-либо необычная идея – ровесники быстро напоминают ему о наказании, ждущем всех, кто не похож на остальных... Гвоздь, который торчит вверх, выделяясь из общего ряда, непременно забьют обратно».

Поскольку нарушение правил – это верный способ быть изгнанным из группы, мы можем отказываться от своих самых горячих желаний ради того, чтобы сохранить связь с друзьями. В школе мы скрываем свой интерес к физике, потому что наше окружение считает, будто это неинтересно. Мы проводим целый день за игрой в баскетбол, в то время как на самом деле хотели бы достичь мастерства в изготовлении пяти маминых соусов. Мы никогда не упоминаем о своем восхищении хип-хопом, поскольку люди из нашего окружения считают, что эта музыка настолько «уличная», что слушать ее – ниже их достоинства. Но для попадания в свою стихию чаще всего необходимо выйти из привычного круга.

Шон Картер родился в многоквартирном доме в Бруклине, в Нью-Йорке. Известный сегодня как Джей-Зи, он является кумиром миллионов людей. Но для того, чтобы стать одним из наиболее успешных музыкантов и предпринимателей своего поколения, юноше прежде всего пришлось преодолеть неодобрение и скептицизм своих бруклинских друзей и знакомых. «Когда я покинул наш квартал, все говорили, что я сумасшедший, – рассказывает он о своем раннем успехе. – Я хорошо зарабатывал, выступая на улицах, а ребята вокруг меня говорили: «Эти рэперы как шлюхи. Они только записывают песни, ездят на гастроли, разлучаясь со своими семьями, а какой-нибудь белый забирает себе все их деньги». Но я-то собирался делать все иначе».

Джей-Зи искренне восхищался музыкальным продюсером Расселом Симмонсом, считая его образцом для подражания. Сегодня Джей-Зи по примеру своего кумира возглавляет диверсифицированную деловую империю, которая возникла благодаря его удачной музыкальной карьере, но существенно выходит за пределы музыкальной сферы, включая в себя направление по разработке линии одежды и звукозаписывающую компанию. Все это позволило Джей-Зи заработать огромное состояние и вернуть уважение многих бруклинских друзей, мнением которых он вынужден был пренебречь, чтобы добиться успеха.

В некоторых случаях определенные группы людей – друзей, родных или коллег – могут попадать в ловушку, которую психолог Ирвин Дженис назвал «групповым мышлением». Этот способ мышления «становится характерен для людей, тесно связанных друг с другом внутри одной группы, когда стремление ее членов к единодушию перевешивает их мотивацию к реалистической оценке альтернативных вариантов действий». И тогда начинает превалировать убеждение в том, что группа лучше знает, как поступать. Она настаивает, что решение или действие, отражающее мнение большинства ее членов, не нуждается в тщательном обдумывании – даже в тех случаях, когда интуиция подсказывает вам обратное.

Существует несколько известных – а иногда и печально известных – исследований эффекта группового мышления, в том числе эксперименты Соломона Аша по изучению конформизма. В 1951 году психолог Аш сформировал несколько групп, в каждую из которых входили восемь-десять студентов колледжей. Группам было объявлено, что в ходе эксперимента будет изучаться визуальное восприятие. В каждой из групп все студенты, кроме одного, были «подсадными». Они знали о сути эксперимента, и Соломон Аш просил их большую часть времени давать неверные ответы. Настоящий испытуемый – единственный, кого психолог не инструктировал заранее, – отвечал на каждый вопрос лишь после того, как слышал ответы большинства участников своей группы.

Аш показывал студентам карточку с нарисованной на ней линией. Затем доставал другую карточку, на которой были изображены три линии различной длины, и просил участников эксперимента сказать, какая из этих трех линий имела ту же длину, что и линия на первой карточке. Ответ был очевиден, однако «подсадные» студенты по указанию Аша давали неверный ответ. Когда наступала очередь испытуемого, начинал действовать эффект группового мышления. В большинстве случаев испытуемый отвечал так же, как и другие члены группы, вопреки правильному и очевидному ответу.

Позднее при опросе почти все испытуемые признались, что давали заведомо неверный ответ потому, что не хотели выделяться. «В нашем обществе настолько сильна тенденция к конформизму, – писал Соломон Аш, – что достаточно умные и здравомыслящие молодые люди охотно называли белое черным. Это вызывает опасения и заставляет поднять вопрос о тех методах образования и ценностях, которые управляют нашим поведением».

Джерри Харви, специалист в области менеджмента, приводит другой пример, ставший известным как парадокс Абилина. Эта история произошла жарким днем в Коулмене (штат Техас). Семья с удовольствием играла в домино на крыльце до тех пор, пока тесть не предложил съездить в Абилин, находящийся в пятидесяти трех милях севернее, чтобы там пообедать. Жена ответила: «Звучит неплохо». Муж, несмотря на мысли о том, что поездка обещает быть долгой и жаркой, подумал, что надо подстроиться под мнение остальных, и сказал: «И я думаю, звучит неплохо. Надеюсь, что твоя мать тоже захочет поехать». Теща ответила: «Конечно, хочу. Я уже так давно не была в Абилине». Дорога действительно оказалась долгой, жаркой и пыльной. Они приехали в кафе – но еда оказалась невкусной. Четыре часа спустя измученное семейство вернулось домой. Один из них неискренне произнес: «Поездка прошла замечательно, правда?»

Теща ответила, что на самом деле она бы лучше осталась дома, но решила поехать, поскольку все остальные отнеслись к этому с таким энтузиазмом. Муж сказал: «Я не хотел ехать. Я просто хотел доставить удовольствие другим». Жена сказала: «Я поехала, только чтобы вы все были рады. Нужно быть сумасшедшим, чтобы мечтать куда-то ехать в такое пекло». Тесть, как оказалось, предложил отправиться в эту поездку, поскольку ему показалось, что остальным скучно.

Все они сидели, ошеломленные тем, что сделали то, чего ни один из них не желал. Каждый предпочел бы с комфортом побыть дома, но никто не признался в этом, несмотря на то что имел возможность наслаждаться прекрасным днем.

Это мягкая, но яркая иллюстрация последствий группового мышления. Каждый член группы

согласился сделать то, чего ему не хотелось, так как полагал, что другим этого очень хочется. В результате все они остались недовольны.

Если мы позволим групповому мышлению оказывать влияние на наши решения о том, как нам действовать в будущем, это может привести к не менее плачевным – и имеющим гораздо более серьезные последствия – результатам. Согласие с мнением группы о том, что физика – это неинтересно, что играть в баскетбол лучше, чем быть поваром, что хип-хоп – это ниже вашего достоинства, пагубно не только для отдельного человека, но и для группы в целом. Очень может быть, что другие члены группы, как и семья, о которой рассказывается в парадоксе Абилина, тоже втайне не согласны с высказанным от лица большинства мнением, но боятся в одиночку возражать всему коллективу. Очевидно, что групповое мышление может иметь отрицательные последствия для всей группы в целом.

Главные препятствия в поиске своего призвания часто возникают перед человеком в школе. Это отчасти связано с иерархичностью предметов, ведущей к тому, что многие учащиеся так никогда и не распознают своих подлинных интересов и талантов. Однако внутри общей образовательной культуры различные социальные группы формируют разные субкультуры. В некоторых группах господствует мнение о том, что учиться – это вообще не очень интересно. Здесь в ходу стереотипы: если вы занимаетесь наукой – вы чокнутый; если вы занимаетесь живописью или танцем – вы слабак. В других же группах, наоборот, эти занятия считаются крайне важными.

Подобные группы сильны тем, что закрепляют общие интересы своих членов. Опасность же группового мышления кроется в том, что оно заглушает индивидуальные мнения членов этого сообщества. Группа думает в унисон и действует сообща, чем очень напоминает поведение рыбьего косяка.

Один муравей не испортит пикник

Вероятно, вам приходилось видеть огромные косяки рыб, которые плывут, как единый организм, соблюдая жесткую внутреннюю структуру, но внезапно так же синхронно – рыбка к рыбке – могут сменить направление движения. Возможно, вы видели летящие по небу стаи насекомых, которые неожиданно устремляются вниз или кружатся, как облако, управляемое палочкой невидимого дирижера. Это впечатляющее зрелище выглядит как контролируемое и интеллектуальное поведение. Однако каждая отдельная особь – будь то сельдь или комар – действует не в соответствии со своей свободной волей, как кажется нам с человеческой точки зрения. Мы не знаем точно, о чем они думают, когда следуют за толпой, но знаем, что, делая это, они действуют фактически как единое существо. Сегодня исследователи уже лучше понимают механизм этого явления.

Вероятнее всего, рыба резко меняет направление движения, ориентируясь на движения других рыб, находящихся в поле ее непосредственного восприятия. То, что со стороны кажется шедевром хореографии, на самом деле, вероятно, не более чем изящное воплощение принципа «следуй за лидером». Для иллюстрации этой мысли сегодня существуют компьютерные программы, которые очень точно моделируют эффекты поведения стай и косяков.

Тот же принцип, по всей видимости, управляет действиями муравья – одного из наиболее древних и удачных творений природы. Если вы когда-нибудь видели муравья, бесцельно ползающего по полу вашей кухни в поисках какой-нибудь еды, вряд ли вы заподозрили, что наблюдаете высокоразвитый интеллект в действии. Тем не менее функционирование муравьиных колоний – это чудо командной эффективности и организационного успеха. Жизнь муравьев опирается на так называемый интеллект стаи, природа которого в настоящее время пристально изучается. Хотя еще до конца не ясно, как муравьям удастся достичь такого высокого уровня слаженности командного взаимодействия, исследователи знают, что эти насекомые достигают целей, выполняя свои, очень конкретные, роли с военной четкостью.

Так, например, в поисках еды один муравей прокладывает тропу, оставляя за собой шлейф своих феромонов. Следующий муравей идет по его следам, оставляя в свою очередь собственные «флюиды». Таким образом большая группа насекомых находит путь к источнику пищи и совместно доставляет ее в колонию. Каждый муравей работает для достижения общей цели, при этом ни один из них не является лидером. Судя по всему, в муравьиных колониях полностью отсутствует иерархия. Даже королева, очевидно, выполняет единственную функцию – откладывание яиц. Такие механизмы скоординированного группового поведения у рыб, муравьев, москитов и большинства других живых существ обусловлены прежде всего необходимостью защиты и безопасности, продолжения рода и выживания, добычи пищи и спасения от того, чтобы стать пищей кому-то другому.

Это очень похоже на поведение людей. Мы собираемся в группы по тем же важным и первостепенным причинам. Положительной чертой человеческих групп является то, что они могут служить мощным источником поддержки. Отрицательная же их сторона очевидна – в группах поощряется единообразие мышления и поведения. Призвание позволяет человеку раскрыть себя, но он не сможет этого сделать, если попал в плен конформизма. В стае невозможно быть самим собой.

Культура: правила и плавки

Помимо определенного социального давления, которое мы можем чувствовать со стороны своей семьи или друзей, существуют и другие виды прессинга, неявно заложенные в самой культуре в целом. Я воспринимаю и определяю культуру как систему ценностей и форм поведения, характерных для различных социальных групп. Культура – это система дозволений. Она определяет, какое поведение и отношение к различным вещам в различных сообществах приемлемо, а какое нет, что одобряется, а что отвергается. Если вы не разделяете культурных установок своей группы, вы можете выглядеть просто ужасно в глазах окружающих.

Я никогда не забуду человека, который повел себя крайне вызывающе на пляже в Малибу, в Калифорнии. Он медленно и важно вошел в толпу отдыхающих, представляя собой вопиюще неожиданное зрелище, которое превратило пляж, полный незнакомых друг другу людей, в тесно сплоченное братство. Ему было около сорока лет. Думаю, что это был какой-то руководящий работник, и могу себе представить, что в определенной обстановке он считался важной птицей. Но здесь все обстояло не так. В царстве физической культуры и беговых дорожек он был бы просто бледным, волосатым обладателем обрюзгшего тела, который явно проводил свои дни за письменным столом, а ночи – за барной стойкой. Все это еще простиительно. Но только не нейлоновые плавки с леопардовым рисунком.

Эти плавки облегли его пах, как кислородная маска. Полоска эластичной ткани охватывала талию и тонким шнурком туго вонзалась между его обнаженными ягодицами. Он гордо шествовал мимо изумленной публики, испытывая очевидное удовольствие от того, что все вокруг оборачиваются на него. У меня создалось впечатление, что он считает себя эталоном физической привлекательности и сексуального притяжения, принимая негодование и насмешку окружающих за теплые лучи общественного восхищения. Но это явно противоречило мнению большинства. «Хоть бы эпиляцию, что ли, сделал», – сказал мужчина рядом со мной.

Почему это произвело на всех нас такое гипнотическое, завораживающее действие? Дело не только в том, что этот человек был так уверен в своей привлекательности. Причина была иной – он слишком явно не вписывался в окружающую обстановку. Такой наряд и поведение могли бы выглядеть нормально на юге Франции, но в Малибу, по ряду причин, это было совершенно неприемлемо. На пляжах Калифорнии существует негласный кодекс поведения для мужчин – забавная смесь павлиньего внешнего вида и нарочитой скромности. Обмазанные маслом торсы и игра мускулами – замечательно; но только не обнаженные ягодицы. Вся Америка представляет собой такую гремучую смесь распушенности и пуританства.

Кстати, вскоре после этого мы с женой оказались в Барселоне. Ежедневно на протяжении всего лета на городские пляжи, расположенные вдоль бухты в центре города, в обеденное время из местных офисов выплескивалась толпа молодых женщин и мужчин, которые, не стесняясь окружающих, загорали топлесс, в лучшем случае в плавках. В Испании это совершенно приемлемо. Было бы странно встретить там кого-то на пляже в шортах до колен и футболке. Эта культура считает нормальным присутствие на пляже практически обнаженных тел.

Для всех социальных культур характерно то, что я называю «заразительным поведением». Один из лучших примеров этого – язык, а точнее его акценты и диалекты. Они прекрасно иллюстрируют импульс подражания и конформизма. Было бы странно для человека, который родился и вырос на территории Северо-Шотландского нагорья или в районе Бэдлендс в Монтане, не говорить на местном диалекте английского языка с присущим ему акцентом. Мы, разумеется, испытали бы потрясение при виде ребенка,

который родился в этих местах, но внезапно начал говорить на французском или на иврите. Мы были бы так же поражены, если бы этот ребенок, говоря на местном языке, использовал бы совершенно другой его диалект или акцент, чуждый жителям этой местности. К естественным детским побуждениям относятся копирование и имитация. Дети растут и впитывают не только звуки, которые слышат, но и чувства, которые они выражают; культуру, которую они транслируют. Языки – это проводники культурных генов. По мере изучения языка, его акцентов и произношения мы постигаем структуру мышления, чувств и отношений носителей этого языка.

Культуры, в которых мы выросли, оказывают влияние не только на наши ценности и мировоззрение. Они формируют наше тело и могут даже изменить структуру нашего мозга. И вновь главным примером этого служит язык. Когда мы учимся говорить, наш рот и органы речи приспособляются к воспроизведению звуков, используемых в нашем языке. Если в процессе взросления вы говорили лишь на одном или двух языках, в дальнейшем вам может быть физически сложно произнести используемые в других языках и естественные для других культур гортанные французские или шепелявые испанские звуки или же тональные звуки некоторых азиатских языков. Иногда для того, чтобы научиться говорить на новом языке, вам может понадобиться заново начать тренировать свое тело, чтобы воспроизводить и понимать новые звуки. Однако влияние культуры может распространяться еще дальше – на фактическую структуру мозга.

За последние несколько лет учеными был проведен ряд интересных исследований, посвященных различиям визуального восприятия людей Запада и Восточной Азии. Их результаты наглядно демонстрируют, что культуры, в которых мы растем, оказывают влияние на базовые процессы, помогающие воспринимать и интерпретировать окружающий нас мир. В ходе одного из таких исследований людей, принадлежащих к западной и азиатской культурам, просили взглянуть на несколько фотографий и описать увиденное. При этом обнаружилось несколько существенных различий. Люди западной культуры уделяли преимущественное внимание переднему плану изображения и тому, что считали его главной темой. Азиаты же больше концентрировались на изображении в целом, включая взаимосвязи между его различными элементами. Так, например, на одной из фотографий была изображена сцена в джунглях с участием тигра. Обычно западные наблюдатели на вопрос о том, что они видят, отвечали: «Тигра». Такой ответ может показаться достаточно разумным для западных читателей этой книги. Однако азиатские наблюдатели чаще всего говорили: «Это джунгли, в которых находится тигр» или «Это тигр в джунглях». Согласитесь, разница довольно существенна, и связана она со значительными культурными различиями между западным и азиатским мировосприятием.

Как правило, азиатское искусство достаточно мало внимания уделяет портретной живописи и акцентам на индивидуальном подходе, что так характерно для западного искусства. Азиатское искусство опирается на коллективный аспект в отличие от западной персонификации. В западной философии со времен древних греков подчеркивалась важность критического мышления, логического анализа, градации идей и предметов по категориям. В китайской философии логика и дедуктивный анализ вторичны – основное внимание уделяется взаимосвязям и изучению явлений в целом. Такие различия в восприятии могут приводить к различиям в механизмах запоминания и рассуждения. По крайней мере, одно из исследований показывает, что эти процессы с течением времени могут вызвать определенные структурные изменения мозга.

Ученые из Иллинойса и Сингапура исследовали активность мозга молодых и пожилых добровольцев в ходе просмотра ими изображений на различные темы и с различным фоном. Используя функциональную магнитно-резонансную томографию (fMRI), они сосредоточились на наблюдении за реакциями височно-затылочной области мозга, которая обрабатывает зрительную информацию об объектах окружающего мира. У всех молодых участников наблюдалась схожая активность мозга. Но у пожилых добровольцев,

принадлежавших к западной и восточной культурам, были отмечены значительные различия нервных импульсов. У «западных» людей височно-затылочная область оставалась активной, в то время как у «восточных» интенсивность реакции этой части мозга была минимальной.

Доктор Майкл Чи – профессор когнитивной нейробиологической лаборатории в Сингапуре и соавтор описанного исследования – пришел к выводу, что «части мозга, вовлеченные в процесс обработки информации о фоне и объектах изображения, по-разному участвуют в этом процессе у двух групп пожилых людей, имеющих различное географическое и – как следствие – культурное происхождение». Доктор Дениза Парк – старший научный сотрудник и профессор психологии Университета Иллинойса, занимаясь данным проектом, объясняет эту разницу тем, что восточноазиатские культуры «более взаимозависимы, а люди, принадлежащие к ним, проводят больше времени, наблюдая за окружающей средой и другими людьми. Эгоцентричные по сути своей, более независимые и сосредоточенные на себе культуры Запада в большей степени сконцентрированы на отдельных личностях и центральных объектах». Доктор Парк уверена – эти исследования доказывают, что культура может оказывать влияние на мозг.

Происходит ли это на самом деле? И если да, то до какой степени? Эти вопросы сегодня привлекают внимание все большего числа ученых. Но уже очевидно, что наша культурная среда оказывает влияние на то, что мы видим вокруг себя, а не только на то, что думаем об увиденном. Культура незаметными способами оказывает влияние на всех нас.

Плыть против течения

Каждая культурная среда располагает своим неписанным «руководством по выживанию», которое учит нас достижению успеха, считает социально-культурный антрополог Клотэр Рапелль. Эти правила и установки понятны большинству из нас (хотя явно не тому мужчине в плавках). Тот, кто перемещается из одного социокультурного пространства в другое, может с помощью этого руководства по выживанию довольно легко разобраться в новых для себя условиях. Оно создавалось людьми определенной культуры, которые поколениями упорно адаптировались к конкретной среде. Каждое такое руководство не только помогает преуспевать людям, принадлежащим к данной культуре, – оно имеет и ряд ограничений. Эти ограничения могут помешать найти свое призвание, если наши пристрастия окажутся противоречащими культурным установкам.

Великие социальные явления появляются тогда, когда разрушаются барьеры. Рок-музыка, панк, хип-хоп и другие значительные новшества в социальной культуре обычно развиваются благодаря молодым людям, ищущим некую альтернативную форму самовыражения. Юношеское бунтарство часто находит свое отражение в иной манере говорить и одеваться. Особая форма поведения или лексики обычно становится таким же конформистским и ортодоксальным явлением внутри их собственной субкультуры, поскольку конфликтует с господствующей культурой, от которой молодые люди пытаются отгородиться. Очень трудно сойти за своего в среде хиппи, если на вас костюм от Армани.

Все культуры и субкультуры имеют свою систему ограничений, которая мешает отдельным людям найти свою стихию, если их пристрастия вступают в противоречие с господствующей обстановкой. Некоторые люди, родившиеся в одной культуре, в конечном итоге предпочитают другую, поскольку им ближе ее способ познания мира и стиль жизни. Они становятся «кросс-культурными» людьми: француз может стать англофилом, а американец – франкофилом. Как и люди, меняющие религию, культурные «неофиты» могут стать более страстными приверженцами новообретенной культуры, чем той, в которой они родились.

Для тех, кто хочет управлять небольшим магазинчиком и знать каждого посетителя по имени, городская культура не самый лучший выбор. Культура центральных штатов Америки вряд ли идеальна для тех, кто хочет сделать карьеру жесткого политического сатирика. Именно поэтому Бобу Дилану пришлось уехать из Хиббинга, а Арианна Стасинопулос покинула Грецию. В поисках своей стихии иногда необходимо вырваться из родной культуры, чтобы достичь своих целей.

Заха Хадид, первая в мире женщина, получившая Притцкеровскую премию [\[43\]](#) по архитектуре, выросла в Багдаде пятидесятих годов прошлого века. Ирак тогда был другим, гораздо более светским и открытым для западных идей. В то время многие иракские женщины делали блестящую карьеру. Однако Заха хотела быть архитектором, но не видела женщин, занимающихся этой профессией, в своей родной стране. Движимая горячим желанием реализовать свою мечту, Заха сначала переехала в Лондон, а затем в США. Там она обучалась вместе с величайшими архитекторами своего времени, разработала революционный стиль в архитектуре и после трудного старта – ее работа предусматривала достаточно много рискованных концептуальных изменений, на которые клиенты поначалу соглашались неохотно, – построила несколько наиболее выдающихся сооружений в мире.

Среди ее работ – Центр современного искусства Розенталя в Цинциннати (штат Огайо), который New York Times назвала «важнейшим новым зданием в Америке со времен «холодной войны»». Уход из своей культуры и попадание в среду, где приветствовались инновации, позволили Захе Хадид достичь блестящих успехов. Оставшись в Ираке, она, возможно, сделала бы хорошую карьеру или делала бы ее до тех пор,

пока политические установки по отношению к женщинам не изменились. Но она не нашла бы свое призвание в архитектуре, поскольку культура ее родной страны просто не давала женщинам такой возможности.

«Заразительное поведение» косяков рыб, стай насекомых и толп людей возникает из-за тесной физической близости. На протяжении значительного периода человеческой истории культурные особенности также формировались под воздействием непосредственного контакта между людьми, физически находящимися ближе всего друг к другу: внутри небольших деревень, местных общин. Масштабные перемещения людей когда-то ограничивались военными вторжениями и торговлей – и это были главные пути распространения культурных идей, иностранных языков и нового образа жизни в другие общества.

Весь накопившийся культурный фундамент за последние два столетия, с развитием глобальных коммуникаций, подвергся необратимым изменениям. Сегодня механизмы «заразительного поведения» массово распространяются через Интернет. Виртуальной жизнью живут миллионы людей по всему миру, и это может оказывать влияние на их мышление и на то, как они воспринимают новые виртуальные установки и социальные роли.

Многие из нас сегодня подобны матрешкам, покрытым множеством слоев из культурных особенностей. Недавно, например, я прочел забавную вещь: оказывается, сегодня быть британцем «означает по пути домой на немецкой машине остановиться, чтобы купить бельгийского пива, турецкий кебаб или какое-нибудь блюдо на вынос из индийского ресторана, а затем провести вечер дома на шведской мебели за просмотром американских программ по японскому телевизору». А какая черта считается самой «британской»? Недоверие ко всему иностранному.

Сложность и подвижность современных культур могут облегчить процесс изменения окружающей нас обстановки, упростить механизм избавления от прессинга группового мышления и влияния стереотипов. Это также может вызывать глубокое чувство замешательства и неуверенности. Идея, которую я хочу донести, – это не просто «не позволяйте ничему встать у вас на пути». Наши семьи, друзья, культура и место, которое мы занимаем в обществе, важны для того, чтобы мы могли испытывать чувство удовлетворенности жизнью, и мы имеем перед окружающими нас людьми определенные обязательства. Настоящая идея заключается в том, что в поисках своей стихии вы скорее всего столкнетесь с сопротивлением на одном или нескольких уровнях вашего окружения – личном, социальном или культурном.

Иногда, как осознал Чак Клоуз, для обретения своего призвания необходимо постоянно искать творческие решения вплоть до настоящих озарений. Порой, как нас учит пример Пауло Коэльо, для этого нужно сохранять свои взгляды в условиях устойчивого противодействия. А иногда, как показывает жизнь Захи Хадид, требуется покинуть знакомую обстановку, чтобы найти среду, более благоприятную для вашего развития.

В конечном итоге вопрос всегда стоит так: «Какую цену вы готовы заплатить?» Удовлетворение от нахождения своего призвания велико, однако путь к получению этого удовлетворения может лежать через преодоление жесткого сопротивления.

Глава 7

Считаете ли вы себя удачливым человеком?

Способности и любовь к какому-либо делу крайне важны в поиске своего призвания. Однако этого недостаточно. Его обретение в значительной мере зависит от нашей самооценки и интерпретации событий, происходящих в нашей жизни. Нахождение своего призвания также зависит и от отношения к миру в целом.

Когда однажды дождливым днем в конце октября 1931 года двенадцатилетний Джон Уилсон, ученик средней школы для мальчиков в Скарборо, пришел на урок химии, он и понятия не имел о том, что его жизнь скоро кардинально изменится. В тот день на уроке проводился эксперимент, демонстрирующий, как нагревание колбы с водой заставляет кислород пузырьками подниматься на поверхность. Такой эксперимент ученики и этой школы, и многих других школ по всему миру проводили уже очень много раз. Однако колба, которую учитель дал Джону для нагревания, отличалась от тех колб, которые использовали другие ученики. Вышло так, что по ошибке она содержала нечто более летучее, чем вода. Оказалось, что в ней находилась другая жидкость, так как лаборант отвлекся и наклеил на бутылку не тот ярлык. И когда Джон нагрел ее на бунзеновской горелке, [\[44\]](#) колба взорвалась и разбилась вдребезги – часть классной комнаты была разрушена, а на учеников обрушился дождь из острых, как бритва, осколков. Несколько учеников вышли оттуда, обливаясь кровью.

Джон Уилсон вышел оттуда слепым на оба глаза.

Следующие два месяца Уилсон провел в больнице. Когда он вернулся домой, его родители пытались понять, как жить дальше с обрушившейся на них катастрофой. Но Уилсон не воспринимал этот несчастный случай как катастрофу. «Даже тогда мне это не казалось трагедией», – сказал он однажды в интервью лондонской Times. Он знал, что у него впереди еще вся жизнь, и хотел прожить ее полноценно. Он быстро выучил систему Брайля и продолжил образование в Уорчестерском колледже для слепых. Там он зарекомендовал себя как блестящий студент, успешный гребец и пловец, одаренный актер, музыкант и оратор.

После Уорчестера Уилсон начал изучать юриспруденцию в Оксфорде. Вдали от привычной обстановки колледжа, созданного специально для слепых, ему приходилось приспосабливаться к шумному студенческому городку и весьма оживленным улицам вокруг него. Однако вместо того, чтобы полагаться на трость, он пользовался своим острым слухом и тем, что называл «чувством препятствия» – оно помогало юноше избегать опасностей на своем пути. В Оксфорде он получил юридическое образование и начал работать в Национальном институте слепых. Однако настоящее призвание еще ждало его впереди.

В 1946 году Уилсон отправился в исследовательскую поездку по британским территориям в Африке и на Ближнем Востоке. Он обнаружил, что там свирепствует настоящая эпидемия слепоты. В отличие от того несчастного случая, который стоил зрения Уилсону, болезни, поражавшие стольких людей, можно было предотвратить при помощи соответствующих медицинских мер. Уилсон считал, что одно дело – смириться со своей собственной судьбой, и совсем другое – позволить продолжать существовать проблеме, которую можно было так легко решить. Это заставило его действовать.

Отчет, представленный Уилсоном по возвращении, привел к основанию Британского имперского общества слепых, которое сейчас называется Sightsavers International. [\[45\]](#) Сам Уилсон более тридцати лет занимал пост директора этой организации и за это время достиг немалых успехов.

Уилсону часто приходилось путешествовать и проезжать более пятидесяти тысяч миль за год, но он считал это важной частью своей работы, так как полагал, что должен лично присутствовать в тех местах, где действует его организация. В 1950 году они вместе с женой жили в грязной хижине в той части Ганы, которая известна как «земля слепых», поскольку из-за болезни, распространяемой через укусы насекомых, слепыми там были десять процентов всего населения. Его команда разработала превентивное средство от этого заболевания, известного как «речная слепота». Лекарство получило название «мектизан». Благодаря этому открытию Sightsavers International сделала прививки детям в семи африканских странах, страдающих от этой болезни, и почти искоренила ее. К началу 1960-х годов «речная слепота» почти полностью была взята под контроль. Поэтому не будет преувеличением сказать, что целые поколения африканских детей обязаны своим зрением усилиям Джона Уилсона.

За время руководства Уилсона организация Sightsavers International провела три миллиона операций по удалению катаракты и обеспечила медицинской помощью двенадцать миллионов людей, находившихся под угрозой слепоты. Она предоставила более ста миллионов доз витамина А для предотвращения детской слепоты и распространила комплекты системы Брайля для изучения среди слепых Африки и Азии. В общей сложности десять миллионов людей сегодня могут видеть благодаря усилиям, которые предпринял Джон Уилсон для предотвращения того, что – как он справедливо полагал – можно было предотвратить.

Когда Уилсон вышел на пенсию, они с женой направили свою энергию на участие в программе Impact, которая была создана Всемирной организацией здравоохранения для предотвращения всех болезней, приводящих к инвалидности. Джон Уилсон в 1975 году получил звание рыцаря. Кроме того, он был удостоен Международной премии Хелен Картер, Международной премии Альберта Швейцера и Международной премии человечности. Он продолжал быть активным и убежденным сторонником предотвращения слепоты и прочих предотвратимых болезней, приводящих к инвалидности, вплоть до своей смерти в 1999 году.

Джон Коулз в биографии сэра Джона Уилсона «Blindness and the Visionary: The Life and Work of John Wilson» пишет: «По всем стандартам его достижения заслуживают сравнения с достижениями других великих гуманистов». Многие сравнивают его деятельность с подвижничеством матери Терезы.

Многие люди, столкнувшись с теми же обстоятельствами, в которых оказался Джон Уилсон, оплакивали бы свою жизнь. Они могли счесть себя проклятыми злой судьбой и оставили бы всякие попытки достичь чего-либо значительного в жизни. Уилсон, однако, был убежден в том, что слепота – «это досадное неудобство, а не недостаток, делающий человека ущербным», и его отношение к собственной слепоте было максимально оптимистичным, насколько это представлялось возможным.

Он потерял зрение, однако приобрел видение. Его жизнь стала ярким доказательством того, что не события, которые с нами происходят, определяют нашу жизнь, а именно мы и только мы сами создаем свое будущее.

Отношение к жизни и способности

Рассказывать о судьбах людей, нашедших свою стихию, несколько рискованно. Их истории могут быть вдохновляющими – но могут и приводить в уныние. В конце концов все эти люди, кажется, были отмечены каким-то особым знаком; им повезло заниматься в жизни тем, что им нравилось, и у них это хорошо получалось. Можно легко объяснить их успехи простым везением, и действительно, многие люди, которым нравится то, чем они занимаются, считают себя удачливыми (в свою очередь люди, которым не нравится их занятие, часто называют себя невезучими). Разумеется, некоторым «удачливым» людям повезло найти любимое дело и представилась возможность им заняться. С некоторыми «невезучими» людьми произошли – напротив – неблагоприятные события. Но хорошее и плохое случается с каждым из нас. Не то, что с нами происходит, играет в конечном счете основную роль в нашей жизни. Что действительно важно – это наше отношение к происходящему. Понятие удачи – это яркая иллюстрация ценности нашего изначального отношения к жизни при поиске своей стихии.

Называя себя везучими или невезучими, мы подразумеваем, что являемся всего лишь пассивными получателями положительного или отрицательного эффекта случайных обстоятельств. Однако, если бы обретение призвания было лишь вопросом везения, нам всем оставалось бы только скрестить пальцы и надеяться на удачу. Но здесь нужно нечто большее, чем просто удача. Исследования и опыт показывают, что удачливые люди часто становятся таковыми благодаря своему отношению к происходящему.

В третьей главе этой книги мы говорили о творчестве, настоящая идея которого заключается в том, что все мы в огромной степени собственными руками создаем свою реальность, материализуем ее, придаем ей форму и смысл. Те, кто просто ждет хороших событий, могут их и не дожидаться. Все люди, истории которых я привожу в этой книге, сами принимали активное участие в том, чтобы «стать везучими». Они в совершенстве овладели гармоничным сочетанием поведения и отношения к окружающему миру, которое привело их к нужным возможностям и наделило уверенностью для того, чтобы ими воспользоваться.

Критически важна в этом сочетании способность взглянуть на ситуацию с различных точек зрения. Есть разница между тем, что мы способны воспринимать (потенциальное поле восприятия), и тем, что мы действительно воспринимаем (фактическое поле восприятия). Как я говорил в предыдущей главе, существуют значительные культурные различия в восприятии людьми окружающего мира. Однако даже два разных человека с одинаковыми культурными установками могут воспринимать одно и то же событие совершенно по-разному, в зависимости от своих убеждений и понимания своего предназначения. Автор бестселлеров и лектор высокого класса Энтони Роббинс демонстрирует это с помощью простого действия. На своих трехдневных семинарах он просит тысячи присутствующих людей оглянуться вокруг и сосчитать, сколько зеленых предметов одежды они видят вокруг себя. Роббинс дает своей аудитории на это несколько минут, а затем спрашивает о результатах. После этого он просит повторить опыт, но уже с поиском и подсчетом красных предметов одежды. Большинство людей этот вопрос ставит в тупик, поскольку в соответствии с первым заданием Роббинса они полностью сосредоточились на поиске зеленой одежды.

В своей книге «Как поймать удачу» психолог Ричард Вайзман описывает свое исследование, проведенное среди четырехсот чрезвычайно «удачливых» и «неудачливых» людей. Он обнаружил, что людям, считавшим себя удачливыми, чаще всего было свойственно схожее поведение и отношение к жизни. Неудачливые же участники эксперимента, как правило, демонстрировали противоположные качества.

Вайзман выявил четыре принципа, характерные для везучих людей. Во-первых, удачливые люди обычно максимизируют свои шансы на успех. Им особенно хорошо удается создавать, замечать и использовать благоприятные возможности, когда таковые представляются. Во-вторых, они обычно очень эффективно используют свою интуицию и практикуют действия (такие, как медитация), которые помогают развивать ее. Третий принцип заключается в том, что везучие люди обычно ожидают везения, мысленно создавая ряд сбывающихся предсказаний, поскольку идут в мир, ожидая положительного результата. Наконец, для удачливых людей характерно такое отношение к жизни, которое помогает им превращать неудачу в везение. Они не позволяют досадным случайностям приводить себя в подавленное состояние и быстро действуют, чтобы вернуть контроль над ситуацией, когда что-то идет не так, как им хотелось бы.

Доктор Вайзман провел эксперимент, который наглядно продемонстрировал роль восприятия в удаче. Он посадил в близлежащее кафе группу актеров, попросив их придерживаться поведения обычных посетителей таких заведений, и положил пятифунтовую банкноту на тротуар прямо у выхода из кафе. Затем он предложил одному из «удачливых» добровольцев пойти в это кафе. Везучий человек увидел деньги, лежащие на земле, поднял их, вошел в кафе и заказал кофе для себя и для незнакомца рядом с ним. Между ним и незнакомцем завязалась беседа – в итоге они обменялись контактной информацией.

Затем доктор Вайзман отправил в это же кафе одного из «невезучих» добровольцев. Этот человек перешагнул прямо через пятифунтовую купюру, заказал кофе и ни с кем не общался. Позже Вайзман спросил у обоих, повезло ли им в чем-нибудь в тот день. Удачливый испытуемый рассказал о том, что нашел деньги и нового знакомого. Неудачливый же не смог вспомнить ничего позитивного.

Один из способов открыться новым возможностям – это приложить сознательные усилия для того, чтобы посмотреть другими глазами на обычные ситуации. Новый взгляд на привычные вещи позволяет человеку увидеть богатство возможностей мира и пользоваться теми из них, которые окажутся стоящими. Роббинс и Вайзман уверены: если мы слишком сильно сконцентрируемся на чем-либо, то непременно упустим из виду весь остальной мир, вращающийся вокруг нас.

Еще один способ восприятия мира, который приводит нас к тому, что многие называют «удачей», – это способность к рефреймингу, то есть поиску положительных моментов в ситуации, разворачивающейся вопреки нашим ожиданиям и планам.

Весьма вероятно, что, если бы обстоятельства сложились иначе, я никогда не написал бы эту книгу, а вы, соответственно, не прочли бы ее. Я мог бы стать владельцем спорт-бара в Англии и потчевать всех желающих рассказами о своей блестящей футбольной карьере. Я вырос в большой ливерпульской семье вместе с несколькими братьями и сестрой. Мой отец занимался любительским футболом и боксом и, как все в нашей многочисленной семье, болел за местную футбольную команду «Эвертон». Каждая семья в нашей округе мечтала, чтобы ее ребенок играл за «Эвертон».

До тех пор пока мне не исполнилось четыре года, вся семья была уверена, что в нашем роду футболистом, играющим за «Эвертон», стану именно я. Я был сильным и активным мальчиком, имел природные способности к футболу.

Но внезапно все изменилось. В 1954 году в Европе и Америке достигла своего пика эпидемия полиомиелита. Однажды мать пришла за мной в детский сад и нашла меня рыдающим от пронзительной головной боли. Ребенком я никогда много не плакал, поэтому мои страдания сильно ее встревожили. Приехавший к нам домой врач решил, что у меня грипп. Однако к следующему утру стало ясно, что диагноз был ошибочным. Я проснулся полностью парализованным – я вообще не мог двигаться.

Следующие несколько недель я провел в полиомиелитном изоляторе нашей местной больницы. Я был в очень тяжелом состоянии и совершенно не чувствовал ни своих ног, ни большей части тела. Восемь

месяцев я пролежал в больнице вместе с другими детьми, также пораженными внезапным параличом. Некоторые из них были подключены к аппарату искусственного дыхания. Некоторые просто не выжили.

Очень медленно у меня восстановилась некоторая чувствительность левой ноги, и, к счастью, полностью восстановилось нормальное владение руками и остальным телом. Только правая нога осталась полностью парализованной. В конце концов я покинул больницу в возрасте пяти лет в инвалидной коляске, с двумя ортопедическими аппаратами.

Болезнь положила конец планам в отношении футбольной карьеры – хотя, глядя на то, как в последнее время играет «Эвертон», думаю, что мне стоило попытаться счастья и войти в команду.

Для родителей и всей семьи моя болезнь стала тяжелым ударом. Пока я подрастал, одним из главных поводов для беспокойства было то, как я буду зарабатывать на жизнь. С самого начала отец с матерью признали, что мне надо научиться эффективно использовать другие свои таланты, хотя в то время было еще непонятно, в какой сфере их искать. Главной задачей для меня стало получение максимально качественного образования. Пока я учился в школе, на меня оказывалось огромное давление с тем, чтобы я хорошо учился и показывал отличные результаты на экзаменах. Это было нелегко, поскольку я жил в большой, очень дружной семье, в доме, где постоянно было полно гостей, шума и смеха.

В довершение всего в начале 1960-х годов мы жили в Мерсисайде.^[46] Рок-музыка – причем громкая рок-музыка – была слышна повсюду. Мой брат Иэн играл на барабанах, и его группа каждую неделю репетировала у нас дома, прямо в соседней комнате. В это время я, отделенный от них единственной стеной, мучительно пытался хоть как-то разобраться в алгебре и латыни. В битве за мое внимание между книгами и музыкальным ритмом книги – увы – безнадежно проигрывали.

И все же я понимал, насколько это было доступно пониманию ребенка, что мне нужно думать о своем будущем и извлечь максимум пользы из предоставленных возможностей. Ясно, что футбол перестал быть для меня реальностью. Несмотря на мою горячую любовь к музыке, сколько-нибудь существенным музыкальным талантом я тоже похвастаться не мог. Отец продолжал потихоньку контролировать мою успеваемость – и в конечном итоге я окончил школу и поступил в колледж. Именно там и начали формироваться интересы, которые впоследствии оказали решающее влияние на мою жизнь.

Не знаю, каким бы футболистом я стал. Однако знаю точно, что полиомиелит открыл передо мной гораздо больше дверей, чем та единственная, которая была самой очевидной, но оказалась для меня наглухо закрыта. Конечно, ни я, ни мои родные не понимали этого, когда я заболел. Но родители сумели по-другому взглянуть на эту ситуацию и сделать все возможное, чтобы я сосредоточился на учебе в школе. Мне тоже удалось по-иному взглянуть на обстоятельства, в которых я оказался. Наше совместное отношение к ситуации превратило катастрофу в ряд совершенно неожиданных возможностей, которые продолжали развиваться и приумножаться.

Привлекаем удачу упорством

Я знаю еще одного человека, который не смог сделать карьеру в футболе и пошел совершенно иным путем. Видал Сассун – сегодня одно из культовых имен в мировом парикмахерском искусстве. В 1960-х годах его клиентами были звезды кинематографа, представители бомонда и лучшие фотомодели того времени, включая Мэри Квант, Джин Шримптон и Миа Фэрроу. Видал Сассун стал настоящим революционером в мире парикмахерской моды. В числе его инноваций – стрижка боб, пятиконечная геометрическая стрижка, стрижка в стиле греческой богини, взорвавшие моду после стиля «пчелиный улей», характерного для 1950-х годов.

Видал рос в лондонском Ист-Энде. Он был еще совсем маленьким, когда отец ушел от матери, и тетя мальчика приняла всю их семью к себе в дом. Видалу вместе с четырьмя другими детьми пришлось скитаться по съемным квартирам. Но дела шли так плохо, что в конце концов мать отправила Видала и его брата в сиротский приют и только через шесть лет смогла забрать их домой. В подростковом возрасте у мальчика было страстное желание стать футболистом, но мать настояла на том, чтобы он освоил ремесло парикмахера, полагая, что это будет для него более надежной профессией.

«Мне было четырнадцать лет, – рассказывает он, – а в Англии, если вы, конечно, не обладаете особыми привилегиями, это возраст, когда молодой человек заканчивает школу и начинает зарабатывать себе на жизнь. Я стал учеником замечательного человека по имени Адольф Коэн, жившего на Уайтчэпел-роуд. Он был поборником строжайшей дисциплины! Шел 1942 год, война была в самом разгаре. Почти каждую ночь город бомбили – люфтваффе превратили Лондон в ад, но мы, несмотря ни на что, должны были ежедневно приходить на учебу с чистыми ногтями, в брюках с отутюженными стрелками и в отполированных туфлях. Эти два года, проведенные с Адольфом Коэном, помогли мне усвоить на всю жизнь один из самых необходимых принципов: неудобство дисциплины.

После этого я взял на некоторое время тайм-аут, поскольку все еще был не уверен, что хочу стать парикмахером. Ведь моя любовь к футболу никуда не исчезла! В конце концов я принял компромиссное решение – профессия парикмахера сулит общение с симпатичными девушками, да и мать настаивала на этом выборе. Итак, решено. Однако вначале из-за своего акцента кокни я никак не мог найти работу в том месте, что будоражило мое воображение, – где-нибудь в большом салоне красоты лондонского Вест-Энда вроде Raymond's. Так было в те дни».

На протяжении трех лет Видал Сассун брал уроки дикции, чтобы улучшить свое произношение и получить работу в одном из престижных салонов Лондона. Он вспоминает: «Я знал, что нужно было создать собственный имидж, поэтому нашел работу по проведению обучающих занятий в различных салонах красоты по вечерам. Я тратил свои чаевые, чтобы взять билет на автобус до Вест-Энда и пойти в театр. Я успевал на дневной спектакль, видел великих актеров Лоуренса Оливье и Джона Гилгуда, игравших в пьесах Шекспира, и пытался копировать их голоса».

Он регулярно посещал художественные музеи Лондона и начал самостоятельно изучать историю живописи и архитектуры, вдохновляясь их вечной красотой. Далее он вспоминает: «Я действительно считаю, что именно это самообразование помогло мне найти свой путь. Я развивал собственное видение парикмахерского искусства. Формы, возникавшие в моей голове, всегда были геометрическими. Я стремился к проникновению в самую суть, чтобы выделить индивидуальность женщины, а не просто сделать ее «очень хорошенькой». Я знал, что подход к парикмахерскому искусству может быть иным, но понадобились еще девять лет и огромный труд, чтобы разработать ту систему, которую мы используем сегодня в наших салонах».

В 1954 году Видал Сассун вместе с партнером открыл небольшой салон на третьем этаже многоэтажного здания. Здание находилось на Бонд-стрит – одной из самых фешенебельных улиц Лондона. Видал говорит: «Бонд-стрит была для меня чем-то волшебным, потому что находилась в Вест-Энде. Именно там я раньше не мог получить работу. Вест-Энд для меня был символом успеха и означал, что у меня все получится. Я был полон решимости либо изменить подход к парикмахерскому искусству, либо оставить это занятие вообще. Для меня этот подход заключался не в степени пышности прически или прочих мелочах. Это был вопрос принципиально нового видения образа».

В первую неделю своей работы партнеры выручили всего пятьдесят фунтов, однако через два года их бизнес вырос до такой степени, что они смогли переехать в более престижную часть Бонд-стрит и конкурировать с ведущими салонами Лондона.

«В шестидесятые годы Лондон был чудесным местом. Там была невероятная энергетика. Мы не собирались повторять путь наших родителей. Я, например, всегда искал новые способы делать привычные вещи. Все вокруг нас менялось: музыка, одежда, искусство. Поэтому я был убежден – подход к прическе может и должен измениться».

И однажды долгожданный момент настал – внимание Видала привлекло то, чему суждено было изменить и его собственные взгляды, и весь мир парикмахерского искусства. «Как-то в субботу один из наших ребят сушил клиентке волосы и использовал при этом только щетку и сушильный аппарат – без бигуди. Я все выходные думал над этим, а в понедельник спросил у мастера, почему он так делал. Парень ответил, что торопился и не хотел ждать, пока клиентка выйдет из сушилки. «Торопился ты или нет, – сказал я, – но ты кое-что придумал, и мы будем над этим работать». Именно так мы открыли для себя сушку волос при помощи фена».

Революция, которую произвел Видал Сассун в стрижке и укладке волос, изменила как таковую индустрию парикмахерского искусства и внешний вид женщин по всему миру.

«Я всегда мысленно видел формы. Помню, как в 1964 году делал пятиконечную стрижку Грейс Краддингтон, а затем летел с ней в Париж. Я хотел показать эту прическу редакторам модного журнала. Я знал – у нас получилось что-то необычное, но нужно было предварительно понаблюдать за прической, увидеть ее движения и покачивания. Мы руководствовались девизом «Убирать лишнее». Раз за разом снимки наших причесок публиковались в журнале Elle. Вначале редакторы собирались уделить основное внимание кудрям, но им очень понравилось то, что мы сделали. Это привело к дальнейшему росту количества фотосессий и туров. Затем, в 1965 году, меня пригласили вести шоу в Нью-Йорке, проходившее при информационной поддержке прессы. Кажется, там было не менее пяти газет. На следующий день нам предоставили основную полосу в разделе красоты New York Times. Газеты и журналы пестрели изображениями наших геометрических стрижек. Мы сделали это! Мы дали Америке «боб»».

Он открыл свою первую «Школу Видала Сассуна» в Лондоне в 1967 году. Сегодня такие школы работают по всему миру. «Я всегда старался делиться своими знаниями. Наша академия и обучающие центры наполнены творческой энергией. Именно это помогает молодым людям расширить границы своих способностей. Я говорю им: если у вас есть хорошая идея, осуществляйте ее. Попросите совета, убедитесь, что он действительно хорош, а затем идите своим путем. Мы работаем уже давно, а для меня «долголетие – это мимолетное мгновение, которое длится вечно»».

Видал Сассун создал совершенно новый подход к стилю и моде, дал людям свежее представление о красоте. Он не просто пользовался очевидными случаями, но сам создавал миллионы новых возможностей.

Вероятно, наиболее важный фактор для привлечения удачи – упорство. Многие люди, о которых

рассказывается в этой книге, в поисках своего призвания столкнулись с серьезными препятствиями, но сумели их преодолеть при помощи непоколебимого упорства. Один из наиболее ярких примеров – Брэд Здавински.

В девятнадцать лет Брэд увлекался скалолазанием. Ребенком он взбирался на деревья и каменные валуны, а со временем добрался до некоторых высочайших горных пиков Канады. Но однажды, возвращаясь домой после похорон, он уснул за рулем своей машины и упал со скалы высотой почти двести футов.

После этого несчастного случая его тело было полностью парализовано, но в душе он остался альпинистом. Сегодня Брэд вспоминает, что даже в те мучительные минуты, когда, будучи обездвиженным, ждал помощи у подножия скалы, он думал о том, сможет ли парализованный человек заниматься альпинизмом. После восьми месяцев реабилитации Брэд начал общаться с другими альпинистами на тему разработки какого-нибудь приспособления, которое позволило бы ему взобраться на гору. С помощью нескольких приятелей и своего отца Брэду удалось создать механизм с двумя большими колесами сверху и одним, поменьше, снизу. Сидя в таком устройстве, он мог использовать систему шкивов, управляемую при помощи плеч и больших пальцев рук, что позволяло подниматься примерно на фут за одно движение. Этот способ был мучительно медленным, но настойчивость Брэда Здавински была вознаграждена. До травмы его целью было подняться на Ставамус-Чиф – один из крупнейших гранитных монолитов в мире высотой в две тысячи футов. В июле 2005 года он достиг своей цели.

Мы своими руками формируем обстоятельства и реальность собственной жизни. Мы можем изменять их или влиять на них. У людей, которые нашли свое призвание, существенно больше шансов составить четкое представление о своих жизненных целях и найти реальные пути их достижения. Они знают, что личные пристрастия и способности при этом очень важны. Но они знают и то, что наша жизненная позиция, наше отношение к происходящим событиям и к самим себе играют ключевую роль в ответе на вопросы, найдем ли мы свою стихию и останемся ли в ней.

Глава 8

На помощь!

Переболев полиомиелитом, я начал ходить в специальную школу для детей с физическими недостатками. Тогда в Британии это было стандартной процедурой: органы образования переводили всех детей-инвалидов из обычных государственных школ в подобные спецшколы. В возрасте пяти лет мне пришлось ездить на специальном автобусе из нашего рабочего района через весь Ливерпуль в маленькую школу, находившуюся в довольно зажиточном районе. В школе Маргарет Бивен училось около сотни детей в возрасте от пяти до пятнадцати лет. Все они имели различные заболевания – полиомиелит, церебральный паралич, эпилепсию, астму или гидроцефалию – как один из моих лучших друзей в этой школе.

Мы не особенно ощущали физические недостатки друг друга, хотя многие носили ортопедические аппараты, использовали костыли или передвигались в инвалидных колясках. В такой обстановке причины инвалидности каждого из нас не имели большого значения. Как и обычные дети, мы завязывали дружеские отношения исходя из личных качеств друг друга. Один из моих одноклассников страдал церебральным параличом и значительной мышечной спастичностью. Он не владел руками и разговаривал с огромным трудом. Единственный способ, которым ему удавалось писать, был таким: он зажимал карандаш между пальцами ног и ставил ногу на парту. Несмотря на свой недуг, он был веселым и забавным парнем, нужно было лишь привыкнуть к его напряженным усилиям при разговоре и научиться понимать его речь. Мне очень нравилось проводить время в школе. Кстати, мои детские радости и огорчения были такими же, как и у моих братьев и сестры в их «нормальных» школах. Если уж на то пошло, я, кажется, любил свою школу больше, чем они – свои.

Однажды, когда мне было десять лет, к нам на урок пришел незнакомец. Это был хорошо одетый мужчина с добрым лицом и грамотной речью. Он некоторое время беседовал с нашим учителем, который, как мне показалось, отнесся к посетителю очень серьезно и почтительно. Затем наш гость начал ходить по классу и разговаривать с детьми – нас в комнате было около дюжины. Я помню, что тоже немного поговорил с ним, и вскоре незнакомец ушел.

Не помню точно, но, кажется, спустя день или два меня вызвали в кабинет директора. Я постучал – и голос из-за двери пригласил меня войти. В кабинете я увидел рядом с директором того самого человека, который приходил к нам на урок. Он представился как мистер Страффорд. Позже я узнал, что он был членом группы выдающихся государственных деятелей Великобритании – школьных инспекторов Ее Величества,^[47] которых правительство уполномочило представлять независимые отчеты о качестве обучения в школах страны. В ведении мистера Страффорда находились спецшколы северо-запада Англии, включая Ливерпуль.

Между нами состоялась короткая беседа, в ходе которой мистер Страффорд задал мне несколько общих вопросов о том, как у меня идут дела в школе, а также о моих интересах и семье. Несколько дней спустя меня снова вызвали к директору. На этот раз я оказался в другой комнате и встретился с другим человеком, беседа с которым, как я позже понял, представляла собой общий тест на коэффициент интеллекта. Я ясно помню это, потому что во время теста сделал ошибку и очень переживал. Мой собеседник прочел несколько утверждений и попросил их прокомментировать. Одно из них звучало следующим образом: «Ученые в Америке обнаружили череп, который, как они полагают, принадлежал Христофору Колумбу в четырнадцать лет». Он спросил, что я думаю об этом. Я ответил, что находка не

могла быть черепом Христофора Колумба, потому что он не был в Америке в четырнадцатилетнем возрасте.

Выйдя из комнаты, я внезапно понял, какой глупый ответ дал, и вернулся, чтобы сказать своему экзаменатору правильный ответ о том, в чем состоял подвох утверждения. Но из-за двери я услышал, что он разговаривает с кем-то, – и решил не мешать. На следующий день я увидел моего вчерашнего собеседника идущим через спортивную площадку и уже совсем было решился подойти к нему с правильным ответом, но побоялся, что он подумает, будто правильный ответ был накануне вечером подсказан мне папой. Я решил, что исправлять ситуацию будет пустой тратой времени. Пятьдесят лет спустя это все еще беспокоит меня, хотя я понимаю, что давно пора об этом забыть.

Как выяснилось, моя ошибка не оказала значительного влияния на результаты теста. Вскоре после этого меня перевели в другой класс, где учились дети на несколько лет старше меня. Очевидно, мистер Страффорд увидел во мне особо яркий интеллект, который, по его мнению, школа не развивала в полной мере, и убедил директора, что передо мной можно ставить более сложные задачи и я имею все шансы пройти тест, известный в то время как «экзамен для одиннадцатилетних».

В то время в Британии средние школы делились на два типа: средние современные и средние классические. В классических средних школах давали более престижное, академическое образование. Они были прямой дорогой к известным университетам и успешной карьере. Средние современные школы давали детям более прикладное образование, чтобы впоследствии они могли заниматься преимущественно физическим трудом и работать на производстве. Вся эта система служила целям социальной инженерии и была создана, чтобы обеспечивать бесперебойный приток рабочей силы, необходимой для эффективного индустриального развития Великобритании. «Экзамен для одиннадцатилетних» представлял собой серию тестов на коэффициент интеллекта. Они были разработаны для выявления академических способностей, необходимых для дальнейшего обучения в классической средней школе. Успешная сдача этого экзамена для ребенка из рабочей семьи становилась сказочной возможностью подняться по социальной и профессиональной лестнице и шансом избежать пожизненного занятия ручным трудом.

Учительницей в моем новом классе была почтенная мисс Йорк. Это была невысокая женщина лет сорока, добрая по натуре, но имевшая репутацию строгой и требовательной. Некоторые учителя моей школы были весьма невысокого мнения относительно того, чего мы – их ученики – сможем достичь в жизни. Думаю, они полагали, что основная цель «специального образования» была скорее пасторально-гуманитарной, чем практически-интеллектуальной. Но мисс Йорк так не считала. Она ожидала от своих «спецучеников» того же результата, что и от остальных: мы должны были усердно учиться и использовать свои способности по максимуму. Мисс Йорк неустанно занималась со мной математикой, английским языком, историей и многими другими предметами. Периодически она давала мне для тренировки материалы «экзаменов для одиннадцатилетних» за прошлые годы и мотивировала выполнять их на «отлично». Из всех учителей, которых я когда-либо встречал, она произвела на меня самое глубокое впечатление.

И вот наконец день тестирования наступил. Я проходил это испытание вместе с группой детей из моей школы и других спецшкол нашего района. Несколько недель спустя мисс Йорк, мистер Страффорд и я с моими родителями, сгорая от нетерпения, ждали из Ливерпульского комитета образования коричневый конверт с результатами тестов, которые могли изменить всю мою дальнейшую жизнь. Как-то утром в начале лета 1961 года мы услышали стук почтового ящика – и моя мать бегом кинулась к парадной двери. Возбужденная до предела, она внесла письмо в маленькую кухню, где мы как раз завтракали, и протянула мне конверт. Сделав глубокий вдох, я вынул из конверта небольшой сложенный листок бумаги с

напечатанным на нем текстом. Я сдал экзамен.

Мы едва могли в это поверить. Дом был охвачен безудержным ликованием. Я был первым членом семьи, сдавшим этот экзамен, и единственным учеником в школе, который добился успеха в тестировании в том году. С того момента моя жизнь начала развиваться в совершенно ином направлении. Я получил грант на обучение в Ливерпульской школе-колледже, которая была одной из лучших в городе. В мгновение ока я перенесся из специальной школы на высшую ступень образовательной лестницы. Именно там начали формироваться интересы и способности, которые определили мою дальнейшую жизнь.

Чарльз Страффорд стал близким другом нашей семьи и частым гостем в нашем переполненном и обычно кипящем лихорадочной энергией ливерпульском доме. Это был утонченный, культурный человек, одержимый идеей помогать людям в поисках возможностей, которых они заслуживали. Профессиональный педагог, любивший литературу и классическую музыку, он играл на литаврах, пел в хоре и организовывал выступления музыкальных ансамблей в Мерсисайде. Чарльз Страффорд обладал тонким вкусом, знал толк в хороших винах и бренди и жил в прекрасно меблированном и декорированном таунхаусе на севере Англии. Во время Второй мировой войны он в звании майора участвовал в Нормандской кампании.^[48] У Чарльза Страффорда также имелся второй дом в Ранвилле в департаменте Кальвадос на севере Франции, где он стал ключевой фигурой местной французской общины. И сегодня на карте Ранвилла можно найти названную в его честь аллею Чарльза Страффорда. В студенческие годы я неоднократно бывал у него дома и благодаря стараниям этого человека стал вхож в местное общество, познакомился с прелестями французской кухни и кальвадосом, за что был весьма ему признателен.

Для меня Чарльз Страффорд стал проводником в другой мир. Его активная практическая помощь облегчила начало моей эволюции. Он сделал фактически безболезненным мой путь от второсортного специального образования до того, что стало страстью всей моей жизни, – работы в области полномасштабных образовательных реформ. Этот человек стал для меня примером, благодаря которому я научился видеть потенциал в других людях и создавать возможности, позволяющие выявлять их истинные способности. Если не считать моих родителей, Чарльз Страффорд стал моим первым настоящим наставником и своим примером продемонстрировал значение и роль учителя в поиске своей стихии.

Связь, изменившая жизнь

Для того чтобы найти свою стихию, нам часто требуются помощь и руководство других людей. Иногда такую поддержку мы можем получить от человека, который видит в нас нечто такое, чего мы сами не замечаем. Именно так произошло в случае с Джиллиан Линн. Порой эта поддержка приходит к нам в лице человека, способствующего проявлению наших лучших способностей, как это произошло с Мэг Райан. Для нее таким человеком стала Пегги Фури. В моем же случае Чарльз Страффорд понял, что я смогу реализовать свой потенциал лишь в том случае, если педагоги все время будут ставить передо мной все более сложные задачи. И он предпринял необходимые шаги для того, чтобы это произошло.

В то время я еще не знал, что человек, который впоследствии большую часть моей взрослой жизни будет моим наставником, в детстве тоже учился в одной из ливерпульских школ всего в нескольких милях от меня. Я встретил Терри несколько лет спустя, когда мне было уже под тридцать и я жил и работал в Лондоне. Я на неделю вернулся в Ливерпуль, чтобы провести курс лекций для педагогов. Терри преподавала драму в неблагополучном, бедном районе города. Между нами мгновенно установилась связь, которая не имела абсолютно никакого отношения ни к преподаванию, ни к образованию, ни к призванию, – и с тех пор мы были вместе. Она один из лучших наставников среди всех, кого я знаю, – и не только для меня, но и для моей семьи, наших друзей и многих ее коллег. Терри интуитивно чувствует силу и важность наставничества, потому что в свое время оно сыграло очень важную роль в ее собственной жизни. В то время, когда рядом со мной был Чарльз, у нее в детстве тоже был свой наставник. Вот как она рассказывает об этом:

«Я ходила в католическую школу для девочек, которая находилась под патронажем ордена монахинь, известных как Сестры милосердия, – и это было, наверно, самое ошибочное наименование из всех, когда-либо существовавших. На улице вовсю бушевали «свингующие шестидесятые», но мы не занимались свингом – мы много молились. Лично я молилась о том, чтобы сбежать. К тому времени, как мне исполнилось семнадцать, моим единственным стремлением было уйти из дома, покинуть пригороды и побыстрее оказаться среди сверкающих огней Лондона. Оттуда я планировала перебраться в Америку и выйти замуж за Элвиса Пресли.

Моя учеба была цепью позорных провалов, но мне нравилось играть на сцене и читать. Затем, в последний год моего обучения в школе, у меня впервые появилась вдохновившая меня учительница английского языка, сестра Мэри Колумба, крошечная молодая женщина, горячо любившая педагогику и поэзию Уильяма Йетса. На первом же занятии она попросила меня прочесть перед классом стихотворение. Пока я читала, у меня шевелились волосы на затылке. До сих пор я не знала ничего более прекрасного и более мощного по силе воздействия:[\[49\]](#)

Владей небесной я парчой
Из золота и серебра,
Рассветной и ночной парчой
Из дымки, мглы и серебра,
Перед тобой бы расстелил,
Но у меня одни мечты.
Свои мечты я расстелил;
Не растопчи мои мечты.

Впервые я действительно захотела узнать больше, и на протяжении последующих двух лет я открыла для себя и горячо полюбила Диккенса, Форстера, Уилфреда Оуэна, Шекспира и Синга. У нас был небольшой класс, и все мы активно работали на уроках сестры Мэри Колумба. Благодаря тому, что она всячески

поощряла мое литературное творчество, я, стараясь изо всех сил, смогла соперничать с другими учениками в интеллектуальном плане и блистать своими знаниями.

Любимые книги открыли передо мной мир безграничных возможностей. Кроме того, меня просто поражала степень открытости мышления сестры Мэри Колумба. В конце концов, она была католической монахиней, а мы на ее уроках свободно обсуждали вопросы любви, секса и оккультизма. У нас не было запретных тем. Мы могли часами рассматривать любую затронутую тему – от Эдипова комплекса в «Кориолане» до проблемы неверности в «Говардс Энд».^[50] Для девочки, почти не выезжавшей из Ливерпуля, это было пьянящей свободой.

В том памятном году я стала лучшей ученицей своей наставницы и получила высший балл на экзамене по английскому языку. По ее совету я продолжила изучение драмы и литературы в колледже. С тех пор я никогда не сомневалась в своей способности к дискуссии. В писателях, чьи книги мы изучали, я нашла друзей на всю жизнь и знаю, что без моей великолепной учительницы я до сих пор мечтала бы об Элвисе».

Чаще всего наставники сами появляются в жизни людей в благоприятные для этого моменты. Но иногда, как мы видели на примере Эрика Дрекслера и Марвина Мински, «наставляемые» принимают активное участие в выборе своих учителей. Уоррен Баффет, человек, который сам вдохновил легионы инвесторов, называет своим наставником Бенджамина Грэма^[51] (известного как отца методики анализа рынка ценных бумаг). Грэм был преподавателем Баффета в Колумбийском университете, и юный Уоррен оказался единственным, кому неумолимый экзаменатор поставил высший балл за все двадцать два года своей преподавательской деятельности, а затем предложил работу в своей инвестиционной компании. Баффет проработал в компании Грэма несколько лет, до тех пор, пока не возглавил свою собственную. Роджер Ловенстайн в своей книге «Buffet: The Making of an American Capitalist» пишет: «Бен Грэм открыл перед Баффетом дверь и сделал это таким способом, который нашел отклик в душе начинающего экономиста. Он дал Баффету инструменты для исследования возможностей рынка, а также подход, который более всего соответствовал характеру его студента. Взяв на вооружение методы учителя, Баффет смог проигнорировать мнение авторитетов и использовать свои природные таланты. Вдохновленный характером Грэма, он смог выработать свою фирменную уверенность».

Певец Рэй Чарльз в совершенно иной сфере деятельности стал путеводной звездой для многих людей благодаря своему замечательному музыкальному таланту и способности преодолевать трудности. Однако история Чарльза начинается встречей с наставником, который научил его черпать из благословенного источника музыки, находящегося глубоко внутри самого человека.

В интервью для Harvard Mentoring Project, размещенном на WhoMentoredYou.org, Чарльз вспоминает: «Уайли Питмен был влюблен в джаз. Я хочу сказать, что если бы не он, то сегодня я вряд ли был бы музыкантом. Уайли жил по соседству с нами. У него было небольшое кафе и универсальный магазин, в котором стояло пианино. Каждый день в два или три часа дня Уайли начинал играть. Мне было всего три года, и – не знаю почему – я ужасно любил этого человека, его пианино и его музыку. Он играл буги-вуги – и это было замечательно. Когда Уайли садился за пианино и начинал играть эти буги-вуги – я прекращал свои детские игры, забывал обо всех приятелях во дворе, уходил от них в магазин, садился рядом с пианино и слушал, как он играет.

Время от времени я начинал бить по клавишам кулаками, и наконец Уайли сказал: «Слушай, малыш, если ты так любишь музыку, не нужно бить по клавишам кулаками». Он знал, как сильно я люблю музыку – ведь с первыми звуками его пианино я всегда бросал все свои детские дела и бежал его слушать.

Именно он начал учить меня играть на своем пианино простые мелодии одним пальцем. Сегодня я понимаю, что Уайли мог сказать: «Малыш, уходи отсюда, разве ты не видишь, что я играю?» Но он этого не

сделал. Он нашел для меня время. Он как-то сумел почувствовать сердцем: этот ребенок невероятно любит музыку – и я сделаю все, что смогу, лишь бы он научился играть».

Мэриан Райт Эдельман, основательница и президент Фонда защиты детей, нашла своего наставника во время учебы в колледже Спэлмана. Мэриан описывает это место как «солидный женский колледж, готовивший благонадежных молодых женщин, которые выходили замуж за мужчин из Морхауза, вместе с ними воспитывали детей и никогда не поднимали шума». Такая жизнь ждала и ее, но во время обучения она познакомилась с профессором Говардом Зинном. Стоит вспомнить, что действие происходило на Юге конца 1950-х, и Зинн считал важным призывать студентов активно участвовать в борьбе за свои гражданские права.

Вдохновленная Зинном, Эдельман приняла участие в новом движении за гражданские права, которое стало первой ласточкой общенационального протеста. Ее важная роль поборницы перемен и справедливости и колоссальный труд во имя детей на протяжении более трех десятилетий стали возможны благодаря наставничеству Говарда Зинна.

Я узнал об историях Рэя Чарльза и Мэриан Эдельман, когда читал о Национальном месяце наставничества – кампании, организованной в рамках проекта Harvard Mentoring Project совместными усилиями Гарвардской школы общественного здравоохранения, организации MENTOR/ National Mentoring Partnership и Корпорации национальных и местных добровольческих программ. В числе спонсоров этой кампании (которая по состоянию на январь 2009 года продолжается уже восемь лет) многие крупные корпорации. Кроме того, многие крупные СМИ являются ее постоянными информационными партнерами. Они делают всевозможное в поддержку этой кампании – от публикации бесплатных объявлений о программе на суммы в сотни миллионов долларов до размещения историй о наставничестве в сюжетах своих телевизионных шоу.

Национальная некоммерческая организация Public / Private Ventures, цель деятельности которой – повышение «эффективности социальной политики, программ и местных инициатив, особенно в том, что касается молодежи», провела важное исследование влияния наставничества. Программа стартовала в 2004 году, и в ходе ее реализации случайным образом были отобраны 1100 учащихся с четвертого по девятый класс из более чем семидесяти школ по всей стране. К каждому ученику был прикреплен доброволец из организации Big Brothers Big Sisters of America.^[52] Данное исследование позволило сделать некоторые впечатляющие выводы о значимости наставничества. Школьники, к которым были прикреплены наставники, продемонстрировали общий рост академической успеваемости, качества работы в классе и подготовки домашнего задания. Кроме того, у них стали реже возникать серьезные проблемы в школе и снизилось число прогулов.

Приятно было увидеть такие результаты, но они меня ничуть не удивили. У многих детей, вероятно, дела в школе пошли лучше, но по простой причине – они были благодарны за то, что кто-то проявил к ним интерес. Это очень важный момент, и я вернусь к нему позже, когда буду рассматривать вопросы и задачи, связанные с образованием.

Хорошее наставничество как минимум поднимает самооценку и придает жизни смысл. Но оно начинает играть совершенно особую и более значимую роль в жизни человека, когда помогает направить или вдохновить его на поиск своего призвания. Что увидел психолог в Джиллиан Линн или Уайли Питмен – в Рэе Чарльзе? Думаю, они рассмотрели в этих детях потенциальное желание и возможность помочь другому человеку найти путь к получению удовлетворения от жизни. Что увидел Говард Зинн в Мэриан Райт Эдельман или Бен Грэм – в Уоррене Баффете? Предполагаю, что редкий талант, который при должном развитии мог превратиться в нечто экстраординарное. Когда наставники выполняют эту функцию – либо освещают путь в новый мир, либо раздувают искры интереса до настоящей страсти, – они делают великое

дело.

Роли наставников

Наставники приходят в нашу жизнь на определенное время и оказывают влияние на нашу судьбу самыми различными способами. Некоторые десятилетиями идут рядом с нами по жизни – и тогда наши взаимоотношения из модели «учитель-ученик» постепенно перерастают в близкую дружбу. Другие появляются в нашей жизни только в критический момент, остаются рядом на время, необходимое для того, чтобы сыграть жизненно важную роль, а затем исчезают. Но вне зависимости от этого наставники выполняют в нашей жизни абсолютно конкретные функции. Я выделил бы четыре таких функции. Кто-то из наставников может исполнить в жизни своего ученика все четыре функции, а кто-то одну. Но все они в равной мере значимы для ученика в поиске своего призвания.

Первая функция – это *признание*. В моей жизни эту функцию выполнил Чарльз Страффорд, обнаружив во мне способности, не замеченные другими учителями. Один из основополагающих принципов призвания – уникальное разнообразие наших талантов и способностей. Мы уже упоминали в этой книге о тестах, цель которых – дать людям общее представление о своих сильных и слабых сторонах на основе серии стандартизированных вопросов. Однако почувствовать в человеке какой-либо талант крайне сложно, и ни один тест не сможет оценить все тонкости и нюансы многогранной личности.

Как правило, почти у каждого из нас есть общие способности к музыке, танцу или науке, но чаще всего уникальный талант человека следует искать в более узкой области внутри какой-либо сферы деятельности. У него может быть настоящий дар к определенному стилю музыки или к игре на конкретном музыкальном инструменте. Например, именно на гитаре, а не на скрипке. И только на акустической, а не на электрогитаре. Насколько я знаю, не существует ни одного теста, ни одной компьютерной программы, которые могли бы выявить подобные тончайшие оттенки личных предпочтений, отличающие простой интерес от потенциальной горячей страсти. Наставник, который уже нашел свое призвание и обладает должным опытом, как раз может это сделать. Наставник замечает малейшие вспышки интереса и удовольствия и может помочь ученику выявить конкретные нюансы в той или иной сфере деятельности, которая более всего соответствует его способностям и предпочтениям.

Лу Ароника, соавтор этой книги, провел первые двадцать лет своей профессиональной жизни, работая на книгоиздателей. Его карьерным стартом после окончания колледжа стала компания Bantam Books – одно из крупнейших нью-йоркских издательств. Вскоре после своего прихода в издательство он заметил высохшего, морщинистого, похожего на гнома человека, слоняющегося по коридорам. Казалось, у него не было никакой постоянной работы, но все оказывали ему глубочайшее почтение. В конце концов Лу поинтересовался, кто этот человек, и узнал, что это Иэн Баллантайн, который не только основал Bantam Books, а позже – Ballantine Books, но и впервые в 1940-х годах начал издавать в США книги в мягком переплете. В течение следующих нескольких лет Лу множество раз встречал Баллантайна в коридоре, вежливо кивал ему и чувствовал легкий испуг от присутствия человека, который был такой легендарной личностью в выбранной им профессии.

Затем Лу получил первую «настоящую» работу в Bantam – должность в издательском отделе, пытавшемся совместить программы издания научной фантастики и фэнтези. Прошло некоторое время – Лу усердно трудился. Однажды он сидел за своим рабочим столом, когда в помещение неторопливо вошел сам Иэн Баллантайн и сел перед ним на стул, что уже само по себе было для Лу довольно неожиданно. Однако в следующие несколько минут он был просто ошеломлен. «У Иэна была особая манера говорить, – рассказывал Лу. – Возникало такое чувство, что каждая его мысль – жемчужина, но он настолько любил ходить вокруг да около, что казалось, будто эта жемчужина находится в устричной раковине». По мере того как Баллантайн продолжал говорить, изумление Лу все возрастало. Становилось ясно, что легенда

книгоиздания Иэн Баллантайн хочет взять его под свое крыло. «Он не говорил прямо: «Слушай, я буду твоим наставником». Нет, конечно, подобных официальных заявлений он не делал, но сказал, что был бы рад заходить ко мне время от времени. Я ясно дал ему понять, что он может заходить в любое время, а я буду счастлив пройти полмира, чтобы с ним увидеться, если он не захочет прийти сам».

В последующие годы Иэн и Лу проводили много времени вместе. Баллантайн многое рассказал своему ученику об истории и, что еще более важно, о философии книгопечатания. Один из уроков, преподанных ему Баллантайном, состоял в следующем: «когда все идут одним путем, иди другим». Он хотел этим сказать, что часто кратчайший путь к успеху лежит против течения. Это затронуло в душе Лу особую струну. «С тех пор как я начал возвращаться в этой сфере, я все время слышал о «традициях» книгоиздания. Казалось, здесь существует множество правил, регламентирующих, что вы можете и чего не можете делать. Я не видел в них особого смысла, потому что читатели не читают по этим правилам. Иэн тоже в них не верил и добился гораздо большего успеха, чем люди, рассуждавшие о них. Именно тогда я решил, что сам стану издателем и буду публиковать книги, которые люблю, бросая «правилам» лишь небрежный кивок».

Такой подход сослужил Лу хорошую службу. К двадцати шести годам он уже приобрел опыт издания первой книги и стал заместителем издателя в Bantam, а затем издателем в Berkley Book и Avon Books, прежде чем сам занялся литературной деятельностью. Еще до того, как его отметил своим вниманием Иэн Баллантайн, Лу знал, что хочет сделать карьеру в книгоиздательском бизнесе. Баллантайн не только научил его тонкостям своего дела, но и помог ученику выявить конкретную область книгоиздания, которая и помогла ему найти свое подлинное призвание.

Вторая функция наставника – это *поощрение*. Наставники помогают нам поверить в свои силы. Они убеждают нас в том, что мы можем все, каким бы невероятным или невозможным нам это ни казалось до встречи со своими учителями. Они не позволяют нам слишком долго сомневаться в себе или считать свои мечты нереальными. Они находятся рядом, чтобы напоминать нам о том, что мы уже умеем и чего можем достичь, если продолжим усердно трудиться.

Когда Джеки Робинсон начал играть в бейсбольной высшей лиге в Бруклине за «Доджерс», он подвергся травле и нападкам, не уступающим по накалу страстей греческой трагедии. Нашлось немало тех, кто считал, что чернокожий не должен играть в лиге белых. Робинсон стойко выдерживал издевки, но в какой-то момент все зашло настолько далеко, что он с трудом мог играть. Насмешки и угрозы настолько мешали ему сосредоточиться, что он стал неуверенно действовать на поле. После одного особенно неудачного момента Пи Уи Риз, шортстоп [\[53\]](#) «Доджерс», попросил тайм-аут, подошел к Робинсону и подбодрил его, сказав, что он великий игрок, заслуживающий места в Зале почета. Годы спустя, на церемонии, посвященной внесению имени Робинсона в список Зала почета, сам спортсмен вспоминал именно об этом случае. «В тот день он спас мою жизнь и мою карьеру, – сказал он с трибуны в Куперстауне. – Я потерял уверенность в себе, а слова поощрения Пи Уи подняли мой дух. Он вернул мне надежду, когда – казалось – все шансы на нее были потеряны».

Третья функция наставника – это *содействие*. Наставники помогают нам найти путь к своему призванию, давая нужные и своевременные советы, которые облегчают этот поиск. Они даже позволяют нам ошибаться, находясь при этом рядом, чтобы помочь ученику вновь воспрянуть духом и извлечь уроки из собственных ошибок. Наставники могут быть даже нашими ровесниками, как это произошло с Полом Маккартни.

«Я помню, как однажды в выходные мы с Джоном поехали на автобусе в другой конец города, чтобы встретиться с кем-то, кто умел играть аккорд B7 на гитаре, – рассказал мне Пол. – Тремя основными аккордами, которые нужно было знать, были E, A и B7. Мы не знали, как играть B7, а тот парень знал.

Поэтому мы сели в автобус, приехали к нему и научились играть этот аккорд. Теперь мы тоже могли делать это. Я считаю правильным, что приятели учат друг друга каким-то вещам, например, как в нашем случае – играть определенные ритмические фигуры. Я помню, как однажды вечером смотрел телешоу под названием Oh Boy. Там Клифф Ричардс и Shadows играли Move It. В песне был чудесный музыкальный отрывок, который мне очень понравился, но я не знал, как его играть. Какое-то время спустя у меня все получилось – и я примчался домой к Джону с криком «Я понял! Я понял!». Таким был наш единственный способ обучения – учить своего друга тому, чему научился сам.

Сначала мы просто подражали всем подряд. Я был Литлом Ричардом и Элвисом. Джон изображал Джерри Ли Льюиса и Чака Берри. Иногда я бывал Филом из Everly Brothers, а Джон примерял на себя роль Дона. Мы просто копировали разных музыкантов и учились друг у друга. Кстати, много лет спустя, планируя деятельность Ливерпульского института исполнительских искусств, мы считали очень важным тот факт, что студентам необходимо встречаться с людьми, достигшими определенных высот в избранной ими профессии. Таким людям на самом деле не нужно много рассказывать, достаточно показать, что они делают».

Четвертая функция наставника – это *расширение наших возможностей*. Хорошие наставники помогают преодолевать то, что мы считали своим «потолком». Они не позволяют нам поддаваться неуверенности в себе и добиваться в жизни меньшего, чем мы могли бы. Истинный наставник всегда напоминает ученику, что его целью никогда не должны быть средние показатели.

Джеймс Эрл Джонс известен как выдающийся актер и один из величайших «голосов» современной кинематографии. Однако у нас был шанс никогда не услышать его. Можно лишь догадываться, как бы звучал голос Дарта Вейдера, [\[54\]](#) если бы в жизни Джонса не появился Дональд Крауч.

В детстве Джонс страдал от недостатка уверенности в себе, в основном из-за своего заикания, и ему было очень трудно выступать перед людьми. В старших классах преподавателем английского языка в классе Джонса стал Дональд Крауч, бывший университетский профессор, работавший с Робертом Фростом. [\[55\]](#) Крауч узнал, что Джонс пишет стихи, о чем мальчик никому не рассказывал, боясь насмешек одноклассников. «Он спросил меня, почему, если мне так нравятся эти слова, я не могу произнести их вслух», – рассказывает Джонс в книге «The Person Who Changed My Life: Prominent Americans Recall Their Mentors».

«Однажды я показал ему написанное мною стихотворение, и Крауч сказал, что оно слишком хорошо, чтобы быть моим сочинением, и я, вероятно, позаимствовал его у кого-то. Убедить учителя в том, что это не плагиат, я мог единственным способом: он хотел, чтобы я рассказал стихотворение наизусть перед всем классом. Я сделал так, как он просил, прочел все стихотворение без заикания, и с тех пор мне пришлось больше писать и говорить. Этот случай оказал на меня огромное влияние. Когда я понял, что могу без проблем выражать свои мысли вслух, моя уверенность в собственных силах возросла.

Наш последний урок в школе мы проводили во дворе на лужайке, и профессор Крауч подарил мне экземпляр очерка Ральфа Эмерсона [\[56\]](#) «О доверии к себе». Для меня это было бесценным даром, потому что подводило итог главному, чему он научил меня, – доверию к себе. Влияние Дональда Крауча на меня было настолько глубоким, что оказало влияние на все сферы моей жизни. Именно благодаря ему я стал актером».

Наставники играют неоценимую роль, помогая людям в поисках своего призвания. Возможно, будет преувеличением утверждать, что найти свою стихию можно лишь с помощью наставника, но это лишь незначительное преувеличение. Все мы в поиске своего призвания сталкиваемся с многочисленными помехами и препятствиями. Без знающего проводника, который поможет выявить наши склонности, поощрит развитие наших интересов, облегчит выполнение наших задач и побудит нас использовать свои

способности по максимуму, этот путь становится гораздо сложнее.

Разумеется, наставничество – это двусторонний процесс. Важно иметь наставника в своей жизни, но не менее важно сыграть такую же роль в жизни других людей. Возможно даже, что при этом вы найдете свое истинное призвание в наставничестве.

Энтони Роббинс – один из наиболее успешных в мире личных консультантов и наставников. Его часто называют человеком, заложившим основы профессии личного консультанта. Эта сфера бурными темпами развивается по всему миру и уже превратилась в многомиллионную индустрию. Все это красноречиво свидетельствует о растущей потребности в наставничестве и личном консультировании, об их важной роли в жизни многих людей. В свою очередь, все больше людей понимают, что для них быть наставником – означает обрести свою стихию.

Так произошло и с Дэвидом Нейлсом. Наставником Дэвида стал его сосед мистер Клоусон, автор множества успешных изобретений. Когда Дэвид был ребенком, он часто приходил в гости к соседу, заставляя его за работой. Вместо того чтобы прогнать ребенка, Клоусон просил у него совета и критических замечаний по поводу своей работы. Такой стиль общения давал мальчику ощущение собственной значимости и понимание того, что его мнение важно. Став взрослым, Нейлс создал «Международную программу теленаставничества» (International Telementor Program) – организацию, которая облегчает процесс общения между профессионалами-наставниками и их учениками при помощи электронных средств коммуникации. С 1995 года эта программа помогла более чем 15 000 студентов по всему миру получить профессиональную помощь от своих наставников. Дэвид Нейлс действительно сделал наставничество делом своей жизни.

Больше чем герои

Я уверен, что некоторые упомянутые в моей книге наставники, в том числе и многие сотрудники организации Big Brothers Big Sisters, стали героями для своих учеников. У всех нас есть свои личные герои. Ими могут быть родители, учителя, тренеры, коллеги, одноклассники или даже люди, с которыми мы никогда не встречались, но они поразили наше воображение своими делами. Мы считаем героем Ленса Армстронга, который преодолел смертельно опасную болезнь и достиг больших успехов в спорте, требующем высоких физических нагрузок. Мы преклоняемся перед мужеством Нельсона Манделы, видя его ключевую роль в искоренении апартеида в Южной Африке. Кроме того, мы всегда ассоциируем людей с их героическими поступками: Розу Паркс – с ее триумфальным протестом против расовой нетерпимости, Нейла Армстронга – с его первым шагом по поверхности Луны.

Эти люди вдохновляют нас и заставляют восхищаться безграничностью человеческого потенциала. Они открывают нам глаза на новые возможности и зажигают в нас смелые устремления. Они могут даже вызвать в нас желание последовать их примеру, побуждая посвятить себя государственной службе, научным исследованиям, разрушению барьеров или борьбе с несправедливостью. В этом смысле функция таких героев аналогична функции наставников.

И все же роль наставников в поисках своего призвания несколько шире. Герои могут находиться далеко от нас и быть недоступны для общения. Они могут жить в другом мире или, пройдя свой жизненный путь, оставаться только в человеческой памяти. Возможная встреча с героем станет бессмысленна, если мы, охваченные благоговением, не найдем в себе сил нормально с ним пообщаться. К тому же герои далеко не всегда оказываются для нас хорошими наставниками. Они могут соперничать с нами или вообще отказаться от общения. Наставники ведут себя иначе. Они занимают уникальное место в нашей личной жизни, открывают перед нами таинственные двери и лично сопровождают нас на нашем пути. Они подсказывают нам дальнейшие шаги и побуждают их сделать.

Глава 9

А может, уже слишком поздно?

Сьюзен Джефферс – автор книги «Бойся... но действуй! Как превратить страх из врага в союзника» и многих других бестселлеров – начала свою писательскую карьеру, когда ей было уже далеко за сорок. И грандиозный успех книг Сьюзен – прямое доказательство того, что это у нее получается замечательно.

Ребенком Сьюзен любила читать. Для нее лучшим временем в течение дня бывали именно те минуты, когда она могла свернуться клубочком в обнимку с книжкой в тишине своей комнаты. «Я всегда была любопытной, а мой отец отлично умел объяснять. Иногда он вдавался в такие подробности, что у меня глаза лезли на лоб. Помню, как однажды я услышала по радио слово, значение которого не поняла. Это было слово «обрезание». Поверьте, его объяснение не отличалось лаконичностью! Отец объяснял как настоящий учитель. Думаю, он просто не разглядел своего призвания. Он всегда хотел иметь сына, а потому обращался со мной как с мальчишкой. В детстве мне пришлось участвовать в приличном количестве состязаний по борьбе!».

Сьюзен поступила в колледж, где встретила своего будущего первого мужа. Вскоре после замужества она забеременела первым из своих двоих детей и бросила учебу. Проведя четыре года дома, Сьюзен решила, что ей нужно продолжить учебу в колледже. Это решение заставило ее изрядно поволноваться. «Годы, проведенные дома, поколебали мою уверенность в себе, и я сомневалась, все ли у меня получится». Наконец Сьюзен вернулась в колледж и даже окончила его с отличием. Узнав о том, что удостоена такой чести, она начала звонить всем своим знакомым. «Наконец я бросила трубку и заплакала, потому что поняла – единственным человеком, с которым я хотела поговорить, был мой отец, который умер несколькими годами ранее. Он бы так гордился мной».

Поощряемая одним из преподавателей, Сьюзен поступила в аспирантуру и получила степень доктора психологических наук. Затем, после цепи неожиданных событий, ей была предложена должность исполнительного директора больницы Floating Hospital в Нью-Йорке. Вначале Сьюзен колебалась – ее смущала огромная ответственность. Она не была уверена, что справится, но в конце концов согласилась.

К тому времени в семье молодой женщины начались проблемы, и она подала на развод. Это был сложный период для Сьюзен. «Мне не помогла даже степень доктора психологических наук. Хотя моя работа оплачивалась так, как я и мечтать не могла, я была несчастна. Вскоре я устала от жалости к самой себе и поняла, что мне нужно найти новый способ «существования» в мире. Именно тогда и началось мое духовное путешествие».

За десять лет руководства Floating Hospital Сьюзен превратилась, по ее собственным словам, в «фанатку семинаров».

В свободное время она изучала восточную философию, посещала всевозможные семинары по личностному росту и практикам «Новой эры».^[57] Она вспоминает этот период так: «Я поняла, что причиной моей «психологии жертвы» и негативного отношения к жизни был страх. Он мешал мне принять на себя ответственность за все происходящее в моей жизни и стать по-настоящему любящим человеком. Постепенно я поняла, как преодолевать страх и превращать собственную слабость в силу. Осознав это, я почувствовала такую силу, которой никогда не ощущала раньше».

Однажды, работая, как обычно, в своем кабинете, Сьюзен поймала себя на желании отправиться в Нью-Йоркскую школу социальных исследований, где она никогда не была раньше. Сьюзен училась

доверять своей интуиции, а потому решила проверить, что из этого выйдет. «Я подумала, что они могут проводить семинары, на которые мне нужно сходить. Придя туда, я посмотрела на указатели и заметила, что один из них ведет к отделу управления персоналом, и это показалось весьма созвучным моим интересам. Я направилась туда. В приемной никого не было. Затем женский голос из кабинета справа от меня спросил: «Могу ли я вам чем-нибудь помочь?» Я вошла туда и выпалила: «Я пришла, чтобы вести семинары по борьбе со страхом». Понятия не имею, почему я это сказала! Женщина ошеломленно посмотрела на меня и проговорила: «Боже мой, а я как раз искала человека, который мог бы провести такие семинары, и сегодня последний день, чтобы внести это в план, а мне нужно уходить через пятнадцать минут». Удовлетворенная моей квалификацией, она сказала: «Быстро напишите название курса и его краткое описание в семьдесят пять слов». Не раздумывая ни секунды, я озаглавила курс «Бойся... но действуй!» и написала его краткое содержание. Чрезвычайно довольная сотрудница отдела персонала положила написанную мной справку на стол своего помощника с запиской, в которой просила включить этот курс в учебный план. Затем рассыпалась в благодарностях и быстро ушла. Оставшись одна, я стояла и думала: «Что такое только что произошло?» Я твердо верю в закон притяжения, но это было просто уму непостижимо».

Сьюзен нервничала, проводя первое занятие своего трехмесячного курса. Два часа прошли благополучно, но затем ее охватил новый страх. «Я думала: «Ну вот. Это все, что я знаю по этой теме. Чему я буду учить их на следующей неделе? А потом еще на десяти занятиях?» Но каждую неделю я находила все новые и новые темы для бесед со своей аудиторией. И моя уверенность в себе росла. Я поняла, что за все эти годы многое узнала о преодолении страха. И мои студенты впитывали это как губки. В конечном итоге они были поражены тем, как изменение способа мышления по-настоящему изменило их жизни. Преподавание этого курса убедило меня в том, что методы, преобразившие мою жизнь, могут повлиять на жизнь любого человека вне зависимости от его возраста, пола или происхождения».

В конце концов Сьюзен решила написать книгу на основе разработанного ею курса – и столкнулась с множеством препятствий. Сменив четырех агентов и получив пятнадцать отказов от различных издательств, она неохотно убрала свой проект в ящик стола. В одном из худших писем с отказом, которые она получила, было написано: «Принцесса Диана могла бы голой раскатывать по улицам на велосипеде и раздавать эту книгу – и все равно ее никто не стал бы читать!»

В это время она решила уйти из Floating Hospital и серьезно заняться литературной деятельностью. «Помню, как однажды вечером я ехала в такси. Водитель спросил, чем я занимаюсь. И я неожиданно для самой себя ответила: «Я писательница». Думаю, что до того момента я воспринимала себя скорее как психолога или администратора, но теперь все изменилось. Я была писательницей».

После этого Сьюзен начала писать статьи для журналов. Прошло еще три года. Как-то она разбирала ящик, где лежал переживший столько отказов план ее книги. «Я достала его и почувствовала, что держу в руках книгу, которую необходимо прочесть многим людям. Поэтому я задалась целью найти издательство, которое поверило бы в мою книгу так же, как и я сама. И на этот раз у меня все получилось так, как я и мечтать не могла».

Книга «Бойся... но действуй! Как превратить страх из врага в союзника» разошлась миллионными тиражами. Она продается в сотне стран и переведена более чем на тридцать пять языков. Позже Сьюзен написала еще семнадцать книг, которые тоже были востребованы читателями в разных странах мира. Сьюзен действительно оказалась настоящим писателем: лондонская Times даже назвала ее «королевой самопомощи». Сегодня Сьюзен часто приглашают для выступлений перед публикой; Сьюзен постоянный гость многих международных радиопередач и телешоу. О своей книге «Бойся... но действуй! Как превратить страх из врага в союзника» Сьюзен говорит: «На мою электронную почту приходят письма со

всего мира, в которых люди рассказывают, как моя книга помогла им в жизни. Некоторые даже говорят, что она *спасла* им жизнь. Я так счастлива, что не отказалась от идеи издать эту книгу. Мой отец действительно гордился бы мной».

Поезд ушел?

Мы все знаем людей, которые чувствуют, что заперты в своей жизни, точно в клетке. Они искренне хотят делать что-нибудь более значительное, приносящее настоящее удовлетворение. Однако в возрасте тридцати девяти, пятидесяти двух или, к примеру, шестидесяти трех лет эти люди внезапно осознают, что все шансы упущены. Возможно, вы тоже чувствуете, что уже слишком поздно и нереально направить жизнь в новое русло. Может быть, вам кажется, что вы упустили единственную возможность исполнить свое заветное желание (например, вследствие одного из тех препятствий, которые мы рассматривали ранее). Может быть, вам не доставало уверенности, чтобы заняться любимым делом раньше, а сейчас вы считаете, что время безвозвратно ушло.

Существуют многочисленные доказательства того, что возможности для обретения своего призвания возникают в нашей жизни чаще, чем многие предполагают. При написании этой книги мы встретились буквально с сотнями примеров людей, которые занялись любимым делом в достаточно позднем возрасте. Например, Харриет Доеерр, автор бестселлеров, начала проявлять интерес к литературной деятельности лишь после того, как вырастила своих детей. В возрасте шестидесяти пяти лет она вернулась в колледж и получила диплом историка. Однако курсы писательского мастерства, которые она посещала параллельно с учебой, помогли вывести ее способности прозаика на новый уровень – и в конце концов Харриет приняла участие в Stanford's Creative Writing Program.^[58] Свой первый роман *Stones for Ibarra* она опубликовала в 1983 году, когда ей исполнилось семьдесят три года.

Хотя Пол Поттс был более чем в два раза моложе Харриет, к своим тридцати шести годам он, казалось, безнадежно погряз в мрачной жизни, полной неудовлетворенности и утраченных иллюзий. Пол всегда знал, что имеет хороший голос, и раньше даже занимался оперным пением. Однако авария при поездке на мотоцикле положила конец его мечтам об оперной сцене. Вместо этого он стал продавцом мобильных телефонов в Южном Уэльсе и всю жизнь продолжал бороться с неуверенностью в себе. Однажды он услышал о готовящемся прослушивании для конкурса новых талантов в телешоу Britain's Got Talent, которое было создано Саймоном Кауэллом, известным по шоу American Idol. Это был редкий шанс – Пол получил возможность исполнить арию *Nessun Dorma* из оперы Пуччини на национальном телевидении. Его прекрасный голос произвел фурор, один из членов жюри даже заплакал. За несколько недель Поттс стал международной сенсацией – размещенное на YouTube видео с записью его первого выступления зрители скачивали с сайта более восемнадцати миллионов раз. Наконец он выиграл конкурс и получил возможность спеть перед королевой Великобритании. Потеря сотрудника для компании Carphone Warehouse обернулась выигрышем для фанатов оперы по всему миру, когда Поттс в конце 2007 года выпустил свой первый альбом *One Chance*. Пение всегда было его стихией.

«Мой голос, – говорит он, – всегда был моим лучшим другом. Если у меня в школе были проблемы с хулиганами, я всегда искал утешения в своем голосе. На самом деле не понимаю, почему меня всегда задирали. Конечно, я всегда немного отличался от других. Думаю, иногда причина заключалась в том, что мое поведение вступало в противоречие с самоуверенностью окружающих. Но в те минуты, когда я пел, для меня не существовало такой проблемы. Я был на своем месте. Всю свою жизнь я ощущал собственную незначительность. Но после того первого прослушивания понял, что представляю собой Личность. Я Пол Поттс».

Джулия Чайлд стала известна как виртуозный повар, преобразивший американскую домашнюю кухню и создавший телевизионное кулинарное шоу. Но до этого она работала копирайтером, затем занимала различные должности на государственной службе США. Когда ей было за тридцать, Джулия открыла для себя французскую кухню и начала профессионально учиться кулинарному искусству. И только

на пороге своего пятидесятилетия она опубликовала книгу «Mastering the Art of French Cooking» («Искусство французской кухни»), с которой начался взлет ее легендарной карьеры.

Мэгги Кун до шестидесяти пяти лет была церковным старостой и не собиралась оставлять свою работу. Но ее работодатели считали обязательным выход на пенсию в этом возрасте – и Мэгги была отправлена домой. Раздосадованная тем, как бесцеремонно ей указали на дверь, Мэгги решила организовать группу поддержки людей, оказавшихся в сходной ситуации. Их активное стремление решать аналогичные проблемы пенсионеров способствовало бурному росту возникшей организации. Апогеем инициативы Мэгги стало создание национального общественного движения «Седые пантеры».

Все мы слышали расхожие истины о том, что пятьдесят лет – это вторые тридцать, а семьдесят – вторые сорок (если данная формула верна в обоих направлениях, это объясняет подростковое поведение некоторых моих знакомых, которым за тридцать). Но есть некоторые важные различия, требующие серьезного к себе отношения. В наше время средняя продолжительность жизни возросла. За последние сто лет она более чем удвоилась и продолжает увеличиваться все более высокими темпами. Улучшилось качество здоровья пожилых людей. Согласно исследованию Фонда Макартура, почти девять из десяти пожилых американцев в возрасте от шестидесяти пяти до семидесяти четырех лет считают себя трудоспособными. Многие пожилые люди, граждане развитых стран, могут похвастаться гораздо большей финансовой стабильностью, чем раньше. В 1950-х годах 35 процентов пожилых американцев жили в нищете; сегодня эта цифра составляет уже 10 процентов.

В наши дни много говорят о так называемом втором среднем возрасте. Раньше средним считался возраст примерно от тридцати пяти до пятидесяти лет, который предшествовал скорому выходу на пенсию и ожиданию близкой смерти. Сегодня окончание периода так называемого первого среднего возраста знаменуется рядом важных событий (достижение определенного уровня профессионализма в работе, поступление детей в колледж, уменьшение расходов на приобретение необходимых материальных благ). С этого времени начинается новый жизненный этап, когда здоровые состоявшиеся люди могут направить свои усилия на достижение новых целей. Я не знаю, какое воздействие – успокаивающее или вдохновляющее – оказывают на окружающих слова рок-звезд, которые теперь признают, что ошибались, утверждая в молодости, будто точно знают, чем займутся, «когда им будет шестьдесят четыре», и которые все еще пытаются получить какое-то «удовлетворение».

Появление дополнительного среднего возраста, безусловно, означает появление дополнительных возможностей достичь в жизни чего-то большего. Мнение о том, что необходимо осуществить свои заветные мечты (или по крайней мере находиться в процессе их реализации) до тридцати лет, изрядно устарело.

Я, конечно, не хочу сказать, что все мы можем заниматься чем угодно в любом возрасте. Если вы приближаетесь к столетнему юбилею, то вряд ли сумеете исполнить ведущую партию в «Лебедином озере», особенно если у вас нет танцевального опыта. В возрасте пятидесяти восьми лет, имея проблемы с равновесием и вегетативной системой, я смирился с мыслью о том, что, вероятно, никогда не получу золотую медаль по конькобежному спорту на зимних Олимпийских играх (тем более что я никогда в реальной жизни не вставал на коньки). Некоторые мечты действительно нереальны. Однако о многих этого сказать нельзя. Понимание такой разницы – один из первых шагов к обретению своего призвания. Ведь оценивая реальность исполнения своей мечты, вы, скорее всего, видите, какими должны быть следующие шаги к ее осуществлению.

Одной из главных причин уверенности людей в том, что уже слишком поздно заниматься тем, к чему у них есть настоящие способности, является вера в линейную природу жизни. Мы считаем, что, находясь на оживленной улице с односторонним движением, не имеем другого выбора, кроме продолжения

движения вперед. Или если хоть один раз что-то упущено, то другого шанса вернуться обратно и присмотреться к этой возможности у нас уже не будет. Все наши усилия направлены на то, чтобы не выпасть из общего потока. Однако многие истории, описанные в этой книге, показывают, что человеческая жизнь не линейна. Судьбы Чака Клоуза или Гордона Паркса определенно не были линейными – обстоятельства заставляли этих людей в некоторые моменты их жизни коренным образом пересматривать свой путь.

Сэр Ридли Скотт для попадания в мир кинематографии тоже воспользовался явно не линейным подходом. Он рассказал мне, что, когда окончил художественное училище, у него «и в мыслях не было снимать фильмы. Фильмы были чем-то, что я ходил смотреть по субботам. Было невозможно представить, как преодолеть пропасть между той жизнью, которую я вел, и созданием фильмов.

Затем я понял, что изящные искусства не для меня. Мне нужно было что-то более конкретное. Мне требовались конкретная цель и четкий план действий. Поэтому я огляделся вокруг и попробовал заняться другими формами искусства, пока наконец не нашел свое место рядом с Роном Стором в печатном деле. Мне нравился процесс печати. Нравилось шлифовать камни для цветной литографии. Обычно я каждый день работал допоздна, затем шел в паб, выпивал там две кружки пива и последним автобусом ехал домой. Я делал так на протяжении четырех лет, пять дней в неделю. Я это обожал».

Вскоре Ридли Скотт начал подрабатывать на BBC.^[59] «Чем бы я ни занимался, я всегда пытался расширить границы и максимально расширить бюджет. Меня отправили на годичную стажировку, а когда я вернулся, то сразу же стал работать дизайнером. После двух лет на BBC я стал режиссером».

Однако впоследствии он открыл для себя еще одну сферу – индустрию рекламы, потому что ему это было «невероятно интересно. Реклама всегда была каким-то грязным ругательством в сравнении с изящными искусствами, живописью и подобными вещами. Я же без стыда ухватился за нее обеими руками».

Режиссуру рекламных роликов в жизни Ридли Скотта сменила телережиссура. И лишь после этого он стал кинорежиссером и понял, что нашел дело всей своей жизни. Если бы на каком-либо этапе своей карьеры он поверил, что должен идти по прямому пути, то никогда не нашел бы своего истинного призвания.

Человеческая жизнь гармонична и циклична. Различные способности сильнее или слабее проявляются в человеке на разных этапах его жизни. Поэтому у нас постоянно возникает масса возможностей, чтобы расти и развиваться в новых направлениях, вызывая к жизни свои скрытые способности. Харриет Доерр начала развивать свои литературные способности, но затем жизнь увела ее в другом направлении. Это умение ожидало ее – и десятилетия спустя Харриет к нему вернулась. Мэгги Кун открыла в себе призвание общественного деятеля, когда ей представилась такая возможность, хотя, вероятно, до этого момента совершенно не осознавала, что обладает таким талантом.

Физический возраст является величиной абсолютной и измеряется количеством лет, прошедших с момента вашего рождения. Когда речь заходит о здоровье или качестве жизни, возраст становится величиной относительной. Разумеется, все мы с течением времени становимся старше. Тем не менее я знаю многих людей, имеющих по паспорту один и тот же возраст, но отстоящих друг от друга в эмоциональном и творческом плане на целые поколения.

Моя мать умерла в возрасте восьмидесяти шести лет, быстро и неожиданно, от инсульта. До самой смерти она выглядела на десять-пятнадцать лет моложе своего реального «паспортного» возраста. Ее энергию питал неутолимый интерес к окружающему миру. Она танцевала, читала, ходила на вечеринки и путешествовала. Людям было с ней интересно благодаря ее остроумию. Она вдохновляла всех своим

чувством стиля, энергией, умением просто радоваться жизни, несмотря на многочисленные трудности и проблемы.

Я был одним из ее семерых детей, и в семье маминых родителей тоже было семь детей, поэтому, собираясь вместе, вся наша многочисленная родня представляла собой довольно большую толпу. Мать заботилась о нас в те времена, когда почти не было современных удобств, да и от нас помощи, прямо скажем, дожидаться было нелегко. Когда мне было девять лет, в нашей семье произошла трагедия. Мой отец, который был опорой семьи и который чуть не сошел с ума от горя, когда я заболел полиомиелитом, получил производственную травму. Он сломал шею и весь остаток жизни провел полностью парализованным.

Отец был необыкновенным человеком и неизменно продолжал оставаться центром притяжения нашей семейной жизни. Он был остроумным и глубоко интеллигентным, он постоянно вдохновлял окружающих. Такой была и моя мать, чья энергия и жизнелюбие, казалось, никогда не иссякали. Она все время затевала какие-то новые дела и получала новые знания. На семейных встречах она всегда лучше всех танцевала. А в последние годы жизни она училась бальным танцам, делала кукольные домики и рисовала миниатюры. И отец, и мать своим примером наглядно демонстрировали существенную разницу между их биологическим и календарным возрастом.

Существует немало людей, достигших чего-то значительного в пожилом возрасте. Бенджамин Франклин изобрел бифокальные линзы в семьдесят восемь лет. В этом же возрасте Бабушка Мозес^[60] решила серьезно заняться живописью. Агата Кристи написала «Мышеловку» – одну из самых востребованных пьес-долгожителей, – когда ей исполнилось шестьдесят два года. Джессика Тэнди получила свой «Оскар» в номинации «Лучшая актриса» в семьдесят лет. Владимир Горовиц давал свои последние сольные фортепианные концерты в переполненных залах, когда ему было семьдесят четыре.

Взгляните на эти достижения и вспомните своих знакомых, которые в возрасте тридцати-сорока лет преждевременно пали духом и ведут себя так, словно их жизнь навсегда превратилась в скучную рутину и нет ни единого шанса изменить ситуацию.

Если вам пятьдесят лет, регулярно тренируйте ваше тело и разум, хорошо питайтесь и не забывайте о том, что жизнь надо любить. Тогда вы наверняка будете выглядеть физически гораздо моложе вашего сорокачетырехлетнего соседа, который имеет бесперспективную работу, дважды в день ест жареные куриные крылышки, считает, что размышления – это слишком напряженное занятие, и рассматривает подъем кружки пива как разумную ежедневную спортивную тренировку.

Доктор Генри Лодж, соавтор книги «Моложе с каждым годом. Как дожить до ста лет бодрым, здоровым и счастливым», имеет четкое мнение по этому вопросу. «Оказывается, – говорит он, – 70 процентов старения в Америке – это не настоящее старение. Это просто саморазрушение, вызванное нашими собственными действиями. Все эти болезни, порожденные неправильным образом жизни... диабет, ожирение, сердечно-сосудистые заболевания, большинство случаев заболевания болезнью Альцгеймера или раком и почти все случаи остеопороза, – это типичное саморазрушение. Природой этого не предусмотрено ни для кого из нас. Мы сами создаем себе такую жизнь».

Кстати, любой из нас по ряду параметров может рассчитать свой «реальный возраст» и оценить его расхождение с «паспортным» на сайте realage.com. Методика расчета принимает во внимание массу факторов, связанных с образом жизни, генетикой и медицинским анамнезом. Любопытно, но авторы методики считают, что, делая лучший выбор в различных ситуациях, можно действительно стать моложе.

Один из способов уменьшить свой реальный возраст предполагает повышенную заботу о своем физическом здоровье при помощи тренировок и правильного питания. Я это знаю, потому что живу в

Калифорнии, где у каждого есть запас одежды из лайкры, а молочные продукты считаются не более здоровыми, чем сигареты. Я тоже делаю все возможное, чтобы вести здоровый образ жизни, стараюсь каждый день выполнять приседания и не есть сладкое. Но забота о себе не ограничивается только тем, чтобы работать на свежем воздухе, а есть в помещении.

Один из фундаментальных принципов своего призвания заключается в том, что нам необходимо вновь обрести самих себя и научиться воспринимать себя как цельную личность. Я считаю, что к главным препятствиям, мешающим нам найти свою стихию, можно отнести предубеждение, будто разум независим от тела, как жилец в квартире, или тело – на самом деле лишь некий вид транспорта для головы. Как показывают исследования и подсказывает здравый смысл, на интеллект и эмоциональное состояние оказывает огромное влияние наше физическое здоровье. А физическое самочувствие, в свою очередь, напрямую зависит от нашего отношения к жизни. Однако не менее важны усилия, которые мы предпринимаем, чтобы наш разум оставался молодым. К примеру, смех оказывает огромное влияние на замедление скорости процессов старения. Такое же влияние оказывает и интеллектуальная пытливость. Медитация тоже может принести существенную пользу нашему организму.

Ответ на вопрос «Не слишком ли поздно мне искать свое призвание?» прост – разумеется, нет. Даже когда физические процессы старения, прогрессирующие с возрастом, делают некоторые достижения невозможными, ваша стихия все еще находится в зоне досягаемости. Я никогда не получу золотую медаль по конькобежному спорту, но если бы спорт для меня много значил (а это не так), я мог бы найти способ примкнуть к этому племени, возможно, используя навыки, которые уже имею или мог бы приобрести, чтобы внести значимый вклад в этот мир.

Гибкость мышления

В действительности все вышесказанное означает, что мы способны постоянно развивать свои творческие способности и интеллект по мере того, как переходим на новые жизненные этапы. Разумеется, наиболее интенсивно это происходит в молодости. Детский мозг чрезвычайно активен и невероятно гибок. Это настоящий сгусток возможностей с потенциалом в сто миллиардов нейронов. Из всего, с чем мы сталкиваемся в мире, он может создавать почти бесконечное количество возможных связей, выстраивая то, что ученые называют «нервными проводящими путями». Наш мозг до некоторой степени предварительно запрограммирован благодаря генам, но опыт оказывает глубокое влияние на нашу личностную эволюцию и развитие нашего мозга.

Посмотрите, как мы учимся говорить. Освоение языка – это одно из важнейших достижений детской жизни. Большинство из нас учится говорить в течение первых нескольких лет жизни. Никто не учит нас языку – уж точно не наши родители. Они не могут этого сделать, потому что разговорный язык слишком сложен, имеет слишком много тонкостей и вариаций, чтобы кто-нибудь мог должным образом обучить этому ребенка. Разумеется, в процессе становления родители и другие люди что-то подсказывают маленьким детям, хвалят, поощряют их, корректируют их ошибки. Но малыши не учатся говорить по правилам. Они движутся путем имитации и логических умозаключений. Все мы рождаемся с глубокими инстинктивными способностями к языку, которые активизируются почти сразу же после нашего первого вдоха.

Дети интуитивно угадывают значения звуков и интонаций, которые слышат от окружающих людей. Живя в доме, где есть собака, они, как правило, реагируют на рычание, производимое домашним животным. Однако они не путают эти звуки с человеческим языком. Мало кто из детей выбирает лай в качестве основного средства коммуникации – исключение могут составить разве что эти невыносимые двухлетние дети да капризные создания позднеподросткового периода.

По всей видимости, не существует никаких явных ограничений в способности человека к изучению языков. Дети, растущие в многоязычных семьях, как правило, говорят на каждом из языков, который звучит в их семье. Они не раздражаются и не говорят: «Пожалуйста, не пускайте сюда бабушку. Я не могу понять ее диалект». Маленькие дети обычно могут говорить на всех языках, которые слышат, и без труда переходят от одного языка к другому. Я помню, как несколько лет назад познакомился с тремя братьями-школьниками. Их мать была француженкой, отец – американцем, а жили они в Коста-Рике. Дети бегло говорили по-французски, по-английски и по-испански, а также бойко изъяснялись на смеси этих трех языков, созданной ими исключительно для разговоров между собой.

И наоборот, если ребенок рос в одноязычной семье, вряд ли он будет стремиться к изучению другого языка, по крайней мере до тех пор, пока ему не придется выбрать какой-либо иностранный язык для изучения в школе. В этом возрасте выучить новый язык уже гораздо сложнее, поскольку детский мозг уже создал множество нервных проводящих путей, связанных с данным языком (иными словами, человек уже принял все решения о том, как называть определенные предметы, как строить фразы и даже как должен двигаться рот при разговоре). Попытаться впервые заговорить на иностранном языке в возрасте за тридцать еще сложнее.

Нейробиолог Сьюзен Гринфилд иллюстрирует поразительную гибкость молодого мозга на примере поучительной истории шестилетнего итальянского мальчика, который был слеп на один глаз. Причина его слепоты оставалась загадкой. Насколько могли судить офтальмологи, его глаз был совершенно нормален. Наконец выяснилось, что в раннем детстве мальчика лечили от легкой инфекции. В процессе лечения

необходимо было на две недели наложить повязку на глаз. Это не оказало бы никакого воздействия на глаз взрослого человека. Однако для маленького ребенка взаимодействие нервных связей глаза и мозга – это очень тонкий и важный процесс. Поскольку нейроны, обслуживающие глаз, на который была наложена повязка, не использовались в этот ключевой период развития, мозг посчитал, что их вообще не существует. «К сожалению, – говорит доктор Гринфилд, – наложение повязки было воспринято мозгом как явный признак того, что мальчик не будет использовать этот глаз в течение всей оставшейся жизни». В результате он навсегда ослеп на этот глаз.

Молодой мозг постоянно находится в процессе изменения и развития, очень чутко реагируя на окружающую обстановку. На ранних стадиях развития он проходит через процесс, который ученые-когнитологи называют сокращением нейронов. По сути, это означает удаление нервных проводящих путей, которые – как мы решили на подсознательном уровне – имеют для нас несущественное практическое значение в долгосрочной перспективе. Этот процесс сугубо индивидуален, но жизненно необходим для каждого человека. Сокращение нейронов выполняет для нашего мозга ту же функцию, что подстригание кроны дерева, – то есть избавление от лишних ветвей для продолжения непрерывного роста и усиления общей жизнеспособности. В процессе сокращения нейронов мы избавляемся от тех нервных проводящих путей, которыми больше никогда не будем пользоваться, – это освобождает место для новых нервных путей, которые мы станем использовать регулярно. В результате огромные природные способности, данные нам от рождения, приобретают четкие формы и очертания, классифицируются и унифицируются, становятся обширными или ограниченными благодаря постоянному взаимодействию наших внутренних биологических процессов и жизненного опыта.

Самым отрядным во всем этом является тот факт, что физическое развитие мозга – это не линейный процесс. Мозг не прекращает свое развитие с появлением у его обладателя первого автомобиля (хотя страховые компании, должно быть, именно так и предполагают). В свое время гарвардский нейробиолог Джеральд Фишбах провел обширное исследование по подсчету клеток мозга и пришел к выводу, что подавляющее большинство клеток сохраняется мозгом человека на протяжении всей жизни. Средний мозг содержит больше нейронов, чем способен использовать в течение всей жизни, даже учитывая ожидаемое увеличение ее продолжительности.

Кроме того, исследование показывает, что до тех пор, пока мы активно используем наш мозг, он продолжает создавать новые нервные проводящие пути, даже по мере того, как мы становимся старше. Это обеспечивает постоянный потенциал для нашего творческого мышления и дает дополнительный стимул для дальнейшего развития. Существуют убедительные доказательства того, что творческие способности нашего мозга остаются поразительно мощными на протяжении длительного времени: мы можем освежать и восстанавливать многие скрытые таланты и навыки, если будем специально их тренировать. Точно так же, как физические упражнения возвращают силы нашим мышцам, умственные упражнения могут подарить новую жизнь нашим творческим способностям. В настоящее время проводятся обширные исследования, посвященные нейрогенезу, то есть образованию новых клеток мозга у взрослых людей. Становится ясно, что вопреки предубеждению, которому мы верили более ста лет, мозг человека продолжает генерировать новые клетки и некоторые ментальные практики (такие, как медитация) могут даже ускорить этот процесс.

Мы можем восхищаться замечательными работами Джорджии О' Киф, Альберта Эйнштейна, Пола Ньюмана и Бэй Юймина, которые были созданы ими в зрелом возрасте, но не должны считать достижения этих людей выдающимися *только по причине* их возраста. Эти люди достигли больших высот, потому что знали – жизненно важно сохранять ясность ума, чтобы продолжать добиваться успехов. То, что их свершения пришлось на зрелые годы, не должно удивлять нас так сильно, как это часто бывает.

Ранее я упоминал о том, насколько маловероятно для человека в столетнем возрасте исполнить ведущую партию в «Лебедином озере». Однако это не категорически невозможно, а просто маловероятно. Причина очевидна, и пока наша медицина не сделает еще как минимум несколько шагов вперед, некоторые наши способности *действительно* будут ухудшаться с возрастом, особенно те, что связаны с физической подготовкой. Нет большого смысла отрицать данный факт, но некоторые из нас все-таки отчаянно пытаются это сделать, до такой степени, что смущают окружающих людей.

К сожалению, не все наши способности стопроцентно сохранены. Подобно хорошему пармезану, некоторые из них на самом деле с возрастом только улучшаются. По всей видимости, те или иные возможности постоянно возникают в нашей жизни и могут изменяться в зависимости от рода наших занятий. Например, широко признано, что наши способности к математике обычно с годами растут и достигают пика в возрасте от двадцати до сорока лет. Я не имею в виду способность подсчитать расходы на еду или вычислить шансы любимой команды на выигрыш в Суперкубке. Я говорю о высшей математике, которой занимаются профессионалы международного уровня, такие вот мировые Теренсы Тао. Лучшие работы большинства математических гениев были выполнены ими как раз в том возрасте, когда все остальные взяли свои первые ипотечные займы – то, чего мы, вероятно, не стали бы делать, если бы лучше разбирались в математике. То же самое верно и в отношении технических навыков игры на музыкальных инструментах.

Однако в некоторых сферах деятельности зрелость может стать настоящим преимуществом. Особенно это характерно для искусства. Многие писатели, поэты, художники и композиторы создали свои лучшие произведения, достигнув определенного уровня опыта, мудрости и восприимчивости. Это же можно сказать и о таких диаметрально противоположных сферах деятельности, как юриспруденция, кулинария, преподавание или ландшафтный дизайн. На самом деле в любой области, где опыт играет значительную роль, возраст является скорее активом, чем пассивом.

Из этого следует, что выражение «слишком поздно» может относиться к различным степеням зрелости человека в зависимости от того, в какой сфере он ищет свое призвание. Если это гимнастика с мечтой об участии в международных соревнованиях, то слишком поздно может быть уже в пятнадцать лет. Если это рождение нового кулинарного стиля, то «слишком поздно» может никогда не наступить. Большинству из нас до «слишком поздно» еще очень далеко.

Постоянный интерес к жизни

Одним из последствий линейного и однонаправленного восприятия жизни является принцип (и это действительно справедливо для большинства западных культур) сегрегации людей по возрасту. Мы отправляем маленьких детей группами в ясли и детские сады. Подростки также получают образование в группах. А пожилых людей мы помещаем в дома престарелых. Конечно, для всего есть веские причины. В конце концов, как отметила еще несколько десятилетий назад Гейл Шихи, [\[61\]](#) в нашей жизни существуют предсказуемые этапы, и есть определенный смысл в том, чтобы создать такую обстановку, в которой люди смогут пройти через эти этапы оптимальным образом.

Однако существуют не менее объективные причины для разрушения стереотипов о возрастной дискриминации. Блестящим примером тому служит уникальная образовательная программа школьного округа Дженкс в районе Талса (штат Оклахома).

В этом штате действует получившая общенациональную известность программа раннего обучения чтению, в рамках которой по всему штату проводятся занятия по чтению для детей в возрасте от трех до пяти лет. В округе Дженкс разработан уникальный подход к реализации этой программы. Он возник почти случайно, когда к школьному инспектору обратился владелец одного из учреждений Дженкса, находившегося напротив начальной школы городка. Этот человек услышал о программе по обучению чтению и поинтересовался, не может ли его учреждение как-то помочь. Инспектор положительно отнесся к такому предложению. После преодоления некоторых бюрократических препон он с радостью включил новое учреждение в совместную реализацию программы по обучению чтению малышей штата Оклахома.

Этим учреждением оказался дом престарелых Grace Living Center.

Муниципалитет за несколько месяцев оборудовал для дошкольников классную комнату в самом центре Grace Living

Center. Окруженная прозрачными стеклянными стенами (с отверстием наверху, чтобы голоса детей были слышны снаружи), классная комната находится в холле главного здания. Дети и их учителя приходят туда каждый день, как в обычный класс. Поскольку комната находится в холле, обитатели дома престарелых проходят мимо нее не менее трех раз в день, когда идут в столовую.

Когда класс только открылся, многие пожилые люди останавливались, чтобы посмотреть через стеклянные стены на то, что происходит внутри. Учителя объясняли им, что дети учатся читать. Тогда жители дома престарелых один за другим интересовались, не могут ли они помочь. Учителя были искренне рады этим предложениям – и возникла специальная программа под названием «Книжные друзья», которая предусматривала прикрепление к каждому ребенку одного из пожилых людей из дома престарелых. Взрослые слушали, как дети читают, и сами читали им.

Программа имела несколько замечательных результатов. Во-первых, как показали стандартизированные тесты штата по чтению, успеваемость большинства детей, посещавших Grace Living Center, была выше, чем у других детей округа. Более 70 процентов детей завершали программу в возрасте пяти лет, умея читать на уровне третьего класса или даже лучше. Однако дети учились гораздо большему, чем просто чтению. Общаясь со своими «книжными друзьями», они вели со взрослыми долгие беседы на самые различные темы, и особенно часто пожилые люди вспоминали свое детство в Оклахоме. Ребята спрашивали, к примеру, какой размер имел iPod, когда взрослые были детьми, а взрослые объясняли, что их жизнь была совсем иной и радикально отличалась от нынешней. Дети сегодняшние с изумлением узнавали, как жили и играли дети в их городке семьдесят, восемьдесят или даже девяносто лет тому назад. В процессе такого общения малыши получали прекрасную социальную историю своего родного города от

людей, которые наблюдали за жизнью этих мест на протяжении десятилетий. Родители были настолько довольны результатами этой программы, что сегодня для того, чтобы сформировать этот класс, проводится лотерея, поскольку спрос на шестьдесят имеющихся мест очень велик.

Однако в Grace Living Center происходит и еще кое-что совершенно удивительное: количество потребляемых лекарств неуклонно снижается. Многие из обитателей дома престарелых совсем отказались от лекарств или сократили их прием.

Почему это происходит? Потому что взрослые участники этой программы вернулись к жизни. Вместо того чтобы проводить свои дни в ожидании неизбежного, они получили стимул вставать по утрам и с радостным волнением готовиться к тому, что может принести им новый день. Они вновь открыли в себе источник творческой энергии – и теперь действительно живут дольше.

Дети в ходе этого эксперимента тоже учатся не только чтению. Время от времени учителя вынуждены говорить им, что один из их «книжных друзей» больше не придет, потому что этот человек ушел из жизни. И дети уже в таком нежном возрасте начинают понимать, что мир живет по своим законам, в жизни есть свои ритмы и циклы и даже близкие им люди подвержены воле этих обстоятельств.

В некотором смысле в Grace Living Center произошло возрождение прежних, традиционных взаимоотношений между поколениями. Молодых и пожилых людей всегда объединяет незримая, почти мистическая связь. Порой кажется, что они глубоко, без слов понимают друг друга. На Западе часто практикуется принудительное разделение этих поколений. Но программа «Книжные друзья», утверждая ценность традиций, показывает простой, но очень эффективный способ взаимного духовного обогащения при контакте поколений. Она доказывает, что к пожилым людям при определенных обстоятельствах и при наличии вдохновения может вновь вернуться давно утраченная энергия.

Время есть

Чему же нас учат истории всех людей, о которых рассказывает эта книга, – от Сьюзен Джефферс и Джулии Чайлд до «книжных друзей»? Поверьте самым элементарным вещам: если мы найдем возможность оторваться от повседневных дел, пересмотреть свой путь и вновь вспомнить увлечения, которые по каким-то причинам оставили позади (или вообще никогда не уделяли им внимания), с нами могут произойти поистине чудесные события, способные продлить нашу жизнь. Мы можем начать движение в новом направлении практически на любом этапе нашей жизни. Мы способны открыть свое призвание практически в любом возрасте. Как однажды сказала актриса Софи Лорен: «Фонтан молодости *существует*: он находится у вас в голове, в ваших талантах, в творчестве, которому вы позволяете войти в свою жизнь и в жизнь близких вам людей. Когда вы научитесь черпать из этого источника, вы действительно победите время».

Глава 10

Из-за любви или из-за денег

Гэбриэл Троп – известный ученый. Я познакомился с ним в Беркли, где он изучает немецкую литературу для получения степени доктора наук. Эта работа очень много значит для него, но она не единственная страсть Гэбриэла. Столь же горячо он любит музыку и утверждает: «Если бы я потерял одну из рук – моя жизнь была бы кончена».

Однако Гэбриэла никогда не привлекала мысль стать профессиональным музыкантом. На самом деле долгое время он вообще не интересовался музыкой. В старших классах Гэбриэл с жалостью смотрел на учеников, занимавшихся этим предметом. Эти бедняги с утра пораньше торопились на репетиции и тащили на себе через весь школьный двор громоздкие футляры с инструментами. Такая жизнь была ему не по вкусу, особенно в том, что касалось раннего появления в школе. Он втайне поклялся не иметь ничего общего с музыкой.

Но однажды на уроке музыки, который был частью стандартного школьного расписания, он лениво барабанил по клавишам пианино и вдруг понял, что без труда подбирает мелодии. С чувством утопающего Гэбриэл осознал, что ему на самом деле очень нравится это занятие. Он попытался скрыть свое очевидное удовольствие от учителя музыки, который ходил по классу и слушал, как играют ученики. Должно быть, ему это не особенно хорошо удалось, потому что педагог отметил хороший слух мальчика и предложил ему сходить на склад музыкальных инструментов, чтобы подобрать себе какой-нибудь из них.

Друг Гэбриэла играл на виолончели – исключительно поэтому мальчик решил взять на складе именно этот инструмент. И вдруг понял, что ему очень нравятся форма и размер виолончели, глубокий звонкий звук перебираемых струн. Одна из виолончелей имела «чудесный запах лака». И тогда он решил нарушить свою клятву и дать виолончели шанс. Вначале Гэбриэл относился к своим занятиям музыкой очень небрежно. Однако вскоре понял, что ему нравится играть на виолончели, и поймал себя на том, что проводит за этим занятием все больше и больше времени.

С тех пор Гэбриэл упражнялся так часто и интенсивно, что через пару месяцев уже довольно неплохо играл. Через год он уже был ведущим виолончелистом школьного оркестра. Это, разумеется, означало, что он приходил в школу рано утром и тащил свой громоздкий футляр с инструментом через весь школьный двор, сопровождаемый жалостливыми взглядами школьников, не занимавшихся музыкой.

Однако Гэбриэла в такой же степени привлекали немецкая литература, немецкий язык и научная деятельность. В какой-то момент ему пришлось принять сложное решение о том, чему посвятить жизнь: музыке или научной деятельности. После продолжительной внутренней борьбы он выбрал немецкую литературу. Аргументы звучали убедительно: научная деятельность даст ему возможность продолжать играть на виолончели, в то время как путь профессионального музыканта отнимет колоссальное количество времени и лишит возможности заниматься глубоким исследованием немецкой поэзии. «Я выбрал литературу, потому что научная деятельность казалась мне совместимой с интенсивными занятиями музыкой, а если бы я стал профессиональным музыкантом, мое увлечение литературой было бы в значительной мере отодвинуто на задний план. Поэтому принятое решение было для меня единственно возможным. Я мог продолжать серьезно заниматься игрой на виолончели и в то же время посвящать значительное время научной работе».

Гэбриэл до сих пор играет по несколько часов в день и продолжает выступать. К примеру, недавно он

принимал участие в концерте виолончелистов Симфонического оркестра Беркли при Калифорнийском университете. Гэбриэл не представляет себе жизни без постоянной игры и чистого наслаждения, которое дарит ему музыка. Называть это хобби, по его словам, было бы смешно. Музыка занимает чрезвычайно важное место в его жизни, и именно в ней он нашел свою стихию.

Гэбриэл – музыкант-любитель в самом настоящем смысле этого слова. И он не хочет ничего менять.

Во имя любви к этому

Самое простое определение гласит, что профессионалами в любой сфере являются те люди, которые зарабатывают себе этим на жизнь, в то время как любителями мы зовем тех, для кого эта деятельность не служит источником основного заработка. Однако термины *любитель* и *профессионал* часто подразумевают и нечто касающееся квалификации, знаний и опыта. Люди обычно причисляют любителей к так называемому второму сорту. Считается, что их уровень всегда гораздо ниже профессионального. В массовом сознании любители – это люди, которые слишком активно жестикулируют во время местных театральных представлений; набирают больше ста очков во время игры в гольф или пишут милые истории о домашних животных для бесплатной городской газеты. Называя что-то «любительским», мы почти традиционно используем это слово в уничижительном смысле и подразумеваем под таким «любительством» всего лишь неловкую попытку «поиграть в профессионала».

Иногда совершенно оправданно проводить четкое разграничение между профессионалами и любителями. В конце концов разница в их квалификации может быть огромна. Если мне нужно сделать какую-то конкретную хирургическую операцию, я, разумеется, скорее отдам себя в руки того человека, который на этом специализируется, чем того, кто занимается такой практикой лишь время от времени. Но чаще всего разницу между профессионалами и любителями следует искать в сфере личного выбора человека, а не в реальном уровне его квалификации. Многие люди, как Гэбриэл, действительно имеют профессиональную квалификацию в любимом ими деле. Но просто решают не зарабатывать этим на жизнь. Они не считаются профессионалами в данной сфере, потому что не зарабатывают этим денег. Такие люди по определению являются любителями. Однако их уровень не совсем справедливо называть «любительским».

Английское слово *amateur* (любитель) происходит от латинского слова *amator*, означающего любовника, преданного друга или того, кто упорно стремится к достижению определенной цели. В изначальном смысле слова любитель – это человек, который занимается чем-либо из любви к данному делу и явно не рассчитывает, что это занятие позволит ему оплачивать счета. Иными словами, настоящие любители – это люди, нашедшие свое призвание вне основной работы.

В докладе «Революция профессионалов-любителей», подготовленном для британского экспертно-аналитического центра Demos, Чарльз Лидбитер и Пол Миллер обращают внимание своей аудитории на рост числа любителей со все более высоким уровнем квалификации. Они акцентируют наше внимание на том, что достижения этих людей порой более значительны, чем достижения профессионалов. Именно это дает термину «профессионал-любитель» право на существование. Часто с развитием новых технологий все более широкому кругу людей становится доступна техника, которую раньше любители не могли себе позволить: интегральные схемы с зарядовой связью для телескопов, профессиональные инструменты для музыкантов, сложное программное обеспечение для редактирования видеоизображений на домашних компьютерах и прочие сложные вещи. Лидбитер и Миллер в развитие этой темы обращают более пристальное внимание на возникновение и развитие хип-хопа – музыкального жанра, зародившегося как раз благодаря распространению сделанной вручную магнитофонной пленки.

Они напоминают нам, что компьютерная операционная система Linux появилась благодаря сотрудничеству целого сообщества программистов, которые занимались этим в свободное от основной работы время. Масштабная кампания «Юбилей 2000», результатом которой стало списание десятков миллиардов долгов странам третьего мира, началась с петиций людей, не имевших профессионального опыта лоббирования. Астроном-любитель, использовавший десятидюймовый телескоп, неожиданно открыл сверхновую звезду.

«Профессионалы-любители занимаются каким-либо делом прежде всего из любви к нему, но делают это на профессиональном уровне, – объясняют Лидбитер и Миллер. – Эти люди редко зарабатывают своим хобби на жизнь, получая от него, как правило, незначительную часть общего дохода. Однако отдаются делу они с рвением и усердием настоящих профессионалов. Для них досуг – это не пассивное времяпрепровождение, а деятельность, предполагающая активное участие и вовлеченность, использование всех востребованных и ценимых обществом знаний и навыков. Нередки случаи, когда профессионалы-любители занимаются своим любимым делом параллельно с многолетней карьерой в другой сфере, которая часто бывает связана с бесчисленными жертвами и разочарованиями».

Лидбитер и Миллер называют профессионалов-любителей «новыми социальными гибридами», отмечая, что они занимаются любимым делом вне основной работы, но с таким зарядом энергии и старания, который редко бывает направлен на обычный досуг. Интенсивное занятие избранным делом придает этим людям сил и часто служит компенсацией за время, отданное работе, не вызывающей особого энтузиазма.

Некоторые люди, будучи в глазах общества классическими любителями, создают по-настоящему выдающиеся работы. Артур Кларк был автором научно-фантастических бестселлеров, среди которых такие романы, как «2001: Космическая одиссея» и «Свидание с Рамой». Он начал заниматься литературой, еще будучи офицером Британских королевских ВВС. Во время службы он наблюдал за учеными в радиолокационном подразделении и заинтересовался их работой. В 1945 году он опубликовал статью в журнале *Wireless World* под названием «Extra-Terrestrial Relays: Can Rocket Stations Give World-Wide Radio Coverage?» («Космические ретрансляторы: могут ли ракетные станции обеспечить всемирное покрытие радиосигнала?»). В этой статье Кларк приводил доводы в пользу применения спутников на геостационарных орбитах для трансляции телевизионных сигналов по всему земному шару.

Большинство ученых отвергло это предложение как очередную научную фантастику. Однако Кларка горячо интересовал этот вопрос. Он тщательно изучил данную тему и технически обосновал свое предложение. Как мы знаем, оно оказалось пророческим. Особая геостационарная орбита, которую он предложил использовать, сегодня известна как орбита Кларка, и в настоящее время по ней движутся сотни спутников. И хотя Артур Кларк зарабатывал на жизнь литературным трудом, расположившись на вершине списка бестселлеров *New York Times*, именно его любительская работа (а точнее, письмо, написанное им в адрес издателей *Wireless World*, которое предшествовало публикации статьи) выставлена сегодня в Национальном аэрокосмическом музее.

У Сьюзен Хендриксон вообще не было определенной профессии. Она окончила школу, стала опытной аквалангисткой, научилась определять редкие виды морских животных, стала экспертом по поиску ископаемых остатков насекомых в янтаре – словом, жила многогранной жизнью исследователя и искателя приключений. В 1990 году Сьюзен присоединилась к археологической экспедиции в Южную Дакоту, организованной Институтом геологических исследований Блэк-Хиллс. Вначале работа продвигалась чрезвычайно медленно. Группа исследовала шесть мест выхода пород на поверхность и не обнаружила ничего существенного. Однажды, когда остальные участники экспедиции были в городе, Хендриксон решила исследовать единственное оставшееся место выхода пород, отмеченное на карте. Там она обнаружила несколько небольших костей. Находка привела ученых к открытию крупнейшего и самого полного ископаемого скелета тираннозавра и одного из немногих когда-либо найденных скелетов самки тираннозавра.

Этот скелет в настоящее время выставлен в Чикагском музее естественной истории Филда. Его назвали «Тираннозавр Сью» в честь обнаружившей его Сьюзен Хендриксон, которая представляет собой идеальный тип археолога-любителя.

В своей книге «The Amateurs» («Любители») Дэвид Хэлберстэм пишет о четырех атлетах, стремившихся завоевать олимпийское золото в 1984 году. В отличие от чемпионов гоночного трека или баскетболистов, для которых успех на Олимпиаде мог означать профессиональные контракты на огромные суммы (в то время Олимпийский комитет не разрешал участвовать в Играх звездам НБА) или высокооплачиваемые съемки в рекламных роликах, у гребцов, о которых пишет Хэлберстэм, не было ни единого шанса нажиться на своей победе. Они рвались к ней исключительно из любви к этому спорту и желания ощутить пьянящее чувство победы.

Особое внимание в книге уделяется Кристоферу Вуду. Хэлберстэм называет его «воплощением любителя» и пишет, что «он отодвинул на задний план карьеру, семью, удовольствия в своем упорном стремлении достичь совершенства в спорте, которым интересовались лишь немногие его соотечественники и занятия которым, следовательно, не приносили абсолютно никакой финансовой выгоды». Когда Вуду исполнился тридцать один год, он был уже слишком стар, чтобы заниматься греблей (по крайней мере по олимпийским меркам), но имел свою миссию. Он был запасным участником на Олимпийских играх 1976 года, но так и не принял участия в соревнованиях. Он был капитаном олимпийской команды гребцов в 1980 году и должен был поехать в Москву. Однако США в качестве протеста против вторжения советских войск в Афганистан приняли решение бойкотировать эту Олимпиаду.

Олимпийские игры 1984 года стали для Вуда последним шансом завоевать золотую медаль. В маленьком, но очень сплоченном сообществе гребцов он был кем-то вроде любимого сына. Забегая вперед, скажем, что Вуд не получил золотую медаль. Однако этот факт не имеет прямого отношения к теме. Говоря о Вуде и других гребцах, Хэлберстэм пытается донести до нас всю силу страсти этих людей и степень восторга, который приносило им это чисто любительское занятие. Вуд нашел свое призвание в непрофессиональном занятии. Его работа была для него всего лишь работой. Гребля была его жизнью.

Для того чтобы находиться в своей стихии, совсем не обязательно бросать все остальные дела и заниматься только этим делом каждый день или целыми днями напролет. Для некоторых людей на определенных этапах их жизни уйти с постоянной, пусть и неинтересной работы, чтобы заняться любимым делом, не представляется возможным. Другие же предпочитают этого не делать по целому ряду причин. Многие из нас зарабатывают на жизнь нелюбимым делом, но высвобождают время и место в своей жизни для того, что они по-настоящему любят. Некоторые окунаются в любимое дело для получения огромного эмоционального удовлетворения, но при этом понимают, что у них нет другого выбора, кроме как заниматься любимым делом «на стороне».

Пару лет назад я брал в лизинг машину в дилерском центре в Санта-Монике. Это оказалось не так просто. Были времена, когда при покупке автомобиля от вас требовалось принять единственное решение – покупать его или нет. Сейчас приходится пройти полноценный тест с множеством вариантов ответов, чтобы разобраться в сотне разновидностей полировки, отделки салона, аксессуаров и технических характеристик, которые стоят непреодолимой преградой между вами и той моделью, которую вы действительно хотите приобрести. Мне было нелегко принять решение, имея перед глазами такое обилие вариантов. Посудите сами: зачастую мне требуется помощь, чтобы решить, что именно надеть утром. При этом понятно, что выбор здесь гораздо меньше, а ставки – однозначно ниже. К тому времени, как я определился с машиной, мы с моим продавцом Биллом уже сроднились и планировали, как отметить годовщину нашего знакомства.

Пока мы ждали окончательного оформления документов – еще один длительный процесс, – я поинтересовался, чем Билл занимается в свободное от работы время. Не задумываясь, он сразу же ответил, что фотографирует. Я заинтересованно продолжил расспросы, предполагая, что речь идет о семейных праздниках и домашних животных. Но оказалось, что он спортивный фотограф и

специализируется только на серфинге. А Билл охотно пояснил, что в молодости был серфингистом и с тех пор ему очень нравятся красота и динамика этого вида спорта. После работы, на выходных, по праздникам – всегда при первой же возможности – он отправлялся на пляж в Малибу просто для того, чтобы сделать фотографии. За долгие годы съемок у него накопилось фотоаппаратов, штативов и специальных линз на тысячи долларов. Во время длительных отпусков он ездил на Гавайи и в Австралию, чтобы снимать большой серфинг.

Я поинтересовался, были ли опубликованы какие-нибудь из его фотографий. Билл ответил утвердительно и открыл ящик своего письменного стола, доверху набитый отлично изданными глянцевыми журналами по серфингу. Фотографии моего продавца автомобилей были в каждом из них. Они были очень, очень хороши.

Я спросил Билла, не думал ли он о том, чтобы зарабатывать этим на жизнь. «Я бы хотел, – ответил он, – но на этом много не заработаешь». Тем не менее фотосъемка серфинга была его истинной страстью. Одной из тех вещей, что придавали смысл его жизни. Просматривая эти великолепные, профессиональные изображения, я поинтересовался, что о них думает начальник его дилерского центра. «Он ничего об этом не знает, – сказал Билл. – Ведь моя страсть к серфингу не имеет отношения к тому, как я выполняю свою работу, правда?».

Я не уверен, что в этом он был прав. Полагаю, что хобби оказывало значительное влияние на качество работы Билла, точно так же, как это обычно происходит со всеми людьми, которые находят свою стихию в сфере, отличной от той, где они зарабатывают себе на жизнь. Думаю, что радостное волнение и удовлетворение, которые Билл получал, фотографируя серфингистов, помогали ему гораздо эффективнее заниматься тем, что он считал рутинной работой, то есть помогать растерянным клиентам делать выбор между дюжиной образцов краски, полировки и боковых подножек. Благодаря тому, что Билл находил творческую отдушину в спортивной фотографии, он мог с бесконечным терпением и огромной пользой выполнять свою повседневную работу.

Необходимость такой отдушины дает о себе знать во многих формах. Одна из них, на мой взгляд, особенно интересная – создание корпоративных рок-групп. В отличие от корпоративных софтбольных [\[62\]](#) команд, в состав которых обычно входят молодые люди из отдела обработки корреспонденции, в рок-группах чаще всего выступают представители топ-менеджмента (кроме случаев, когда кто-то из отдела обработки корреспонденции вдруг оказывается великим басистом). Эти корпоративные музыканты когда-то мечтали стать рок-звездами, но затем пошли по пути создания стандартной карьеры. Страсть, которая видна в большинстве выступлений таких музыкантов-любителей, подтверждает, что это хобби дает им столь мощный заряд драйва и радости, которого они никогда не получают в своей обычной работе, вне зависимости от того, каких высот достигли в профессии.

Вот уже четыре года в Нью-Йорке проводится своеобразный сборный рок-фестиваль в пользу благотворительной организации A Leg to Stand On. От других похожих мероприятий его отличает то, что участники каждой группы (за исключением пары человек) работают в хедж-фондах. «Днем большинство из участников фестиваля управляет деньгами, – говорится в одном из пресс-релизов этого «Рок-Октоберфеста» [\[63\]](#) американских хедж-фондов, – но, отрываясь от мониторов, они погружаются в музыку».

«К одиннадцати часам вечера каждый из нас начинает думать либо о ждущей его следующим утром в четыре часа поездке в метро, либо о том, что токийские рынки уже открыты», – говорит Тим Сеймур, один из участников рок-фестиваля. Но во время концерта всюду царит буйное и беспечное веселье, когда менеджеры исполняют классические хиты или надевают откровенную одежду, готовясь выйти на сцену в качестве дублеров. Контраст между работой, которую они делают днем, и этим занятием просто фантастический, но такие выступления становятся своего рода спасительной отдушиной для всех их

участников.

Коренные изменения в жизни

Обретение своего призвания исключительно важно для гармоничной жизни, приносящей удовлетворение. Оно помогает нам понять, кто мы такие на самом деле. Как правило, мы привычно пытаемся идентифицировать себя посредством своей работы. Первый вопрос на вечеринках или социальных мероприятиях всегда одинаков: «Чем вы занимаетесь?» И мы послушно даем поверхностное описание своей профессии: «Я преподаватель», «Я дизайнер», «Я водитель». Не имея оплачиваемой и стабильной работы, мы ощущаем некоторую неловкость и потребность дать окружающим дополнительные реабилитирующие нас объяснения. Многие считают, что работа является нашим социальным маркером, даже в собственных глазах. При этом неважно, что она не отражает внутренней сущности человека даже в его собственном понимании. Но работа, не приносящая человеку удовлетворения, может вызывать в нем огорчение и протест. Осознание факта, что наша работа и наше призвание – это диаметрально противоположные понятия, должно стимулировать нас как можно быстрее найти свою стихию в какой-то другой сфере.

Прежде всего это может придать новый смысл нашим остальным занятиям. Погружение в любимое дело, пусть даже на пару часов в неделю, способно вернуть человеку все краски жизни. Но при определенном стечении обстоятельств может привести к таким переменам, которые мы даже не в состоянии вообразить.

Халед Хоссейни иммигрировал в США в 1980 году, получил в девятых годах медицинское образование и начал карьеру врача в фешенебельном районе у залива в Сан-Франциско, специализируясь на лечении болезней внутренних органов. Однако в глубине души он знал, что хочет быть писателем и рассказать о жизни в Афганистане до вторжения в страну советских войск. Продолжая заниматься медицинской практикой, он начал работать над романом о двух мальчиках, живущих в Кабуле. Книга Хоссейни «Бегущий за ветром» разошлась тиражом более чем в четыре миллиона экземпляров, а недавно на ее основе был снят фильм.

Любимое дело, даже несмотря на регулярную медицинскую практику, глубоко изменило его. Успех романа «Бегущий за ветром» позволил Хоссейни надолго оставить медицину и полностью сосредоточиться на литературной деятельности. В 2007 году он опубликовал свой второй роман «Тысяча сияющих солнц», ставший настоящим бестселлером. «Мне всегда нравилось заниматься медициной, и я считал большой честью, что пациенты доверяли мне лечить себя и своих близких, – рассказал он в одном из недавних интервью. – Но писательское творчество всегда было моей страстью, с самого детства. Я чувствую, что мне невероятно повезло. Я удостоен неслыханной привилегии, потому что литературная деятельность, по крайней мере на данный момент, является моим основным занятием. Сбылась моя мечта».

Первой профессией Майлза Уотерса тоже была медицина. Он начал работать стоматологом в Англии в 1974 году. Подобно Хоссейни, Уотерс имел горячее увлечение, но в совершенно иной сфере деятельности – он был влюблен в поп-музыку. Будучи школьником, Уотерс играл в группах и параллельно немного сочинял тексты песен. В 1977 году он все-таки оставил зубоврачебную практику, чтобы посвящать больше времени созданию песен. Несколько лет Майлз потратил на то, чтобы добиться успеха, но в конечном итоге написал несколько песен, ставших хитами, и начал зарабатывать на жизнь любимым делом. На некоторое время он перестал заниматься стоматологией, целиком окунувшись в сочинение песен и продюсирование. Вместе с Эриком Клэптоном, Стивом Уинвудом и Джорджем Харрисоном он принял участие в создании альбома Джима Капальди (участника легендарной рок-группы Traffic). Он вращался в тех же кругах, что и Пол Маккартни с Дэвидом Гилмором из Pink Floyd. В настоящее время Майлз Уотерс делит свое время между музыкой и стоматологией, одновременно сохраняя врачебную

практику, сочиняя песни и занимаясь продюсерской деятельностью.

Джон Вуд заработал свое состояние, будучи руководителем маркетингового направления в Microsoft. Но однажды, путешествуя по Гималаям, он случайно наткнулся на школу в одной нищей деревушке. В этой школе было сто пятьдесят учеников и всего двадцать книг – причем ни одна из них не была детской. Когда Вуд спросил у директора школы, как они обходятся таким скудным количеством книг, тот попросил его о помощи. Вуд начал собирать книги и деньги для этой школы и ей подобных. Он занимался своим новым делом по ночам и выходным, а днем отдавал силы своей основной, очень сложной и ответственной работе. Наконец он ушел из Microsoft, чтобы посвятить жизнь тому, что оказалось его истинным призванием, – работе в Room to Read, некоммерческой организации, занимающейся обучением грамоте в бедных странах. Некоторые его коллеги из Microsoft считали, что Вуд сошел с ума. «Многие из них были не в состоянии этого понять, – рассказывает он в одном из интервью. – Узнав, что я увольняюсь, чтобы развозить книги на спинах ослов, мои коллеги решили, что я сумасшедший». Room to Read не только изменила жизнь Вуда – она коренным образом повлияла на судьбы многих тысяч других людей. Эта некоммерческая организация создала более пятисот школьных библиотек в шести странах и планирует увеличить эту цифру до десяти тысяч библиотек и пятнадцати стран к 2010 году.

Не просто досуг

Есть важная разница между досугом и развлечением. В широком смысле оба эти слова означают процесс восстановления физических и умственных сил. Однако при этом имеют различные оттенки. Досуг обычно воспринимается как нечто противоположное работе и предполагает пассивное, не требующее усилий времяпрепровождение. Работу мы обычно считаем чем-то, отнимающим у нас энергию. А досуг становится идеальным средством для ее восстановления. Он предполагает передышку, пассивный отдых от трудностей дня, возможность расслабиться и восстановить силы. Развлечение имеет более активный смысл и подразумевает определенные физические или умственные усилия, наполняющие человека энергией. Я в гораздо большей степени ассоциирую понятие призвания с развлечением, нежели с досугом.

Доктор Сюзанн Петерсон – профессор менеджмента бизнес-школы W.P. Carey и Центра ответственного руководства при университете штата Аризона, консультант одной из ведущих компаний по проведению тренингов. Кроме того, она участвует в чемпионатах по танцам и является победительницей множества конкурсов. На ее счету две победы в конкурсе Holiday Dance Classic в Лас-Вегасе и лавры триумфатора на чемпионате Hotlanta US Open Pro-Am Latin Championship в 2007 году.

Сюзанн немного занималась танцами в подростковом возрасте, но никогда всерьез не задумывалась о танцевальной карьере. Еще будучи ученицей старших классов, Сюзанн знала, что хочет быть руководителем. «Пока я росла, я точно не понимала, кем хочу стать, но знала, что хочу носить деловые костюмы, иметь ученую степень, разговаривать с большими группами людей и видеть, как они меня слушают. Я почему-то всегда считала, что смогу носить превосходные деловые костюмы. Мне нравилось представлять себя стоящей перед множеством людей и знать, что я могу сказать им нечто важное. А вот танцы в детстве точно не были моей страстью. Я занималась этим – но какое еще хобби могло быть у девочки, если она не хотела играть в футбол и баскетбол?»

Сюзанн заново открыла для себя танцы и сопутствующее им радостное, волнующее чувство почти случайно. «Я просто искала себе хобби, а мои достижения и мотивация помогли в выборе наиболее подходящего варианта. Мне было около двадцати шести лет, я училась в аспирантуре. В это время набирали популярность сальса и свинг, поэтому я просто отправилась в студию социальных танцев, наблюдала за тем, что делают преподаватели, и копировала их движения. Медленно, но верно я повышала свой уровень на групповых занятиях, а затем начала брать индивидуальные уроки. И неожиданно осознала, что танцы играют огромную роль в моей жизни. Таким образом, мой прогресс опирался на собственную веру в то, что я обладаю необходимым талантом и определенными базовыми навыками. Но скорее всего именно мои академические навыки помогли мне изучить это занятие и сконцентрироваться на нем, как на любом другом предмете.

Я в буквальном смысле изучала танцы как классический академический предмет. Мне очень помогала визуализация. Я сидела в самолете и представляла, как исполняю все эти танцы. Не имея возможности упражняться физически, я всегда делала это мысленно. Я чувствовала музыку. Я переживала эмоции. Я видела выражение лиц окружающих. Вернувшись из поездки, на следующий день я приходила в студию и танцевала лучше, чем до отъезда. А мой партнер по танцам говорил: «Как ты могла так повысить свой уровень? Ты разве не уезжала в Филадельфию?», на что получал ответ: «Я тренировалась в самолете». Я действительно два часа без перерыва мысленно тренировалась.

Я подошла к танцам так же, как к своей карьере, где нужно выкладываться на 110 процентов и изначально быть сильной и уверенной. Но вскоре поняла, что для танца это избыточно. Вы теряете женственность и внезапно понимаете, что слишком часто привлекаете к себе повышенное внимание.

Бизнес – это сила, уверенность в себе и тому подобные вещи. Танец же – это уязвимость и чувственность, он требует мягкости. Я занимаюсь бизнесом и танцами и получаю от обоих занятий одинаковое удовольствие».

Сюзанн, судя по всему, нашла свое призвание в двух различных сферах. Ей в равной мере нравится и собственная профессия, и то занятие, которым она занимается для развлечения. «Проводя тренинг по вопросам руководства – что мне очень нравится, – я испытываю те же самые сильные чувства, хотя получаю при этом совершенно другие эмоции. Я имею в виду, что чувствую уверенность, силу, тесную связь с аудиторией и хочу оказать положительное влияние на своих слушателей. А во время танца я ощущаю себя более уязвимой и чуть менее уверенной в себе. Однако оба эти занятия, пусть и по-разному, воспринимаются как полет – и я полностью погружаюсь в них, испытывая при этом яркие эмоции».

В конечном итоге это хобби придает дополнительный смысл жизни Сюзанн, поскольку дарит ей чувство удовлетворения жизнью, а не просто является вечерним развлечением. «Занимаясь танцами, я узнала о коммуникации больше, чем на любом спецкурсе. В танце вы сразу понимаете, какое воздействие оказываете на другого человека. Если у вас плохое настроение, партнер понимает это, как только коснется вашей руки. Поэтому, танцуя, я ощущаю абсолютную мысленную связь со своим партнером, которую воспринимаю как совершенную форму коммуникации. Это дает невероятное ощущение счастья.

Возникает такое чувство, словно вас несет в потоке. Я понимаю это как полное освобождение. И не думаю ни о чем – ни о хорошем, ни о плохом. Наверное, я не обратила бы внимания, если бы рядом начали палить из пушек. Это волшебное чувство».

Сестра Сюзанн, Андреа Ханна, работает в Лос-Анджелесе помощником руководителя. Как и Сюзанн, она вне работы нашла увлечение, которое делает ее жизнь полнее.

«Я не любила писать до последнего класса школы, – рассказала она мне. – Однажды учительница английского языка велела нам написать обязательное эссе для поступления в колледж, в котором мы должны были объяснить выбор будущей профессии. Как и в большинстве других заданий, на меня наводила ужас мысль о том, чтобы садиться и писать эссе из пяти абзацев, которое в конечном итоге будет исчеркано красной ручкой. Тем не менее я наконец села за это сочинение и написала о том, что чувствую себя совсем не готовой к колледжу, но все же меня очень волнует и радует перспектива начать новый этап своей жизни. Это было мое первое школьное эссе, написанное с юмором. Кроме того, оно стало первым текстом, в котором я могла написать о том, в чем хорошо разбиралась, – о себе. К моему удивлению, учительнице очень понравилась моя работа – и она прочла мое эссе перед всем классом, а затем включила его в школьный конкурс письменных работ. Я заняла первое место, после чего меня попросили прочитать свое эссе перед большой группой женщин – профессиональных писательниц. Мою фотографию даже опубликовали в газете! Это был волнующий опыт, и он придал мне уверенности при поступлении в колледж.

Я неоднократно слышала от окружающих, что у меня сильное писательское дарование. Люди всегда говорили мне: «Я слышу твой голос, когда читаю твои работы». Учась в колледже, я начала время от времени отправлять друзьям юмористические электронные письма с воспоминаниями о проведенных вместе выходных. Я делала своих друзей персонажами этих историй и приукрашивала рассказы лишь до такой степени, чтобы они вызывали смех. Друзья стали пересылать мои письма друг другу, и вскоре я получила сообщение от незнакомого мне человека, который считал, что я создаю замечательные рассказы. Ко мне вдруг так естественно пришло то самое чудесное чувство, когда ты понимаешь, что у тебя что-то хорошо получается.

Летом после окончания первого курса я устроилась работать секретарем на радиостанцию. Через месяц я уже писала забавные рекламные объявления для станции. Менеджеру понравились мои идеи, и

некоторые из них появились в эфире. Все мои друзья слушали эту радиостанцию в ожидании моих смешных объявлений. Было по-настоящему приятно слышать свои произведения по радио и получать реакцию, на которую я рассчитывала.

Когда моя работа получила признание, я начала понимать, что обладаю способностями к чему-то, что, возможно, могло бы стать моей карьерой. Я начала работать в индустрии развлечений сразу же после окончания колледжа. Осваиваясь в этой сфере деятельности, я сменила несколько мест работы, сотрудничала с разными телесценаристами и кинопродюсерами. Несколько лет я бегала за кофе для своих руководителей и мыла их машины, а потому поняла, что многие из этих «профессий мечты» даже с большой натяжкой нельзя назвать творческими. Сначала я мечтала о том, чтобы писать сценарии для шоу Saturday Night Live («Субботним вечером в прямом эфире»), но вскоре поняла, что постоянные сжатые сроки и стрессовая атмосфера сводили на нет все приятные моменты от творческого процесса и признания. Я начала задумываться: *почему мой талант должен оцениваться суммой моей зарплаты?* В конце концов мне просто нравится вызывать у людей смех, и, если хоть один из моих очерков, рассказов или смешных электронных опусов заставляет кого-то хохотать до упаду, мне этого вполне достаточно. Когда я это осознала, то стала гораздо счастливее.

Я понимаю, что главная причина, по которой мне нравится писать юмористические рассказы, очевидна: делая это, я чувствую себя остроумной и сообразительной. На протяжении многих лет я ощущала себя бестолковой, потому что всегда неважно училась в школе. А литературные опыты придают мне уверенности, помогают лучше понимать себя и оставаться собой».

Цель такой формы развлечения – достижение необходимой гармонии между зарабатыванием на жизнь и получением от нее удовлетворения. Вне зависимости от того, сколько времени мы проводим в своей стихии, для хорошего самочувствия нам крайне важно иметь время и способ для самореализации в любимом деле, к которому мы испытываем настоящую страсть. Все больше людей выбирает для этого официальные и неофициальные сети и организации, клубы и фестивали, позволяющие общаться и заниматься совместной деятельностью с единомышленниками, разделяющими их творческие интересы. Таким местом может стать хор, театральный фестиваль, научный клуб или музыкальный коллектив. Эмоциональное и духовное удовлетворение от любимого занятия не менее важно для счастья, чем удовлетворение материальных потребностей, которое приносит нам работа, пусть даже выполняемая по необходимости.

Исследование счастья – сравнительно новое направление в науке, которому шесть десятилетий назад положил начало Абрахам Маслоу. Он предположил, что мы уделяем слишком много времени изучению с психологической точки зрения своих положительных качеств вместо того, чтобы сосредоточиться исключительно на том, что делает нас психически нездоровыми. К сожалению, большинство его современников эти слова мало вдохновили. Однако концепция Маслоу нашла широкую поддержку, когда президентом Американской ассоциации психологов стал Мартин Селигман. Он ввел в обращение термин *позитивная психология* и объявил, что целью его годичного пребывания на президентском посту будет организация дальнейших исследований и поиска тех факторов, которые приносят людям счастье. С тех пор ученые провели десятки исследований, посвященных этому вопросу. «Счастливые люди, по всей видимости, веселятся гораздо больше, чем все остальные, – пишет доктор Майкл Фордайс в своей книге «Human Happiness» («Человеческое счастье»). – В их жизни гораздо больше занятий, которыми они занимаются ради удовольствия и развлечения. Они тратят гораздо больше времени на веселые, волнующие и приносящие радость занятия».

Открытие своего призвания не гарантирует, что вы станете богаче. На самом деле возможно как раз противоположное, потому что занятие любимым делом может заставить вас отказаться от карьеры

инвестиционного банкира, чтобы осуществить свою мечту и открыть пиццерию. Это не гарантирует вам славы, популярности или даже улучшения отношений в семье. Однако пребывание в своей стихии, даже в течение непродолжительного времени, может сделать жизнь каждого человека полнее и гармоничнее.

Реализация призвания – это самая динамичная и гармоничная форма человеческого существования, в которой различные стороны нашей жизни не разделены глухой стеной, а, наоборот, взаимодействуют и оказывают друг на друга влияние. Пребывание в своей стихии может в любой момент жизни изменить самовосприятие человека. Неважно, является дело, погружающее нас в свою стихию, основным занятием или просто хобби, но оно может оказать громадное влияние на всю нашу жизнь и жизнь окружающих нас людей.

Российский писатель Александр Солженицын ясно это понимал. «Если вы захотите изменить мир, – говорил он, – то с кого начнете: с себя или с других? Я верю, что если мы начнем с себя, и будем делать то, что нам нужно делать, и станем лучшими людьми, какими только можем быть, у нас будет гораздо больше шансов изменить мир к лучшему».

Глава 11

Добиваться успеха

Многие из людей, о которых рассказывается в этой книге, не слишком хорошо учились в школе, а некоторые даже просто не любили приходить туда. Разумеется, есть множество людей, которые хорошо учатся, поскольку им нравится то, что школа может предложить. Но немало и тех, кто заканчивает или даже бросает школу раньше времени, не сумев определить свои истинные таланты и не понимая, в каком направлении двигаться дальше. Многие считают, что у них вообще ни к чему нет способностей.

Но иногда бросить школу – это лучшее, что может сделать гениальный человек. Сэр Ричард Брэнсон родился в Англии в 1950 году. Он учился в школе Стоу и пользовался там популярностью, легко заводя друзей и добиваясь больших успехов в спорте. Он действительно был отличным спортсменом и заслуженно стал капитаном футбольной и крикетной команд. Кроме того, у юноши рано проявился талант к предпринимательству. К моменту своего пятнадцатилетия он уже активно работал над своими первыми двумя проектами по продаже новогодних елок и небольших австралийских волнистых попугайчиков. Ни одно из этих предприятий не стало особенно успешным, но у Ричарда обозначились очевидные способности к такого рода вещам.

К чему он не проявлял склонности, так это к учебе в школе. Он получал низкие оценки и терпеть не мог занятия. Он пытался как-то исправить положение вещей, но безуспешно – это было совершенно не его занятие. В шестнадцать лет Ричард решил, что с него довольно, и ушел из школы, чтобы больше никогда туда не возвращаться.

Успеваемость Ричарда в школе ставила в тупик его учителей. Он явно был сообразительным и старательным мальчиком, обладал легким характером и был способен использовать свой ум на благие цели – но точно так же было ясно, что он категорически не желает подстраиваться под школьные стандарты. Комментируя решение Ричарда бросить учебу, директор школы сказал: «К двадцати одному году Ричард либо будет сидеть в тюрьме, либо станет миллионером, и я не представляю, какой именно из этих вариантов его ждет».

Оказавшись во взрослом мире, юноша должен был решить, чем ему дальше заниматься в жизни. Спорт не рассматривался как возможный вариант – навыков Ричарда было явно недостаточно для того, чтобы стать профессиональным спортсменом. Однако у Ричарда было еще одно, не менее горячее увлечение, и он был уверен, что имеет к нему *очень* большие способности, – он хотел стать предпринимателем.

Вскоре Ричард Брэнсон создал свой первый настоящий бизнес – журнал Student. В 1970 году он основал фирму, занимавшуюся продажей музыкальных записей по почте. Этот бизнес вскоре превратился в сеть магазинов звукозаписи – вы, должно быть, знаете эти магазины, которые называются Virgin Megastores. Это был первый из его коммерческих проектов под брендом Virgin. Однако далеко не последний. Вскоре после создания сети магазинов он основал звукозаписывающую компанию Virgin Records. Затем, в 1980-х годах, Ричард дал старт совершенно новому проекту, основав Virgin Atlantic Airways, авиакомпанию с минимальным запасом наличных средств и единственным арендованным «Боингом 747». Сегодня в бизнес-империю Ричарда Брэнсона входят такие компании, как Virgin Cola, Virgin Trains, Virgin Fuel, и один из наиболее амбициозных проектов, Virgin Galactic, первое коммерческое предприятие, занимающееся космическим туризмом. Его решение бросить школу и стать

предпринимателем оказалось единственно верным. А пророчество директора школы сбылось – Ричард действительно стал миллионером к двадцати одному году.

Со временем Брэнсон узнал, что одной из причин его плохой успеваемости в школе была дислексия. Она же стала причиной серьезных трудностей при изучении им математики. И до сих пор, несмотря на свое многомиллиардное состояние, Ричард не может разобраться в отчете о прибылях и убытках. Долгое время он даже не мог понять разницу между валовым и чистым доходом. Однажды в приступе раздражения финансовый директор Virgin отвел его в сторону после заседания совета директоров и сказал: «Ричард, взгляни на это с такой точки зрения: если ты пойдешь на рыбалку и забросишь в море сеть, то все, что вытащишь, сможешь оставить себе. Это твоя чистая прибыль.^[64] Все остальное – валовый доход». – «Наконец-то я понял разницу», – ответил Ричард.

Благодаря своему яркому предпринимательскому стилю и блестящим успехам во многих сферах деятельности в 1999 году Ричард Брэнсон получил рыцарское звание. В детстве, когда он с трудом получал удовлетворительные отметки в школе, ничто даже отдаленно не указывало на подобный ход событий, хотя, возможно, это можно было предвидеть.

«На самом деле, – утверждал Ричард в нашей беседе, – все великие предприниматели моего поколения с трудом учились в школе и не могли дождаться ее окончания, чтобы чего-то добиться в жизни».

В отличие от Ричарда Брэнсона у Пола Маккартни школа даже отдаленно не вызывала такого неприятия. В действительности он иногда даже подумывал о том, чтобы стать учителем, до тех пор пока не оказался участником Beatles. И все же один предмет оставлял его неизменно равнодушным. Это была музыка.

«В школе я не любил музыку, потому что нас не учили этому по-настоящему. В нашем классе было тридцать обычных ливерпульских подростков. Учитель музыки приходил на урок и ставил на старый проигрыватель какую-нибудь старую долгоиграющую пластинку с классической музыкой, а затем выходил из класса. Остаток урока он проводил в учительской, покуривая сигарету. Поэтому вскоре после его ухода мы выключали проигрыватель и ставили одного из ребят караулить у двери. Затем доставали игральные карты и сигареты и весь урок развлекались. Это было здорово. Музыка у нас ассоциировалась только с уроками, на которых мы играли в карты. Ко времени, когда учитель возвращался, мы ставили пластинку обратно и включали ее ближе к концу записи. Он спрашивал, понравилось ли нам, и мы хором отвечали: " Это было здорово, сэр! " Я действительно не могу вспомнить больше ничего из школьной жизни, связанного с музыкой. Честное слово. Это все, чем мы занимались.

Учитель музыки за все школьные годы не научил нас совершенно ничему, имеющему отношение к музыке. А ведь – обратите внимание – его учениками были Джордж Харрисон и Пол Маккартни, но он не смог вызвать у нас ни малейшего интереса к музыке. Мы с Джорджем окончили школу и даже не подозревали, что имеем хоть какой-то музыкальный талант. Единственным способом, который помогал это выявить, становилось участие в небольшой музыкальной группе или что-то вроде этого. Иначе никто просто не заметил бы вашего интереса к музыке. Кстати, Джон, будучи школьником, тоже участвовал в одной такой группе. Иногда, конечно, люди выбрасывали гитары после окончания школы, чтобы заняться «серьезными» делами. И поверьте, никто не учил нас ничему связанному с музыкой».

Обретение своего призвания крайне важно и для самого человека как личности, и для здоровья всего общества в целом. Образование должно быть одним из главных процессов, помогающих найти свою стихию. Однако слишком часто оно играет в нашей жизни противоположную роль, что давно стало очень серьезной проблемой для всех нас. И сегодня во многих образовательных системах эта проблема только усугубляется.

Что же мы делаем для ее решения?

Взгляд свысока

Я получаю множество электронных писем от студентов и учащихся всего мира. Ниже приведено одно из них. Оно написано семнадцатилетней девушкой из Нью-Джерси, которая видела мое выступление на конференции *TED*[\[65\]](#) в 2006 году.

«Я сижу в своей комнате и не могу уснуть. Уже шесть часов утра, и сейчас в моей жизни наступил период, который должен навсегда изменить меня. Через несколько недель я стану ученицей выпускного класса. Колледжи уже сейчас стали главной темой, вокруг которой крутится моя жизнь... и я ненавижу все это. Не то чтобы я не желала поступать в колледж, просто мне хотелось бы заниматься другими вещами, которые не оказывали бы давления на мои идеи. Я на сто процентов уверена, что знаю, чем я хотела бы заниматься и чему посвятить свою жизнь. Но все вокруг считают, будто получение ученой степени или какая-нибудь скучная работа – это ключевое условие, необходимое для того, чтобы добиться успеха в жизни. Мне кажется, что тратить свое время на скучные и бессмысленные занятия – плохая идея. Черт возьми, у меня всего одна жизнь! Ненавижу, когда мои родители или родители моих друзей насмешливо смотрят на меня, когда я говорю, что хочу заниматься чем-то совершенно непохожим на эти банальные профессии, связанные с медициной или бизнесом.

Как-то раз я случайно увидела видео, где какой-то человек говорил об идеях, бродивших в моей голове, – и это вызвало у меня настоящую эйфорию... Если каждый захочет быть фармацевтом, то в будущем медицинская профессия уже не будет такой престижной. Мне не нужны деньги, не нужна какая-нибудь паршивая дорогая машина. Я хочу сделать в жизни что-то значительное, но очень редко нахожу поддержку. Я просто хочу сказать, что Вы помогли мне снова поверить, и теперь я могу идти за своей мечтой. Как художник, композитор, скульптор или писатель. И хочу искренне поблагодарить Вас за то, что Вы дали мне надежду.

Наша учительница рисования всегда пристально смотрит на меня, когда я делаю что-то необычное. Однажды я вылила воду для полоскания кисти на рисунок, о котором учительница сказала «работа завершена и может быть поставлена оценка». Господи, видели бы Вы выражение ее лица. В школе устанавливаются такие четкие рамки, а я хочу вырваться из них и воплощать в жизнь идеи, которые возникают у меня в голове в три часа ночи. Я ненавижу рисовать простые старые ботинки или деревья и не хочу, чтобы за мои рисунки ставили оценки. С каких это пор за искусство ставятся оценки? Я готова поспорить, что, если бы Пабло Пикассо вручил одну из своих работ этой старой учительнице рисования, она наверняка бегло посмотрела бы на нее и поставила ему двойку. Однажды у меня возникла идея объединить скульптуру и холст, переплести их вместе и создать при помощи скульптуры иллюзию, будто мой рисунок ожил и движется навстречу зрителю... Учительница ответила, что это не разрешается! Мне остался один год до окончания художественной студии, а я слышу, что, оказывается, не могу заниматься трехмерным искусством? Это ненормально, и нам нужно, чтобы такие люди, как Вы, приехали в Нью-Джерси и произнесли пару речей об этом понятии под названием *творчество*, на которое многие смотрят свысока.

Стоит мне сказать о том, что я хочу стать художником, – и люди вокруг меня начинают смеяться или хмуриться. Мне больно видеть это. Почему люди не могут заниматься тем, что они любят? Разве счастье заключается в том, чтобы иметь большой дом и большой телевизор, или в том, чтобы, сжимаясь от ужаса, наблюдать за меняющимися столбцами цифр, когда индекс S&P[\[66\]](#) падает на один пункт?.. Этот мир превратился в перенаселенное место, полное страха и конкуренции. Спасибо Вам за эти девятнадцать минут и двадцать девять секунд чистой правды. Пока».

Эта школьница протестует против двух вещей, которые большинство людей в конечном итоге обнаруживают в своем образовании. Первая из них – это иерархичность школьных предметов, которую мы рассматривали в начале книги. Вторая – это то, что конформизм ценится больше, чем непохожесть.

Конформизм или творчество

Государственное образование оказывает жесткое давление на учащихся, делая из них конформистов. Государственные школы были созданы не только в интересах индустриализации – они были созданы *по образу* индустриализации. Во многих отношениях они отражают фабричную культуру, для поддержки которой и были предназначены. Это особенно справедливо для старших классов, где школьная система представляет собой образование, построенное по принципу сборочного конвейера и эффективного разделения труда. Школьное расписание делится на профильные сегменты: одни учителя вкладывают в головы учеников математику, другие – историю. День разбивается на стандартные промежутки времени, размеченные школьным звонком, что очень напоминает оповещение рабочих на фабриках о начале смены или окончании перерыва. Обучение происходит в группах, сформированных в соответствии с возрастом, словно самое важное, что объединяет учеников, это дата их производства. Им дают стандартизированные тесты в заранее определенные сроки и сравнивают друг с другом, прежде чем выпустить на рынок. Я понимаю, что это не совсем точная аналогия и она не учитывает некоторые тонкости системы. Но данная картина достаточно близка к реальности.

Безусловно, эта система имеет множество преимуществ и достижений. Она очень помогла многим людям, способности которых лежат в сфере академической деятельности, а также большинству тех, кто после тринадцати лет государственного образования становится хотя бы в некоторой степени грамотным и может отсчитать сдачу с двадцати долларов. Однако доля учеников, преждевременно и по своей воле покидающих школу, особенно в США, чрезвычайно велика, а степень неудовлетворенности среди учителей, студентов и их родителей еще выше. Структура и характер индустриального образования все меньше соответствуют требованиям двадцать первого века. Весьма важным симптомом этой проблемы является снижение значимости высшего образования.

В школе мне и моим сверстникам постоянно говорили, что если мы, усердно занимаясь, будем иметь хорошие отметки, поступим в колледж и получим высшее образование, то стабильная работа на протяжении всей жизни нам будет однозначно гарантирована. В то время мысль о том, что человек с высшим образованием останется без работы, казалась абсурдной. Единственной причиной, по которой человек мог не иметь работы, считалось его собственное нежелание трудиться.

Например, я окончил колледж в 1972 году и действительно *не* хотел работать. Я учился с пяти лет и мечтал сделать перерыв. Я жаждал найти себя, а потому решил поехать в Индию, где это казалось осуществимым. Так получилось, что в Индию я не поехал. Я добрался лишь до Лондона, где много индийских ресторанов. Но я никогда не сомневался, что найду работу без малейших проблем, как только приму подобное решение.

Сейчас все не так. Студентам-выпускникам уже не гарантировано получение работы в той сфере, в которой они получили квалификацию. Многим выпускникам ведущих университетов теперь часто приходится выполнять не совсем квалифицированную работу или сидеть дома, обдумывая дальнейшие шаги. В действительности в январе 2004 года количество безработных американских выпускников колледжей превысило количество безработных, не окончивших школу. Трудно поверить, но это факт.

Выпускники колледжей всего мира сталкиваются с проблемами. В докладе британской Ассоциации специалистов по найму выпускников [\[67\]](#) отмечается, что в 2003 году выпускникам колледжей предлагалось на 3,4 процента меньше открытых вакансий, чем в предыдущем году. На каждую из этих вакансий претендовали в среднем сорок два человека (в предыдущем году – тридцать семь человек). Это означает, что борьба за хорошую работу становится более ожесточенной, даже при наличии хорошего образования.

В Китае, гордящемся самыми быстрыми в мире темпами роста экономики, наблюдаются огромные показатели безработицы среди выпускников колледжей (по некоторым оценкам, эта цифра равна 30 процентам из трех с лишним миллионов ежегодно выпускающихся студентов). Что же будет, если рост экономики страны замедлится?

Действительно, все еще верно, что человек, выходящий на рынок труда, имеет более высокие шансы, если у него есть высшее образование. Как показывает недавний отчет Американского бюро переписи населения, выпускники колледжей могут рассчитывать на заработок, который на протяжении всей их жизни более чем на один миллион долларов превысит доход людей со средним образованием. Люди с ученой степенью имеют шанс заработать на три миллиона больше обладателей среднего образования.

Однако простая истина заключается в том, что высшее образование сегодня ценится гораздо меньше, чем раньше. Когда-то диплом вуза был пропуском к хорошей работе. Сегодня высшее образование является в лучшем случае шансом на ее получение. Оно дает условную возможность выйти на рынок труда. Конечно, это произошло не потому, что сегодня снизились стандарты высшего образования. Сложно судить, но полагаю, что это произошло прежде всего потому, что дипломы сейчас имеет слишком много людей. В период индустриализации большинство людей были заняты ручным трудом, работали на производстве, и потому лишь немногие поступали в колледж. Те, кто это делал, с изумлением обнаруживали, что их дипломы подобны золотым билетам Вилли Вонки.[\[68\]](#) Но сегодня дипломы огромной армии бакалавров все больше и больше напоминают блестящие бумажки, в которые заворачивают шоколадные плитки.

Почему число выпускников колледжей сегодня так возросло? Первая причина состоит в том, что в двадцать первом веке, по крайней мере в развитых странах, главенствующая роль в экономическом прогрессе принадлежит инновациям в сфере цифровых технологий и информационных систем. Они все меньше зависят от ручного труда и все больше от того, что мой дядя обычно называл «работа головой». Поэтому стремительно растет число людей, которым крайне важно иметь высшее образование.

Вторая причина заключается в том, что сегодня в мире живет больше людей, чем когда бы то ни было. Население планеты за последние тридцать лет удвоилось с трех до шести миллиардов человек, а к середине столетия может достичь девяти миллиардов. Учитывая все эти факторы, по некоторым оценкам, в ближайшие тридцать лет высшее образование получит больше людей, чем с начала истории в целом.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), за десять лет – с 1995 по 2005 год – количество выпускников вузов в странах с наиболее развитой экономикой увеличилось на 12 процентов. В настоящее время более 80 процентов молодых норвежцев и австралийцев являются выпускниками колледжей. Высшее образование получают более 60 процентов американских учащихся. В Китае более 17 процентов молодых людей студенческого возраста поступают в колледжи, и этот показатель быстро растет. Не так давно он составлял всего 4 процента.

Одно из последствий такого невероятного роста популярности высшего образования заключается в том, что конкурс при поступлении во многие университеты – даже не в самые престижные – все больше повышается. Эта конкуренция способствует расцвету новой профессии платных репетиторов и активизации подготовительных программ для поступления в вузы. Такая тенденция особенно характерна для Японии, где «подготовительные школы» существуют по всей стране. Есть даже сети подобных школ. Они осуществляют подготовку дошкольников, иногда с годовалого возраста, к вступительным экзаменам в престижные начальные школы (необходимый первый шаг к поступлению в любой из ведущих японских университетов). Маленькие дети в таких школах занимаются литературой, грамматикой, математикой и другими предметами, чтобы получить «конкурентное преимущество». Зачастую это происходит за счет каникул, занятий искусством или изучения каких-либо ремесел. Широко распространено убеждение, что

будущее потенциального японского руководителя во многом определяется возрастом, в котором он или она идет в первый класс.

Такая же ситуация наблюдается в США и других странах. Во многих городах, к примеру в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке, существует жесткая конкуренция за места в определенных детских садах. С детьми в трехлетнем возрасте проводится собеседование, чтобы определить, подходят ли они для конкретного детского сада. Я имею в виду, что создается серьезная отборочная комиссия, тщательно изучающая резюме этих малышей и оценивающая их достижения на текущий момент. «Ты хочешь сказать, что это все? Ты живешь на свете уже почти тридцать шесть месяцев, и это все, что ты сделал? Судя по всему, ты провел первые полгода, ничего не делая, только лежал в кровати и агукал».

Подготовительные школы существуют по всему миру. В Англии основной задачей таких школ является подготовка детей к вступительным экзаменам в колледжи; тем же занимаются и курсы SAT в США. В Индии такого рода курсы называются «консультациями» и помогают учащимся пройти сравнительные тесты. В Турции существует система «дершан», в рамках которой все усилия педагогов направлены на повышение успеваемости учащихся при помощи насыщенных программ занятий по выходным и в будние дни после школы.

Сложно поверить в то, что система образования, оказывающая на ребенка такое давление, может принести кому-то пользу – детям или обществу, в котором они живут.

Большинство стран предпринимает меры по реформированию образования. Но с моей точки зрения, они подходят к этому совершенно неправильно.

Реформирование образования

Образовательные системы большинства государств находятся сегодня в процессе реформирования – будь то в Азии, обеих Америках, Европе, Африке или на Ближнем Востоке. Тому есть две главные причины. Первая из них – экономическая. Каждый регион сталкивается с одинаковыми экономическими задачами – как дать людям такое образование, чтобы они могли найти работу и заработать достаточно денег в мире, где все меняется быстрее, чем когда бы то ни было. Вторая причина – культурная. Общества всего мира стремятся извлечь пользу из глобализации, но не хотят в ходе этого процесса потерять свою индивидуальность. Франция, например, хочет оставаться французской, а Япония – японской. Культурные ценности всегда находятся в процессе эволюции, но образование – это один из способов, с помощью которых общества пытаются контролировать степень подобных изменений. Вот почему всегда разгораются слишком жаркие дебаты вокруг содержания образовательных программ.

Ошибкой, которую допускают многие авторы таких программ, является вера в то, что в сфере образования наиболее эффективным способом подготовиться к будущему становится улучшение того, что делалось в прошлом.

Фундаментом образовательной системы являются три кита: материал, педагогика и оценивание. Материал – это та учебная программа, которую, как ожидает школьная система, учащиеся должны изучить; педагогика – процесс, посредством которого система помогает ученикам это сделать; и оценивание – суждение о том, насколько хороши достигнутые ими результаты. В большинстве реформ акцент делается на учебной программе и оценивании результатов.

Как правило, разработчики политики в сфере образования пытаются контролировать содержание учебных программ и четко регламентировать то, что студенты должны изучать. Таким образом они пытаются придать стабильность существующей иерархии предметов, уделяя приоритетное значение дисциплинам, находящимся на вершине этой иерархии. На практике это означает, что они отодвигают другие дисциплины – а заодно и учащихся, имеющих к ним значительные способности, – еще дальше на обочину образования. Так, например, в США более 70 процентов школьных округов в рамках программы «Ни одного отстающего ребенка» сократили или исключили из процесса обучения курсы по изучению искусств.

Кроме того, сфера образования придает большое значение формальной оценке знаний. Не то чтобы это было само по себе неверно. Проблема скорее кроется в применяемом методе. Как правило, реформы все чаще опираются на рост количества стандартизированных тестов. Одним из главных последствий такого подхода становится ограничение инноваций и творчества в образовании, то есть как раз тех параметров, которые способствуют качественному развитию школ, учеников и их педагогов. Некоторые исследования становятся тревожными маркерами, отмечающими негативное влияние бесчисленных стандартизированных тестов на моральное состояние преподавателей и учащихся. Существует множество свидетельств этой тенденции из практики.

Мой друг недавно рассказывал, как в октябре его восьмилетняя дочь объявила, что ее учительница «ничему их не учила» с начала учебного года. Она объяснила это так: школа настаивала, чтобы преподаватель сосредоточился на подготовке учеников к приближающимся стандартизированным тестам штата. Дочь моего друга считала это бесконечное повторение для подготовки к тестам скучным и предпочла бы, чтобы учительница «учила» детей вместо такого рутинного занятия. Любопытно, но когда мой друг с женой пришли на полугодовое родительское собрание, учительница горько пожаловалась, что ей пришлось значительно сократить время, затрачиваемое на курс чтения. Она очень любила этот курс, но

руководство школы вынуждало ее готовить учеников к регулярно проводимым окружным тестам. Хорошие учителя видят, что их собственное творчество ограничивается.

Кроме того, разработчики образовательной политики наказывают «отстающие» школы. В рамках программы «Ни одного отстающего ребенка» в школах, которым не удается выполнить предусмотренные этим проектом нормативы, увольняют учителей и руководство, а сами школы закрывают и передают в собственность частных организаций или штата. Подобные решения принимаются вне зависимости от социально-экономических и прочих обстоятельств. Поэтому школы любыми способами стремятся соответствовать иерархии и культуре стандартизации, со страхом избегая практически любых мероприятий, связанных с творчеством или адаптацией к индивидуальным потребностям и талантам учащихся.

Позвольте мне прояснить свою точку зрения. Я не против стандартизированных тестов в принципе. Отправляясь на медицинский осмотр, я, конечно же, хочу пройти стандартизированные тесты. Я хочу знать, каковы мои показатели уровня сахара и холестерина в крови в сравнении с аналогичными показателями других людей. Я хочу, чтобы мой врач использовал стандартный тест и стандартную шкалу, а не те, которые он придумал в машине по пути на работу. Однако эти тесты сами по себе лишь полезная часть процесса определения диагноза. Доктор должен знать, что делать в моем случае с результатами теста, и обязан объяснить, как мне следует лечиться, учитывая индивидуальные показатели моего организма.

То же самое и с образованием. Правильное использование стандартизированных тестов может обеспечить педагогов важной информацией для поддержки и улучшения образовательного процесса. Проблема возникает, когда эти тесты превращаются в нечто большее, чем просто инструмент образования, и становятся его главной целью.

Какова бы ни была их роль в образовании, стандартизированные тесты сегодня превратились в большой бизнес. Растущее влияние этих тестов в значительной мере связано с соображениями прибыли. По данным Главного бюджетно-контрольного управления США (GAO), расходы каждого из американских штатов на усовершенствование тестов, используемых в рамках программы «Ни одного отстающего ребенка» в период с 2002 по 2008 год, составят от 1,9 до 5,3 миллиарда долларов. И данная цифра включает только прямые затраты. Косвенные издержки увеличат этот показатель в десять раз. Большинство выделенных средств перечисляется частным компаниям, которые составляют, без конца модифицируют эти тесты и разрабатывают системы оценки для них. Стандартизированные тесты стали бурно развивающейся индустрией. По прогнозам GAO, эти компании могут за семь лет заработать более 100 миллиардов долларов.

Вы, должно быть, обратили внимание, что я еще не упомянул о преподавании – третьей составляющей процесса образования. Дело в том, что разработчики политики в области образования, по-видимому, не осознают фундаментального значения педагогики в повышении образовательных стандартов. Лично я, опираясь на десятилетия работы в этой сфере, твердо убежден, что лучший способ повысить качество образования – это не заикливаться на учебной программе или системе оценок, как бы они ни были важны. Наиболее действенным методом улучшения качества образования является инвестирование в методики более эффективного преподавания и повышение статуса хороших учителей. Отличных школ без отличных учителей не бывает. Однако существует множество плохих школ, где полки и шкафы ломятся от стопок учебных планов и кип стандартизированных тестов.

Дело в том, что с учетом требований времени образованию необходимы не реформы, а трансформация. Ее главным принципом должна быть не стандартизация образования, а его персонализация с опорой на индивидуальные таланты и достижения каждого ребенка. Необходимо создать для учащихся обстановку, которая пробуждала бы в них желание учиться и в которой они могли бы

естественным образом раскрыть свои способности и истинные предпочтения. Ключевой идеей обновленной системы образования должно стать признание основных принципов концепции призвания. Некоторые наиболее впечатляющие и успешные инновации в сфере образования по всему миру подтверждают высокую эффективность такого подхода.

Новый взгляд на образование

В начале своей карьеры я работал в сфере драматического образования. И занимался этим потому, что на меня произвело глубокое впечатление удивительное воздействие драмы на детское воображение. Она пробуждала в детях мощные по силе чувства – стремление к сотрудничеству, уверенность в собственных силах, ощущение себя полноправным членом группы. Давно замечено, что дети показывают прекрасные результаты, когда учатся друг у друга или когда их педагоги учатся вместе с ними. Я упоминал ранее, что моя жена и партнер Терри в момент нашего знакомства преподавала драму в начальной школе в Ноусли, бедном и неблагополучном районе Ливерпуля. Несмотря на это, школа демонстрировала отличные результаты. Причины такого феномена на самом деле просты. Во-первых, во главе школы стоял директор-энтузиаст, который знал, какую жизнь вели его ученики за стенами школы. Он также понимал, каким образом можно вызвать у них настоящий интерес к учебе. Во-вторых, он брал на работу таких людей, как Терри, – страстно увлеченных своими предметами и умевших находить общий язык с детьми. Вот как сама Терри рассказывает о методике, применявшейся в школе:

«Я горячо верю в то, что драма, правильно включенная в учебную программу, может коренным образом изменить культуру школы. Я убедилась в этом на собственном опыте, будучи учительницей в одном из беднейших районов Ливерпуля. Мы даже хранили в школе чистую одежду для некоторых детей. Они надевали ее утром, приходя на занятия, и снимали, когда уходили домой. Мы уже по опыту знали, что если просто отдать одежду этим детям, то через неделю ее состояние будет непоправимо плачевным или она вообще таинственным образом исчезнет.

У некоторых детей дома была ужасающая обстановка. Помню, как на одном из уроков дети писали сочинения, и одна из девочек в своей работе рассказала о мертвых младенцах. Мы были поражены правдоподобием этой истории, и школа связалась с социальными службами, чтобы проверить, что происходит у нее дома. Инспектора обнаружили, что тело ее сестры, родившейся недоношенной, разлагалось под кроватью девочки.

Наши классы были переполнены, а семьи учеников стали настоящим пособием по всем социальным проблемам, какие только можно себе вообразить. Но школа обладала настоящим сокровищем: у нас работали группа преданных своему делу учителей действительно мирового уровня и мудрый директор. Он верил, что мы можем использовать все свои сильные стороны и центром нашего самого пристального внимания должны быть дети. Он собирал сотрудников на совещания, чтобы обсудить, как мы можем изменить школьный день, и просил каждого из нас рассказать о своем предмете, а также о том, что нам нравится преподавать больше всего. В то время обычным делом для детей считалось проводить весь день с классным руководителем. Учитывая это, после нескольких месяцев совещаний мы разработали план. По утрам мы учили детей чтению, письму и математике, а затем днем каждый из нас преподавал им свой любимый предмет. Это означало, что в течение недели каждый учитель преподавал во всех классах.

Поскольку я преподавала драматическое искусство, моей задачей было узнать, что проходил каждый класс по каждому из предметов, а затем воплотить это в жизнь в актовом зале. Второй учитель занимался с детьми искусствоведением, еще один – географией, еще один – историей, и так далее. Затем мы выбирали темы для каждого класса. Когда десятилетние ученики читали историю французской революции, они с учителем естествознания построили гильотину, а затем мы инсценировали судебное разбирательство, проводили «казнь» и даже немного говорили по-французски. Так мы «обезглавливали» даже кое-кого из учителей.

Когда темой наших занятий была археология с изучением времен Древнего Рима, мы инсценировали

адаптированную версию трагедии «Юлий Цезарь». Дети привыкали к этому процессу и ощущали себя комфортно. Поэтому, когда приходило время ставить школьные спектакли, они чувствовали уверенность в своих силах и жаждали принять в них участие в любом качестве: выступать на сцене, шить костюмы, устанавливать декорации, писать тексты, петь или танцевать. Они не могли дождаться этих уроков. Все проходило очень весело, и наблюдение за тем, как в детях формировались социальные навыки и коммуникабельность, приносило нам огромное удовлетворение.

Они учились использовать свое воображение и достигали в этом удивительных высот. Дети, которые никогда ничем не блистали, вдруг понимали, что могут достичь больших успехов. Они были обычными детьми, которые не в состоянии долго сидеть на одном месте. Да этого и не нужно было делать. Многие осознавали, что могут играть на сцене, развлекать окружающих, писать, дискутировать и уверенно выступать перед всем классом. Их уровень по всем предметам значительно и неуклонно повышался. Нас очень поддерживали родители, а власти приводили нашу школу в пример. И все это происходило благодаря замечательному человеку – директору нашей школы Альберту Ханту».

Полу Маккартни в отличие от уроков музыки очень нравились уроки английского языка. Это случилось благодаря тому, что учитель однажды познакомил Пола с творчеством Чосера таким способом, который, как он знал, будет самым эффективным для восприятия мальчика-подростка.

«Лучшим из моих учителей был учитель английского языка Алан Дурбанд. Он был великолепен. При нем я хорошо учился, потому что он понимал мышление пятнадцатилетних и шестнадцатилетних мальчишек. С ним я изучал английский язык на продвинутом уровне. Мы осваивали Чосера – понять его староанглийский язык было невозможно. Шекспир был достаточно сложен, но Чосер – еще хуже. Его произведения казались написанными на иностранном языке. Но мистер Дурбанд дал нам современный английский перевод, выполненный Невиллом Когхиллом, в котором на одной странице был оригинальный текст Чосера, а на странице напротив – версия на современном английском языке, так что можно было понять смысл произведения.

Алан Дурбанд рассказал нам, что в свое время Чосер был по-настоящему популярным писателем и его произведения считались довольно непристойными. Он знал, что это нас заинтересует – так и произошло. Он попросил нас прочесть «Рассказ мельника» – весьма фривольный. Он действительно пригласил меня к литературе. Он понял, что лучшей приманкой для нас будет секс. Так оно и было – когда он предложил нам эту приманку, я попался на крючок».

По всему миру разрабатываются невероятно интересные и перспективные модели систем образования. В городе Реджио Эмилия на севере Италии в начале 1960-х годов был создан революционный метод дошкольного образования. В рамках этой программы, всемирно известной сегодня как подход Реджио,^[69] маленькие дети по умолчанию считаются интеллектуально любознательными, изобретательными и обладающими большим потенциалом. В центре внимания учебного курса находится ребенок – учителя проводят уроки в соответствии с интересами учеников. Обстановка в школе крайне важна и рассматривается как важный инструмент обучения. Учителя оснащают комнаты для занятий яркими игровыми зонами, рабочими столами и разнообразными предметами, при помощи которых дети могут общаться друг с другом, решать поставленные задачи и учиться эффективной коммуникации.

В школах, использующих подход Реджио, значительное время уделяется искусству. Это соответствует убеждению, что дети учатся многочисленным «языкам символов» посредством рисования, музыки, кукольных представлений, драмы и других форм искусства, чтобы исследовать свои таланты с помощью всех существующих способов обучения. Эту концепцию иллюстрирует стихотворение создателя программы, Лориса Малагуцци:

У ребенка

сто языков,
сто рук,
сто мыслей,
сто способов думать,
играть и говорить.
Сто способов слушать,
восхищаться,
любить.
Сто радостных чувств,
чтобы петь и понимать с
то миров,
чтобы совершать открытия.
У ребенка
сто языков,
но у него крадут
девяносто девять из них.
Школа и культура
отделяют голову от тела.
Они учат:
думать без рук,
делать без головы,
слушать молча,
понимать без радости,
а любить и восторгаться
только на Пасху и Рождество.
Они учат:
открывать уже существующий мир,
а девяносто девять из ста миров крадут.
Они учат:
игра и труд,
реальность и фантазия,
наука и воображение,
небо и земля,
разум и мечты —
вещи, несовместимые друг с другом.

В общем, учат,
что нет никакой сотни.
Ребенок говорит: сотня есть. [\[70\]](#)

Учителя, придерживающиеся метода Реджио, строят программу учебного года по методу краткосрочных недельных проектов, в ходе которых ученики совершают открытия, рассматривая вещи с различных точек зрения, учась строить гипотезы и сотрудничать друг с другом. И все это происходит в рамках учебной программы, которая во многом воспринимается как игра. Учителя считают себя исследователями, которые действуют в интересах детей, помогают лучше изучить интересующие их вещи и сами продолжают учиться вместе со своими учениками.

На протяжении двух последних десятилетий школы Реджио получили широкое признание, им была присуждена премия LEGO, премия Ганса Христиана Андерсена и премия Образовательного фонда Долорес Коль. В настоящее время школы, применяющие подход Реджио, существуют по всему миру (включая тридцать американских штатов).

Город Грейнджтон сильно отличается от города Реджио Эмилия. На самом деле с формальной точки зрения это даже не город. Фактически это община, управляемая учениками начальной школы Грейндж в Лонг Итоне – городке графства Ноттингемпшир в центральной Англии. В городе есть мэр и городской совет, свои газета и телестудия, продовольственный рынок и музей – и всем этим управляют дети. Директор школы Ричард Джервер считает, что «учеба должна что-то значить для молодых людей». Поэтому, когда школьный совет нанял его, чтобы подтянуть отстающую школу, он применил неординарный подход и создал Грейнджтон. Новый директор руководствовался единственной целью – вызвать у детей интерес к учебе, связав уроки с их значением в реальном мире. «Мои ключевые слова – опыт и контекст», – сказал мне Джервер.

Он коренным образом изменил учебную программу – и сделал это в рамках директив, принятых в системе национального тестирования. Ученики в Грейндж усиленно занимаются классной работой, но это происходит таким способом, который позволяет им понять практическое значение изучаемых предметов. Математика приобретает большее значение, когда изучается в контексте управления кассовым аппаратом и оценки прибыли. Грамотность и навыки письма приобретают дополнительный смысл, когда используются при составлении настоящего киносценария. Естествознание оживает, когда ученики применяют определенные технологии для создания телешоу. Ценность музыки увеличивается, когда детям приходится составлять эфирный лист для радиостанции. Изучение гражданских прав обретает ясность, когда городскому совету приходится принимать решения. Джервер регулярно приглашает в школу профессионалов, чтобы помочь ученикам разобраться в технических вопросах. В программе активно участвует BBC.[\[71\]](#)

Дети постарше относятся к своим обязанностям с большей ответственностью (и их учебная программа в основном ориентирована на модель Грейнджтона). Однако младшие ученики начинают принимать активное участие в этой деятельности почти сразу же, как только приходят в школу. «Ни на одном этапе обучения мы не пытаемся внушить им мысль, будто все усилия предпринимаются нами только для того, чтобы они сдали экзамены, – отмечает Джервер. – Они учатся, потому что видят, какое влияние это оказывает на прогресс их Грейнджтонской общины, а экзамены – лишь способ оценить степень успешности данного процесса. Это позволяет детям с совершенно иной точки зрения взглянуть на причину, по которой они находятся в школе».

Уровень посещаемости в школе Грейндж гораздо выше среднего по стране. При этом учащиеся образцово выполняют национальные тесты. В 2004 году у 91 процента учащихся был отмечен профессиональный уровень владения английским языком (рост на 30 пунктов по сравнению с 2002 годом, предшествовавшим началу программы), 87 процентов показали высший уровень владения математикой (рост на 14 пунктов) и 100 процентов поразили экзаменаторов прекрасным уровнем знаний в области естествознания (рост на 20 пунктов). «Этот проект оказал потрясающее влияние на способности учеников, – говорит Джервер. – Дети, которые раньше были немотивированы и демонстрировали посредственную успеваемость, сейчас с настоящим энтузиазмом и рвением взялись за учебу. Особенно это было характерно для мальчиков и потенциально амбициозных ребят. Дух творчества охватил классы, учителя адаптировали и совершенствовали свою манеру преподавания с тем, чтобы привнести в занятия больше опыта и контекста. В детях воспитывали уверенность в себе и независимость. Учеба в Грейндж обретала в глазах детей настоящий смысл, и они чувствовали себя частью захватывающего действия. Этот эффект распространился на всех сотрудников школы и родителей учеников, которые тоже начали вносить значительный вклад в дальнейшее развитие проекта».

В недавнем отчете Управления стандартов в области образования британского агентства по инспекции школ так упоминается о Грейндж: «Ученикам нравится приходить в эту школу, они с энтузиазмом говорят о проводимых там увлекательных мероприятиях, в которых охотно принимают

участие, испытывая при этом радостное волнение и растущую уверенность в себе».

В штате Оклахома действует новаторская программа под названием «Школы А+», которая опирается на чрезвычайно успешный проект, разработанный в Северной Каролине. В рамках этой программы, которая сегодня используется в более чем сорока школах Оклахомы, акцент сделан на важности искусства как метода преподавания различных дисциплин учебной программы. Ученики могут, к примеру, писать песни в стиле рэп, чтобы в полной мере прочувствовать важные темы литературных произведений. Преподаватели поощряют их к созданию коллажей различных размеров для лучшего понимания практической пользы математики. Яркие презентации, созданные учениками, помогают иллюстрировать ключевые моменты истории, а танцевальные движения делают более доступными многие вопросы, связанные с естествознанием. В некоторых школах ежемесячно проводятся «информационные представления», в которых живые выступления продуманно сочетаются с академической информацией.

«Школы А+» поощряют подростков использовать такие инструменты обучения, как рисование карт, создание «тематических сетей» (установление связей между различными дисциплинами), формулирование важных вопросов, создание междисциплинарных тематических кружков и интеграция различных предметов учебной программы. Учебный план строится вокруг принципа обучения на основе опыта. Такие школы используют усовершенствованные методы оценки, помогающие ученикам постоянно быть в курсе своих результатов. В этих школах поощряется сотрудничество преподавателей разных дисциплин, учеников – друг с другом, школы – с местным сообществом. Они совместными усилиями создают инфраструктуру по поддержке программы и ее необычного способа взаимодействия с учебным планом, разработанным штатом. И они создают обстановку, в которой учащиеся и преподаватели увлечены своей работой.

Школы, участвующие в этой программе, создаются для различных демографических групп. Эти школы могут быть городскими и деревенскими, крупными и небольшими. Они могут располагаться как в богатых, так и в экономически неблагополучных районах. Однако неизменным остается то, что ученики «Школ А+» демонстрируют значительное улучшение результатов стандартизированных тестов и часто итоги их тестирования оказываются выше, чем у учащихся школ с аналогичным демографическим охватом, не использующих программу. Одна из участниц этой программы, начальная школа Линвуд в Оклахома-Сити, дважды была лауреатом Первой премии Оклахомы за академические достижения. В 2006 году школа стала одним из пяти учебных заведений страны, получившим награду Национального центра преобразования городских школ Excellence in Education.

Образование по принципам своей стихии

Главной идеей этой книги становится призыв к тому, что нам срочно необходимо научиться более полно использовать свой природный потенциал. Это чрезвычайно важно для внутренней гармонии и душевного комфорта человека, а также для здоровья всего нашего общества. Образование должно стать процессом, развивающим все имеющиеся способности человека. По перечисленным мной причинам сегодня это зачастую происходит не так. Многие люди, с которыми я провел интервью для этой книги, рассказывают, что за все время обучения они так и не раскрыли свои подлинные таланты. Не будет преувеличением сказать, что многие из них не осознали свои настоящие способности до тех пор, пока не окончили школу и не «восстановились» после полученного образования. Повторю свою мысль, высказанную в начале книги: я не верю, что причиной этой проблемы являются учителя. Это системная проблема, корни которой лежат в организации наших систем образования. На самом деле реальные проблемы образования могут быть решены лишь при непосредственной помощи учителей, которые горячо преданы своему делу, творчески к нему подходят и всей своей работой пытаются пробудить в учащихся воображение и внутреннюю мотивацию.

Ключевые идеи и принципы концепции призвания могут быть использованы во всех основных сферах образования. Учебная программа системы образования двадцать первого века должна быть радикально преобразована. Я описал интеллект при помощи таких понятий, как разнообразие, динамичность и индивидуальность. Применительно к образованию это означает следующее.

Во-первых, нам необходимо устранить существующую иерархичность предметов. Мнимая значимость одних дисциплин по сравнению с другими лишь укрепляет устаревшие установки эпохи индустриализации и нарушает принципы разнообразия. Природные таланты слишком многих людей в ходе получения образования отодвигаются на задний план или игнорируются. Искусства, естественные и гуманитарные науки, физическая культура, языки и математика вносят равноценный и одинаково важный вклад в образование человека.

Во-вторых, необходимо подвергнуть сомнению саму идею «предметов». На протяжении поколений мы придерживались мнения о том, что искусства, естествознание, гуманитарные науки и прочие предметы коренным образом отличаются друг от друга. Истина же заключается в том, что между ними много общего. Умение и объективность, страсть и интуиция в равной степени нужны как для занятий искусством, так и для освоения естественных наук. Идея разграничения предметов не имеет ничего общего с принципом динамизма.

Школьные системы должны строить учебную программу не на идее разделения предметов, а на гораздо более плодотворном подходе, основанном на сути самих дисциплин. Математика, например, это не просто набор информации, которую необходимо выучить, а сложная система идей, концепций и практических навыков. Это даже не дисциплина, а скорее комплекс дисциплин. То же самое можно сказать о драме, живописи, технологии и прочих предметах. Такой подход делает возможным создание гибкой и динамичной междисциплинарной учебной программы.

В-третьих, учебная программа должна быть персонализирована. Обучение происходит в сердцах и умах людей – а не в базах данных многовариантных тестов. Я сомневаюсь, что на свете найдется много детей, которые утром вскакивают с постели с мыслью о том, что еще они могут предпринять для повышения балла своего штата по чтению. Обучение – это личный процесс, особенно если мы заинтересованы в том, чтобы помочь людям найти свое призвание. Существующие методы образования не учитывают индивидуальные способы обучения и таланты. Таким образом, они нарушают ключевой

принцип индивидуальности.

Многие из людей, чьи истории приведены в этой книге, согласились бы со мной. Они обрели творческую отдушину только когда нашли любимое дело и смогли им заниматься. Как говорит Дон Липски: «Главное – это поощрять детей заниматься всем, к чему у них лежит душа. Когда-то заинтересовавшись магией, я встретил в окружающих огромное поощрение и поддержку. Я с таким же увлечением осваивал магию, с каким сегодня занимаюсь художественной деятельностью. Ребенку может нравиться бейсбол, причем не сама игра, а изучение ее статистики или поиск информации о том, какой игрок будет продан какой команде. Это может показаться бесполезным, но, возможно, такой ребенок в будущем станет менеджером бейсбольной команды. Если ребенок – единственный в классе любитель оперы, это нужно ценить и поощрять. Крайне важно приветствовать и поощрять детский энтузиазм, на что бы он ни был направлен».

Концепция призвания распространяется и на принципы педагогики. Слишком многие образовательные реформы направлены на то, чтобы сделать образование независимым от преподавателей. Все наиболее успешные мировые образовательные системы основаны на противоположном принципе. Они инвестируют в преподавателей. Причина заключается в том, что люди достигают впечатляющих успехов, когда рядом с ними находятся те, кто понимает их таланты, способности и сопряженные с этим возможные трудности. Вот почему наставничество помогло стольким людям в жизни. Выдающиеся педагоги всегда понимали, что их настоящая задача – не преподавать предмет, а обучать учеников. Наставничество и консультирование – это движущие силы здоровой образовательной системы.

Концепция призвания важна и в решении проблемы оценивания. Образование постоянно душат стандартизированными тестами. Звучит как насмешка, но эти тесты не содействуют повышению образовательных стандартов, за исключением некоторых очень специальных областей, и проводятся за счет времени, отнимаемого у образования в настоящем смысле этого слова.

Чтобы лучше понять ситуацию, сравним процесс оценки качества в образовании с аналогичным процессом в совершенно другой сфере – ресторанном бизнесе, где приняты две различные модели оценки качества. Первая модель применяется на предприятиях быстрого питания. Здесь качество еды гарантировано, поскольку вся продукция стандартизирована. Сети быстрого питания строго специализируются на том, что входит в меню их торговых точек. Они четко регламентируют, что должно входить в состав бургеров или наггетсов, на каком масле они должны обжариваться, на какой булочке подаваться, что должно входить в состав напитков и как они должны подаваться. Они четко регламентируют оформление зала и одежду персонала. Все стандартизировано. И для многих из нас это ужасающее зрелище. Некоторые виды быстрого питания вызывают массовое распространение ожирения и диабета по всему миру. Но по крайней мере качество гарантировано.

Другая модель оценки качества в данном бизнесе – это ресторанный рейтинг «Красный гид Мишлен».^[72] Она предусматривает конкретные критерии качества, но не оговаривает, в чем и как им должны соответствовать отдельные рестораны. Содержание меню, одежда персонала или оформление ресторана здесь ни в коей степени не регламентированы – все зависит от концепции того или иного ресторана. Рейтинг просто предусматривает определенные критерии, но каждый из ресторанов волен выполнять их тем способом, какой считает для себя наилучшим. Таким образом, ресторан оценивается не посредством неких обезличенных стандартов, а по критериям экспертов, которые знают, на что обратить внимание и каким должен быть хороший ресторан. В результате каждый ресторан, соответствующий критериям Мишлен, великолепен. Все они уникальны и совершенно непохожи друг на друга.

Одна из ключевых проблем образования заключается в том, что большинство стран при оценке качества школ использует именно «модель фастфуда», в то время как целесообразно применять «модель Мишлен». Будущее образования не в стандартизации, а в персонализации; не в поощрении группового мышления и «деиндивидуализации», а в развитии истинной глубины и динамизма всех видов человеческих способностей. Я убежден, что в будущем образование должно осуществляться только в соответствии с концепцией призвания.

Примеры, которые я только что привел, указывают на методы образования, жизненно необходимые нам в двадцать первом веке. Многие из них основаны на принципах, за реализацию которых на протяжении поколений выступали наиболее дальновидные деятели в сфере образования. Эти принципы до сих пор часто считают эксцентричными, даже еретическими. Когда-то они такими и были, поскольку взгляды педагогов существенно опережали свое время (именно поэтому я и называю их дальновидными). Но время настало. Если наше желание реформировать образование истинно и непреклонно, мы должны осознать требования времени и соответствовать им. Мы можем триумфально двигаться в будущее или погрязнуть в прошлом.

Едва ли ставки могут быть выше и для самого образования, и для тех, кто его получает.

Послесловие

Поиск призвания в глубинах собственного Я крайне важен для понимания того, кем человек является на самом деле и что он может сделать для этого мира. С одной стороны, это очень личный вопрос. Он касается только данного человека и близких ему людей. Однако есть еще один значимый аспект. Концепция призвания может широко применяться в управлении школами, компаниями, институтами и обществом в целом. Ключевые принципы призвания заключаются в безграничной гармонии человеческого роста и развития.

Ранее я призывал к отказу от линейного восприятия мира. Мы воспринимаем окружающую действительность, руководствуясь привычным инструментарием – системой устоявшихся идей и убеждений, которые становятся фильтрами того, что и как мы видим. Некоторые из этих идей так глубоко укоренились в нашем сознании, что мы их даже не осознаем. Они кажутся нам простым здравым смыслом, но между тем часто проявляются в метафорах и образах, при помощи которых мы воспринимаем себя и окружающий мир.

Сэр Исаак Ньютон, великий физик, разрабатывал свои теории на заре эпохи машиностроения. Для него Вселенная была подобна огромным механическим часам с совершенно регулярными циклами и ритмами. С тех пор Эйнштейн и другие ученые доказали, что Вселенная абсолютно непохожа на часы – ее загадки сложнее, тоньше и динамичнее любого часового механизма. Современная наука изменила метафоры – и, таким образом, модифицировала наше понимание о принципах функционирования Вселенной.

Однако мы все еще по инерции продолжаем рутинно использовать механистические и технологические метафоры для описания самих себя и общества в целом. Я часто слышу, что люди говорят о человеческом разуме как о компьютере. Они оперируют такими понятиями, как «входящая информация» и получаемый «на выходе» результат, чья-то «загрузка», «встроенное» или «запрограммированное» поведение.

Думаю, всем нам приходилось видеть структурную схему стандартной организации. Обычно она состоит из прямоугольников, внутрь которых помещены имена или должности людей, и линий, показывающих их положение в существующей иерархии. Эти диаграммы выглядят как настоящие архитектурные чертежи или электросхемы. Всем своим видом они подтверждают представление о том, что организации подобны механизмам, начиненным деталями, которые могут быть соединены только определенными способами.

Преимущество метафор и аналогий состоит в том, что они филигранно подчеркивают сходство, каковое, безусловно, существует между работой бездушного компьютера и живого разума. Тем не менее мозг – это определенно не жесткая система в металлической коробке, покоящейся на наших плечах. И человеческие организации совсем не похожи на механизмы. Они состоят из живых людей, которые в своих действиях руководствуются чувствами, различными мотивами и взаимоотношениями. Организационные схемы показывают общую иерархию, но не отражают чувств организации или ее реальной работы. Неоспоримый факт заключается в том, что человеческие организации и общества не похожи на механизмы – они гораздо больше напоминают организмы.

Экологический кризис

Не так давно я был в музее естественной истории. Это удивительное место. Разные залы музея посвящены различным биологическим видам. В одном из них выставлены бабочки, красиво размещенные в стеклянных ящиках, насаженные на булавки, тщательно помеченные ярлыками – и мертвые. Музей сгруппировал их по типу и размеру, расположив сверху крупных бабочек, а снизу – мелких. В другом зале выставлены жуки, тоже рассортированные по типу и размеру, в третьем – пауки. Классификация этих насекомых по категориям и расположение их в разных залах – это один из способов их изучения, и он очень познавателен. Однако соответствует ли такая систематизация их образу жизни в реальном мире? Выйдя из музея, видите ли вы бабочек, летающих строем, в котором крупные особи находятся в авангарде, а мелкие – в хвосте? Видите ли вы пауков, пробегающих мимо четкими колоннами, замыкающими в которых являются самые мелкие из них, в то время как жуки держатся на почтительном расстоянии? В том-то и дело, что в своем естественном состоянии все эти насекомые живут в соответствии со своим, кажущимся нам хаотичным порядком, в сложных, взаимозависимых средах обитания, где их жизни тесно связаны друг с другом.

Все вышесказанное применимо и к человеческим сообществам, которые сталкиваются с теми же, угрожающими экосистемам окружающей среды проблемами. Здесь сходство очень велико.

У писательницы Рейчел Карсон есть очень жесткая книга «Безмолвная весна», которая посвящена взаимосвязям биосистем и нашим многочисленным неудачным попыткам их понять. Она была опубликована в сентябре 1962 года и вызвала бурю эмоций. Рейчел Карсон утверждала, что применение химикатов и инсектицидов, используемых фермерами для повышения урожайности и уничтожения вредителей, обернется для нас неожиданными и катастрофическими последствиями. Впитываясь в почву, эти токсичные химикаты загрязняют водные системы и уничтожают живые организмы моря. Без разбора истребляя насекомых, фермеры попутно нарушают сложные экосистемы, от которых зависят многие другие формы жизни, включая растения. Семена этих растений распространяются насекомыми и бесчисленными птицами, питающимися самими этими насекомыми. Итог страшен – с гибелью птиц утихли и их песни.

Рейчел Карсон была одним из многих первопроходцев, боровшихся за изменение наших представлений об экологии природного мира. С самого начала эпохи индустриализации люди воспринимали природу как неисчерпаемый склад полезных ресурсов для промышленного производства и материального благосостояния. Мы прорывали в земле шахты для добычи угля и руды, сверлили горные породы в поисках нефти и газа и вырубали леса для создания пастбищ. Все эти методы казались довольно эффективными. Однако обратная сторона медали повергла человечество в ужас – спустя триста лет мы видим природу задыхающуюся и стоящей на коленях. Мы столкнулись с настоящим острым кризисом использования природных ресурсов Земли.

Свидетельств этому слишком много, поэтому некоторые геологи утверждают, что мы вступаем в новую геологическую эру. Последний ледниковый период завершился десять тысяч лет назад. Начавшийся вслед за ним и продолжающийся до сих пор период геологи классифицируют как эру голоцена. Однако есть и те, кто называет современный геологический период «эрой антропоцена», от греческого слова *anthropos*, что переводится как человек. Они утверждают, что влияние человеческой деятельности на геологию Земли и ее природные ресурсы привело к началу этой геологической эры, последствиями которой стали окисление океанов, новые виды геологических отложений, эрозия и коррозия земной поверхности, исчезновение многих тысяч видов животных и растений. Ученые считают, что этот кризис вполне реален и необходимо предпринять радикальные меры в течение жизни нескольких ближайших

поколений, если мы хотим избежать катастрофы.

Думаю, для сильного впечатления с вас хватило бы и одного экологического кризиса. Однако я отчетливо вижу, что на нас неуклонно надвигается и вторая опасность, которая требует не менее срочных действий и адекватной реакции. Последствия ее будут столь же серьезны и необратимы. Имя этой опасности – кризис человеческих ресурсов. Я считаю его *вторым экологическим кризисом*.

Второй экологический кризис

Господствующее на Западе восприятие мира опирается прежде всего на выделение различий между предметами и явлениями, а не на видение их взаимодействия и неразрывной связи. Вот почему мы помещаем бабочек и жуков в отдельные коробки и изучаем школьные предметы по отдельности.

Большая часть западных идей опирается на предпосылку о том, что разум существует отдельно от тела и люди каким-то образом отделены от остальной природы. Возможно, именно поэтому многие не понимают, что все потребляемое человеком оказывает непосредственное влияние на его здоровье, мысли и чувства; что качество их жизни напрямую зависит от качества окружающей среды и от того, что они дают ей или отнимают у нее.

Количество физических заболеваний, провоцируемых нарушениями питания, – один из примеров кризиса человеческих ресурсов. Позвольте привести еще несколько. Мы живем во времена, когда сотни миллионов людей не могут прожить ни дня без предписанных им лекарств против депрессии или других эмоциональных расстройств. Доходы фармацевтических компаний стремительно увеличиваются, в то время как моральный дух потребителей их продукции неуклонно падает. Зато бурными темпами растет зависимость от лекарств, продающихся без рецепта, и от алкоголя – особенно среди молодежи. Стремительно увеличивается количество самоубийств, ежегодно превышающее численность погибших во всех мировых вооруженных конфликтах. По данным Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время самоубийства являются третьей по числу погибших причиной смертности среди людей в возрасте от пятнадцати до тридцати лет.

То, что справедливо для отдельных людей, справедливо и для обществ в целом. Я живу в Калифорнии. В 2006 году штат Калифорния израсходовал на нужды системы университетов штата 3,5 миллиарда долларов. Расходы на пенитенциарную систему составили 9,9 миллиарда долларов. Мне трудно поверить, что в Калифорнии в три раза больше потенциальных преступников, чем потенциальных выпускников колледжей, или что всему этому растущему количеству заключенных по всей стране изначально суждено было попасть в тюрьму. Я не верю в то, что в Калифорнии или где-либо еще полно злых от природы людей. По моему опыту, подавляющее большинство людей имеет благие намерения и хочет прожить жизнь с целью и смыслом. Однако очень многие из нас живут в плохих условиях, что лишает их надежды и цели в жизни. В некотором отношении эти условия все больше усложняются.

В начале промышленной революции на планете было довольно мало людей – всего один миллиард. За всю историю человеческого существования население Земли к тому моменту достигло лишь одного миллиарда человек.

Я понимаю, что это большая цифра, и мы уже пришли к выводу, что наша планета довольно мала. Но все же она достаточно велика для того, чтобы на ней довольно комфортно смог расселиться миллиард человек.

В 1930 году на Земле насчитывалось уже два миллиарда человек. Для удвоения численности населения понадобилось лишь сто восемьдесят лет. Но все же для людей оставалось по-прежнему много места. Всего через сорок лет население планеты достигло трех миллиардов. Мы пересекли этот порог в 1970 году, сразу же после «Лета любви»,^[73] что, как я уверен, стало простым совпадением. Далее население продолжало расти впечатляющими темпами. В конце 1999 года вы уже делили планету с шестью миллиардами других людей. Население Земли удвоилось за тридцать лет. По некоторым оценкам, к середине двадцать первого века оно достигнет девяти миллиардов человек.

Другим фактором экологического кризиса, на мой взгляд, является рост городов. На заре

промышленной революции лишь 3 процента из миллиарда людей, живших на Земле, обитали в городах. К 1900 году в городах жили уже 12 процентов из почти двух миллиардов людей. К 2000 году почти половина шестимиллиардного населения Земли заселяла города. По прогнозам, к 2050 году более 60 процентов из девяти миллиардов человек будут горожанами. Футурологи предполагают, что к 2020 году на Земле возникнет более пятисот городов с населением свыше миллиона человек в каждом и более двадцати мегаполисов, чье население будет превышать 20 миллионов человек. В Большом Токио уже сегодня проживает тридцать пять миллионов жителей. Это превосходит численность всего населения Канады, территория которой больше *в четыре тысячи раз*.

Некоторые из таких крупных городов будут располагаться в так называемых развитых странах. Это будут хорошо спланированные мегаполисы с торговыми центрами, справочными бюро и налогами на имущество. Однако реальный рост населения происходит не в этих странах, а в так называемом развивающемся мире – странах Азии, Южной Америки, Ближнего Востока и Африки. Тем не менее многие из этих расползающихся городов в силу перенаселенности будут состоять преимущественно из трущоб: самостоятельно построенных жилищ с плохими санитарными условиями и скудной инфраструктурой. И едва ли там будут какие-то социальные службы.

Такой бурный рост численности и плотности населения Земли порождает огромные проблемы. Они требуют скорейшего преодоления кризиса природных ресурсов. Но в первую очередь они становятся недвусмысленным сигналом к преодолению кризиса человеческих ресурсов и пересмотру нашего представления о взаимосвязи Земли и человека. Все это указывает на острую необходимость развития новых способов мышления и появления новых моделей для описания человеческих обществ, их процветания и упадка.

На протяжении трехсот с лишним лет в западной ментальности господствовали образы индустриализации и научного метода. Настало время изменить сложившуюся в нашем сознании картину мира. Необходимо выйти за пределы линейных механистических моделей и обратиться к более органичным образам для понимания истинного человеческого роста и развития.

Живой организм, к примеру такой, как растение, сложен и динамичен. Каждый из его внутренних процессов оказывает влияние на другие и зависит от них в поддержании жизнеспособности организма в целом. В той же мере это справедливо и для нашей среды обитания. Большинство живых существ может ощущать себя комфортно лишь в определенной среде, и их взаимоотношения обычно четко определены. Здоровые, жизнеспособные растения получают необходимые им питательные вещества из окружающей среды. В то же время они сами способствуют поддержанию окружающей среды, от которой зависят. Конечно, существуют некоторые исключения, такие как лейлендские кипарисы, которые, кажется, поглощают все на своем пути, но, надеюсь, вы поняли мою мысль. Сказанное мной справедливо для всех видов живых организмов, включая нас с вами.

Фермеры добывают средства к существованию, выращивая урожай. Однако не фермеры заставляют растения жить. Не они приделывают им корни, приклеивают лепестки или раскрашивают плоды. Цветок, овощ или фрукт все-таки вырастает сам по себе. Фермеры и садовники обеспечивают им условия для роста. Хорошие фермеры знают, какими должны быть эти условия, плохие – нет. Используя эти аналогии, я хочу сказать всем, что понимание динамичной природы человеческого развития играет такую же важную роль в поддержании человеческой культуры, как и понимание сути природных экосистем, от которых все мы в конечном итоге зависим.

Трудные цели и высокие стремления

В нескольких сотнях миль от моего дома в Лос-Анджелесе находится Долина смерти – одно из самых жарких и сухих мест на планете. Как явствует из ее названия, там мало что растет. Причина объяснима – за год там выпадает не более двух дюймов осадков. Однако зимой 2004–2005 года произошло нечто необыкновенное: в Долине смерти выпало более семи дюймов осадков, чего не случалось на протяжении жизни нескольких поколений. Затем весной 2005 года случилось кое-что еще более удивительное: вся поверхность Долины смерти покрылась весенними цветами. Фотографы, ботаники и просто туристы ехали через всю Америку, чтобы стать свидетелями этого замечательного зрелища, которого они, возможно, не увидят больше никогда в жизни. Долина смерти ожила, она была полна свежести и бурного роста. В конце весны цветы завяли и снова скрылись под горячими песками пустыни в ожидании следующих дождей, когда бы они ни наступили.

Что это доказало? Разумеется, то, что Долина смерти вовсе не была мертва. Она спала. Она просто ждала условий для роста. И когда они наступили, в Долину смерти вернулась жизнь.

То же самое происходит с человеком и обществом, в котором он живет. Нам необходимы благоприятные условия для развития в школе, на работе, в социуме и в личной жизни. Если нужные условия создаются – люди растут, плодотворно взаимодействуя с окружающим миром. Если же условия неблагоприятны, люди защищаются и прячут свои желания от окружающего мира. Некоторые факторы нашего роста находятся внутри нас – я имею в виду уникальные природные способности и личные предпочтения каждого человека. Их выявление и усовершенствование – лучший залог нашего личностного роста и получения удовлетворения от жизни.

Если мы находим внутри себя свое призвание и побуждаем других людей делать то же самое – возможности для нашего роста становятся безграничными. Если нам не удастся этого сделать, мы будем просто жить. Но как скучна и безрадостна будет эта жизнь! Поверьте, это не просто довод из уст обитателя калифорнийского Западного побережья, хотя я действительно живу там в настоящее время. Я верил в эту идею даже в холодные, промозглые декабрьские дни в Англии, где подобная мысль представлялась настоящим абсурдом. Моя идея не нова – это древнее убеждение в необходимости обретения каждым человеком гармонии и удовлетворенности; в том, что мы должны жить в плодотворном взаимодействии с другими людьми и их стремлениями. Эту идею легко упустить из виду в наших современных условиях существования.

Природный кризис и кризис человеческих ресурсов взаимосвязаны. Я снова хотел бы проиллюстрировать свою мысль. Джонас Солк стал первым ученым, разработавшим вакцину от полиомиелита, которая впоследствии получила его имя. Как человек, подхвативший полиомиелит в 1950-х годах, я чувствую определенное влечение к тому, что было страстью всей его жизни, и не раз интересовался его деятельностью. После изобретения вакцины Солк выступил с провокационным наблюдением, которое можно отнести к обоим видам кризиса, наблюдающимся в настоящее время. «Интересно поразмыслить над тем, – говорил он, – что если бы на Земле исчезли все насекомые, то через пятьдесят лет прекратили бы свое существование все прочие формы жизни на планете». Он, как и Рейчел Карсон, понимал, что насекомые, на истребление которых мы затрачиваем столько усилий, – это необходимые нити в сложной паутине жизни нашей Земли. «Однако, – продолжал Солк, – если бы на Земле исчезли все люди, то через пятьдесят лет все прочие формы жизни процветали бы по-прежнему».

Он хотел этим сказать, что мы стали представлять собой проблему для Земли. Наше необыкновенно развитое воображение способствовало многим выдающимся достижениям человечества, помогло нам

перебраться из пещер в города и из болот – на Луну. Однако сейчас существует опасность того, что воображение подводит нас. Мы видим далеко, но все же недостаточно. Наше мышление все еще слишком узко. Мы буквально заиклены на себе как на личностях и биологическом виде, но при этом мало задумываемся о последствиях своих действий. Чтобы максимально гармонично сосуществовать на этой небольшой и переполненной планете, мы должны развивать – сознательно и неуклонно – силу своего воображения и свои творческие способности для использования их в самых различных целях. Микеланджело однажды сказал: «Главной опасностью для большинства из нас является не то, что мы ставим перед собой слишком трудные цели и не достигаем их, а то, что ставим перед собой слишком легкие цели – и достигаем их». Чтобы обеспечить и гарантировать свое будущее, нам необходимо ставить перед собой именно трудные цели и иметь твердые намерения к их достижению.

Для этого каждый из нас в отдельности и все мы вместе должны найти свое призвание.

Благодарности

Говорят, для того, чтобы вырастить ребенка, нужна целая деревня. Для того, чтобы создать книгу, подобную этой, требуется небольшой мегаполис. Правила приличия требуют, чтобы я сказал, что не могу поблагодарить каждого в отдельности, и я действительно не могу этого сделать. Однако есть несколько человек, которым я хочу выразить особую благодарность.

Прежде всего и в первую очередь я хотел бы поблагодарить Терри – мою жену и настоящего партнера. Если бы не она, вы бы сейчас не держали в руках эту книгу. Собственно, сама идея книги выросла из неосторожного импровизированного замечания, сделанного мной несколько лет тому назад на одной конференции. Тогда я только что закончил рассказывать историю Джиллиан Линн, которой теперь открывается первая глава книги. При этом я отметил вскользь, что в ближайшее время собираюсь написать книгу о подобных историях. С тех пор я понял, что нельзя произносить такие вещи вслух в присутствии Терри. Она тут же спросила меня, когда я планирую это сделать. «Скоро, – ответил я. – Определенно скоро». Спустя несколько месяцев ожидания Терри начала эту работу сама: составила план, разработала идеи, провела первые интервью, а затем нашла агента, Питера Миллера, который должен был помочь этому проекту воплотиться в жизнь. В условиях, когда фундамент был заложен столь прочно, а пути отступления наглухо закрыты, я наконец сдержал слово и сам продолжил работу над книгой.

Я хочу поблагодарить Питера Миллера, нашего литературного агента, за все его огромные усилия, и не в последнюю очередь за то, что он свел меня с Луи Ароникой. Я много путешествую – на самом деле даже слишком много, – а создание подобной книги требует огромного количества времени, энергии и содействия. Луи воплотил в себе черты идеального партнера: профессионализм, мудрость, рассудительность, креативность и терпение. Он стал центром стабильности в этом проекте, пока я объезжал земной шар, посылая ему свои записи, черновики и дополнения из аэропортов и гостиничных номеров. Кстати, общаясь друг с другом, мы успешно научились преодолевать многочисленные забавные конфликты между британским и американским английским. Спасибо тебе, Лу.

Мой сын Джеймс пожертвовал своим бесценным последним студенческим летом, потратив его на тщательное изучение архивов, журналов и сайтов для проверки фактов, дат и идей, которые я планировал использовать в своей книге. Вооружившись знаниями, он дискутировал буквально по каждой идее в книге, доводя меня до полного изнеможения. Нэнси Аллен несколько месяцев работала над темами исследования в условиях жесткого цейтнота. Между моей дочерью, Кейт, и Ником Иганом возникло удивительно плодотворное сотрудничество, благодаря которому был создан уникальный сайт, позволяющий узнать, чем мы занимаемся. Наш помощник, Андреа Ханна, работала без устали, чтобы разрешить и уладить миллионы проблем, для успешного осуществления подобного проекта. Без нее у нас ничего бы не получилось.

Настоящей удачей стало то, что в процессе создания книги мы могли пользоваться мудрыми и творческими рекомендациями нашего издателя, Кэтрин Корт из Viking Penguin. Ее деликатная твердость также способствовала тому, чтобы мы завершили работу над книгой в разумные сроки.

Наконец, я хотел бы поблагодарить всех тех, чьи истории иллюстрируют главную идею моей книги. Многие из этих людей, несмотря на высокую занятость, тратили свое бесценное время, чтобы свободно и искренне поговорить о знаниях и идеях, лежащих в основе теории «своего Призвания». Многие присылали мне электронные письма со своими историями, которые еще раз доказывают: вопросы, затронутые в этой книге, являются ключевыми для нашей жизни. Я благодарю всех этих людей – моих добровольных «соавторов».

И – как принято говорить – какой бы позитивный вклад ни внесли другие люди, вина за все ошибки, допущенные в книге, лежит целиком и полностью на мне. Мне это кажется несколько суровым, но все же справедливым.

Об авторе

Сэр Кен Робинсон – один из ведущих специалистов в области развития человеческого капитала, сфера его изысканий – творческое мышление, образование и инновации.

Он консультировал правительства США, стран Европы и Азии, работал с международными агентствами, компаниями из списка Fortune 500, международными культурными организациями. В 1998 году он возглавлял Национальную комиссию по творческому потенциалу, образованию и экономике при правительстве Великобритании, и его отчет «Все наше будущее: креативность, культура и образование» были издан для широкой публики. Он играл ведущую роль в разработке стратегии творческого и экономического развития как части мирного процесса в Северной Ирландии, работая в тесном сотрудничестве с министрами образования и культуры. Сэр Робинсон был одним из четырех международных советников, привлеченных правительством Сингапура для реализации намерения стать креативным центром Юго-Восточной Азии..

Сайт автора: <http://www.sirkenrobinson.com/>

Примечания

1

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (Attention-Deficit / Hyperactivity Disorder, ADHD). Обычно диагностируется у детей с повышенной подвижностью, нарушением концентрации внимания и плохо управляемой импульсивностью. Прим. ред.

2

Книга прозы и поэзии Джона Леннона, выпущенная в 1964 году. В британском оригинале имеет название «In His Own Write» («Его собственным почерком»). Прим. ред.

3

Вторая книга Джона Леннона, изданная в 1965 году. Оригинальное название «A Spaniard in the Works» – игра слов, непереводаемая на русский язык. Прим. ред.

4

Мэтр современной американской контркультуры, сценарист, актер, художник, придерживающийся анархистских взглядов. Прим. ред.

5

Американская телекомпания, владельцем которой является Fox Entertainment Group. Одна из крупнейших телекомпаний мира, причиной успеха которой стали популярные сериалы «Симпсоны», «Футурама», «Секретные материалы», «Доктор Хаус», «Побег». Прим. ред.

6

Английский экономист, демограф и священник (1766–1834). Автор теории, согласно которой неконтролируемый рост населения должен привести к голоду на земле. Прим. ред.

7

Национальный праздник США Independence Day считается днем рождения государства и отмечается 4 июля. Связан с событиями 1776 года, когда 13 британских колоний вели войну с английским королем и парламентом. В ходе военных действий колонисты начали борьбу за свободу от английского владычества, что было сформулировано в Декларации независимости, где впервые прозвучало современное название страны – Соединенные Штаты Америки. Прим. ред.

8

Игра слов: пропущенное слово «ладан» (frankincense) созвучно тому, что сказал мальчик – «Frank sent this» – «Фрэнк прислал это». Прим. перев.

9

Средство диагностики развития интеллекта, предложен в 1905 году учеными А. Бине и Т. Симпсоном. Состоял из 30 вербальных, перцептивных и манипулятивных задач, дифференцированных по критериям трудности и возрасту. Позволял определить умственный возраст ребенка. Впоследствии был неоднократно модифицирован и переработан. Прим. ред.

10

Одна из наиболее влиятельных организаций психологов, членами которой являются более 150 тысяч специалистов из США и Канады и других стран. Создана в 1892 году. Миссия APA – «продвигать психологию как науку, профессию и средство совершенствования благополучия, психического здоровья и образования людей». Прим. ред.

11

В 2007 году Лемэр побил собственный мировой рекорд и осуществил в уме такую же математическую операцию за 70,2 секунды. Прим. ред.

12

Американский дизайнер, изобретатель, архитектор, инженер и писатель. Разработчик «Золотого купола» для Американской выставки в Москве в 1959 году. Автор научно-популярных книг, среди которых нашумевшее «Техническое руководство для космического корабля «Земля»». Прим. ред.

13

Медаль Кальдекотта (Caldecott Medal) ежегодно вручается в США художнику, создавшему лучшую иллюстрированную книгу для детей. Прим. ред.

14

Знаменитая канадская цирковая корпорация Cirque du Soleil, которую называют «цирковым Голливудом» и «Фабрикой цирковых грёз» за масштабность, зрелищность и креативность постановок. В репертуаре цирка 25 шоу-спектаклей. Численность персонала составляет более 4000 человек. Цирк располагает суперсовременным центром для тренировок в Монреале. Прим. ред.

15

Кубинский сдвоенный барабан африканского происхождения. Различают «мужские» (небольшие по размеру) и «женские» (более крупные, для ведущей партии) барабаны. Широко используют в традиционной кубинской и латиноамериканской музыке. Прим. ред.

16

Квантовое уравнение движения электрона, из которого следует, что электрон обладает собственным механическим моментом количества движения – спином. Имело огромное значение для квантовой физики, в частности для работ в области позитронов и античастиц. Соответствует требованиям теории относительности. Установлено английским физиком-теоретиком Полем Дираком в 1928 году. Прим. ред.

17

Однажды Харрисон увидел в гараже Боба Дилана большой ящик с надписью «Handle with Care» – «Обращаться бережно» – и подумал, что не только ящики, но и люди требуют к себе бережного отношения. Прим. ред.

18

Здесь и далее цитаты из пьесы приводятся в переводе А.Радлова. Прим. перев.

19

Перевод Н.Радуги. Прим. перев.

20

Шар, по которому наносится удар в бильярде. Прим. ред.

21

Пьесы «A Few Good Men» («Несколько хороших парней») и «The Farnsworth Invention» («Изобретение Фарнсуорта»). Прим. ред.

22

Телесериалы «Sports Night» («Ночь спорта»), «The West Wing» («Западное крыло») и «Studio 60 on the Sunset Strip» («Студия 60 на бульваре Сансет»). Прим. ред.

23

Фильмы «A Few Good Men» («Несколько хороших парней»), «Malice» («Готова на все»), «The American President» («Американский президент»), «Charlie Wilson's War» («Война Чарли Уилсона»). К выходу в прокат готовится картина «Trial of the Chicago, 7» («Чикаго, семь»). Прим. ред.

24

Официальное название премии «Оскар». Прим. перев.

25

Австрийский спортсмен, чемпион мира по автогонкам в классе «Формула-1». Титул чемпиона получил посмертно, разбившись на Гран-при в Италии в 1970 году, но заработанных ранее очков хватило для присуждения чемпионского титула. Прим. ред.

26

Старший из братьев Райт, американских авиаконструкторов, совершивших в 1903 году первый полет на аэроплане с двигателем внутреннего сгорания. Братья Райт признаны первыми, кто изобрел, построил и испытал летательный аппарат, действительно способный к полетам. Прим. ред.

27

Особый род активности мозга, своеобразное «расслабленное бодрствование». Произвольное генерирование мозгом альфа-волн достигается в медитативном состоянии. Непроизвольное возникает при переходе человека в состояние сна и свидетельствует о резком снижении активности мозга. Прим. ред.

28

Вечеринка в клубе или пабе, на которой гости из публики приглашаются на сцену, чтобы исполнить комедийный номер или песню. Прим. перев.

29

Популярное американское телешоу, цель которого – соревнование авторов, пишущих для индустрии рэпа и хип-хопа тексты в стиле «слэм-поэзии», то есть проговариваемого под музыку белого стиха. Прим. ред.

30

Главная американская премия, вручаемая за достижения в области театрального дела. Прим. ред.

31

Серия концертов, прошедших 2 июля 2005 года в странах «Большой восьмерки» и ЮАР. Акция была приурочена к началу саммита «Большой восьмерки», где обсуждалась проблема списания долгов беднейших стран мира. Первая акция Live Aid прошла в 1985 году с призывом «сделать нищету историей». Прим. ред.

32

Британский психолог, автор методики запоминания, творчества и организации мышления Mind Maps («карты ума»). В 2006 году создал iMindMap – программное обеспечение для поддержки своей разработки. Его идеи легли в основу ряда книг, среди которых «Используйте свою память», «Усовершенствуйте свою память», «Научите себя думать», «Учебник быстрого чтения» и «Книга по «картам ума»». Является автором и соавтором более 100 книг. Прим. ред.

33

Мера расположения данных выборки или распределения. Величина, которая делит выборку данных на сто групп, содержащих по возможности равное количество наблюдений. Например, 30 процентов данных имеют значение, меньшее 30-го процентиля. Прим. ред.

34

Независимое Федеральное агентство правительства США, созданное в 1961 году для реализации силами добровольцев в различных странах мира гуманитарных, информационных, экологических и прочих международных проектов. Прим. ред.

35

Американский производитель электрогитар Gibson Guitar Corporation. С 1960-1970-х гг. гитары Gibson становятся культовыми благодаря всплеску популярности рок-музыки. Оригинальные электрогитары Gibson Les Paul Standard 1950-х гг. сегодня стоят сотни тысяч долларов и являются объектом охоты коллекционеров. Прим. ред.

36

Английский химик, физик и философ. Представитель постпозитивизма. Автор концепции «личностного» знания, которое невозможно визуализировать, но оно является сущностной составляющей деятельности ученого и оказывает влияние на теоретические и практические навыки, а также на способность к воображению и творчеству. Прим. ред.

37

Откровенная книга, основанная на интервью режиссеров, продюсеров, актеров, руководителей студий и голливудских жен, стала скандально-откровенным рассказом о последнем «золотом веке» Голливуда. Прим. ред.

38

Революционные направления в кинематографе Франции и Великобритании 1950-1960-х гг., оказавшие огромное влияние на мировую киноиндустрию и мейнстрим. Прим. ред.

39

Американские профессиональные спортивные команды, играющие в бейсбол и американский футбол. Прим. ред.

40

Высшая школа строительства и художественного конструирования, основанная в 1919 году в немецком Веймаре. Дала импульс появлению художественного объединения и направления в архитектуре. Прим. ред.

41

BIRGing от англ. Basking in Reflected Glory. Прим. перев.

42

Авторская колонка популярного и авторитетного журналиста или колумниста, публикуемая медиахолдингом во всех его периодических изданиях. Прим. ред.

43

Награда, ежегодно присуждаемая за достижения в области архитектуры. Считается аналогом Нобелевской премии. Учреждена в 1979 году семьей Притцкер, владельцами сети отелей Hyatt. Церемония вручения премии Захе Хадид состоялась в Эрмитажном театре в Санкт-Петербурге. Прим. ред.

44

Газовая или электрическая горелка, повсеместно используемая в научных и школьных лабораториях. Прим. ред.

45

Общество было создано в 1950 году. Прим. ред.

46

Церемониальное и метропольное графство на западе Англии. Состоит из 12 городов, расположенных на берегах эстуария р. Мерси. Фактически является конурбацией, включающей Ливерпуль и близлежащие населенные пункты. Крупнейший город и центр – Ливерпуль. Прим. ред.

47

HMI – Инспекция Ее Величества Королевы – является подразделением OFSTED (the Office for Standards in Education), государственной организации, отвечающей за работу государственных и частных образовательных учреждений в Великобритании. Прим. ред.

48

Другие названия – операция «Оверлорд» или D-Day – высадка войск союзников в Нормандии 6 июня 1944 г., давшая старт открытию второго фронта. Является крупнейшей десантной операцией в истории (более 3 млн человек участников). В ходе кампании потери войск союзников составили 215 тыс. человек. Прим. ред.

49

Перевод Г. Кружкова. Прим. перев.

50

Экранизация романа И. Форстера. Действие происходит в Англии начала XX века. В основе сюжета – классовый конфликт, вызванный ключевым вопросом «Кто унаследует Англию?». Прим. ред.

51

Известный экономист, профессиональный инвестор. В среде представителей рынка ценных бумаг США его часто называют «отцом инвестирования на основе ценности». Прим. ред.

52

Крупнейшая молодежная организация, занимающаяся проблемами наставничества в США. *Прим. ред.*

53

Игрок бейсбольной команды, который принимает мяч в определенной зоне поля. Должен иметь исключительное знание поля и импровизировать в ходе игры. *Прим. ред.*

54

Один из героев фильма «Звездные войны». *Прим. ред.*

55

Американский поэт, четырежды становившийся лауреатом Пулитцеровской премии. *Прим. ред.*

56

Американский эссеист, писатель, поэт, философ, мыслитель XIX века. Первым выразил и сформулировал принципы философии трансцендентализма. *Прим. ред.*

57

Одно из движений, в основе доктрины которого симбиоз восточных учений, психологических практик личностного роста, медитативных техник и религиозных установок. *Прим. ред.*

58

Программа поддержки начинающих писателей, реализуемая Стэнфордским университетом. *Прим. ред.*

59

Имеется в виду британская телерадиовещательная корпорация BBC. *Прим. ред.*

60

Анна Мэри Мозес, американская художница-любительница, одна из главных представителей американского живописного примитивизма. *Прим. ред.*

61

Американская журналистка, автор многочисленных книг – бестселлеров на темы прикладной психологии и личностного роста. *Прим. ред.*

62

Разновидность бейсбола, спортивная командная игра с мячом. *Прим. ред.*

63

Имеется в виду Oktoberfest – ежегодный пивной фестиваль, проходящий в Мюнхене. *Прим. ред.*

64

Игра слов: английское слово net переводится на русский язык существительным «сеть» и прилагательным «чистый» в словосочетании net income – «чистый доход». *Прим. перев.*

65

Technology, Entertainment and Design, то есть «Технология, Развлечения, Дизайн». *Прим. перев.*

66

Точнее, S&P 500 – список 500 избранных акционерных компаний США, имеющих наибольшую капитализацию. Список составляется Standard & Poor's и принадлежит этой же компании. *Прим. ред.*

67

Имеется в виду AGR – ассоциация специалистов по найму выпускников. *Прим. ред.*

68

Вилли Вонка, герой романа-сказки Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика», кондитер, способный осуществить мечты любого ребенка. В качестве коммерческого приема он прячет пять золотых билетов в шоколадные батончики. Золотые билеты являются в данном случае символом неожиданного счастья и невероятной удачи. *Прим. ред.*

69

Официальное название – «Школы детства». *Прим. ред.*

70

Педагогическая декларация и краеугольный камень методики, разработанной Л. Малагуцци. *Прим. ред.*

71

Имеется в виду Британская вещательная корпорация. *Прим. ред.*

72

Наиболее известный и влиятельный мировой ресторанный рейтинг с трех-звездной системой оценки. Введен в 1900 году. *Прим. ред.*

73

Имеется в виду масштабная акция американских и европейских хиппи The Summer of Love, собравшая летом 1967 года только в Сан-Франциско более 100 тысяч человек. Имела целью декларацию культуры хиппи. Проходила под знаком творческой экспрессии, сексуальной раскованности и свободы духа. *Прим. ред.*